СОДЕРЖАНИЕ

Том 42, № 6, 2021

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Культурная психология Яана Вальсинера. Часть I. В дискурсе глобальной науки
И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев 5

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Порог осознания как эмпирическая данность и как логическая неизбежность
В. М. Аллахвердов, В. Ю. Карпинская 14

Логический компонент мышления как предиктор принятия решений о наличии коррупционного риска в ситуациях делового взаимодействия
И. Н. Погожина, М. В. Сергеева 25

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Когнитивные функции и успешность освоения чтения в школьном возрасте при типичном развитии и умственной отсталости легкой степени
Т. Н. Тихомирова 35

Айтрекинг-исследование дефицита совместного внимания в дошкольном возрасте
Я. К. Смирнова 46

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Субъектно-личностные характеристики офицеров военного вуза как предикторы эмоционального выгорания
С. В. Михайлова, В. С. Красник 60

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тяжелая болезнь как экзистенциальная проблема
Н. Е. Харламенкова, О. С. Зайцев, Д. А. Никитина, А. Н. Копосова 70

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Педология и прикладная психология в России первой трети XX века
О. Г. Носкова 83

Психология профессиональной деятельности: психофизиологическое и психолого-педагогическое направления исследований (К 90-летию со дня рождения В.А. Бодрова)
А. Л. Журавлев, А. А. Обознов, Ю. В. Бессонова 92

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Образ России в сознании российской молодежи: особенности ценностно-смыслового кода культурных представлений
Л. В. Матвеева, Т. Я. Аникеева, Ю. В. Мочалова, О. Б. Степанова 99

Психологические особенности отношения к безработице как социальному явлению
Ф. О. Семенова, Д.А. Китова, О. В. Рунец 111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

32-й Международный конгресс по психологии
И. М. Созинова 121

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Виктору Исаевичу Белопольскому — 75 лет 125
Александру Александровичу Обознову — 75 лет 127

* * *

Морозов Владимир Петрович 129

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2021 г. Том 42 130

Список ошибок и опечаток, замеченных в «Психологическом журнале», № 4 за 2021 г.
В статье авторов Лето И.В., Логинова С.В. Времяпрепровождение детей и подростков как показатель их благополучия // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 74–85 вместо ссылки на грант “Работа частично поддержана грантом РНФ № 21-15-0003” следует читать “Работа поддержана грантом РНФ № 21-15-0003”.

CONTENTS

Vol. 42, No. 6, 2021

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

Jaan Valsiner's Cultural Psychology. Part I. In the Discourse of Global Science
I. A. Mironenko, A. L. Zhuravlev 5

COGNITIVE PSYCHOLOGY

The Threshold of Awareness as an Empirical Given And as a Logical Inevitability
V. M. Allakhverdov, V. Yu. Karpinskaya 14

The Logical Component of Thinking as a Predictor of Decision-Making about the Presence of Corruption Risk in a Situation
I. N. Pogozhina, M. V. Sergeeva 25

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Cognitive Functions and Reading Speed in Schoolchildren with Typical Development and Mild Mental Retardation
T. N. Tikhomirova 35

Eye-Tracking Study of Joint Attention Deficits in Pre-School Age
Ya. K. Smirnova 46

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

The Subject-Personal Characteristics of Military University Officers as Predictors of Burnout
S. V. Mikhailova, V. S. Krasnik 60

CLINICAL PSYCHOLOGY

Serious Disease as an Existential Problem
N. E. Kharlamenkova, O. S. Zaitsev, D. A. Nikitina, A. N. Koposova 70

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Pedology and Applied Psychology in Russia in the First Third of the XX Century
O. G. Noskova 83

Psychology of Professional Activity: Psychophysiological and Psycho-Pedagogical Directions of Research (On the 90-Th Anniversary of the Birth of V. A. Bodrov)
A. L. Zhuravlev, A. A. Oboznov, Yu. V. Bessonova 92

PSYCHOLOGY AND COCIETY

The Image of Russia in the Consciousness of Russian Youth: Peculiarities of the Value-Semantic Code of Cultural Representations
L. V. Matveeva, T. Ya. Anikeeva, Yu. V. Mochalova, O. B. Stepanova 99

Psychological Features of Attitudes Towards Unemployment as a Social Phenomenon: Trends and Perspectives of Study
F. O. Semenova, D. A. Kitova, O. V. Runets 111

SCIENTIFIC LIFE

The 32-th International Congress of Psychology (ICP 2020+)
I. M. Sozinova 121

OUR JUBELEES

The 75-th anniversary of Viktor Isaevich Belopolsky 125
The 75-th anniversary of Alexander Alexandrovich Oboznov 127

* * *

Morozov Vladimir Petrovich 129

Index of articles published in "Psychological journal" in 2021. Volume 42 130

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 5–13

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9(091)

КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЯНА ВАЛЬСИНЕРА. ЧАСТЬ I. В ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НАУКИ[1]

© 2021 г. И. А. Мироненко[1,*], А. Л. Журавлев[2,]**

[1]ФГБУОУВО Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., д. 7–9, Россия.
[2]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.
[*]Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com
[**]Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 02.04.2021

Аннотация. Представлено недостаточно известное российскому читателю направление зарубежной культурной психологии, лидером которого является Яан Вальсинер. Оно существенно отличается по своим методологическим ориентациям и приоритетам от большинства как зарубежных, так и российских направлений, относимых к этой области психологии. В определенном смысле, научный поиск Вальсинера представляется альтернативным современному развитию культурной психологии в России. Так, в российском культурно-психологическом дискурсе доминирует движение в сторону общегуманитарного синтеза, с фокусом на пересечении соответствующей предметной области психологии с социогуманитарными науками. Культурная психология Яана Вальсинера являет собой движение транспредметного синтеза, объединяющего не только гуманитарные науки, но и всю научную сферу, включая, наряду с гуманитарными, точные и естественные науки. Задача "вертикальной" интеграции психологического знания, то есть интеграции естественнонаучной и гуманитарной психологии, выносится в качестве главной, решение которой и должно стать миссией культурной психологии в развитии психологической науки.

Ключевые слова: культурная психология; глобальная наука; "вертикальная" интеграция; психология "описательная" и "объяснительная"; естественнонаучная и гуманитарная психология; методология психологии; идеографический подход; метод интроспекции.

DOI: 10.31857/S020595920017740-0

"Любая наука, которая находится на пороге перехода от состояния "нормальной" науки к "революционному"..., нуждается в своего рода романтическом бунте..."

Яан Вальсинер

Рост внимания психологов к проблемам культуры, феноменам культурной обусловленности психического — закономерное явление, воплощающее актуальные тенденции современного мирового развития, становления психологической науки периода глобализации [6]. Для российской психологической и в целом гуманитарной науки интерес к проблемам культуры может считаться традиционным. Он начался еще до Л.С. Выготского [15], продолжается и сегодня [2–4; 12; 13 и др.]. Более того, по сути проблема культурного обусловливания психики была фокусом всей парадигмы, сформировавшейся в советской психологии под названием биосоциальной проблемы [8–11]. При этом социализация рассматривалась как процесс формирования личности, а "социальное" понималось, прежде всего, как противоположное животному началу, то, что отличает человека от животного, а не в дихотомии "индивидуальное — групповое", определившей развитие социальной психологии западноцентрического мейнстрима. Поэтому в сегодняшнем мировом дискурсе содержание биосоциальной проблематики советской психологии адекватно отражает дихотомия "природное — культурное" в человеке.

Обращение к предметному полю культуры различных школ и направлений психологии с очевид-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-013-00260

ностью высвечивает различия методологических подходов, высокую степень их дифференциации в мировой науке. Столь же очевидная необходимость интеграции и синтеза психологического знания заставляет обратиться к вопросу о месте и значении отдельных школ и направлений, в том числе о месте в настоящем и будущем мировой науки отечественной школы, чаще всего известной в мире и разработанной в России в виде культурно-исторического подхода.

КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЯНА ВАЛЬСИНЕРА

В международном дискурсе среди школ и направлений, обращающихся к проблемам на стыке психологии и культуры, растущим влиянием пользуется культурная психология. Не так давно, на рубеже XX–XX1 веков, культурную психологию иногда путали с психологией кросскультурной. Сегодня "культурная психология" уже прочно вошла как в отечественный, так и зарубежный дискурс. Отличия культурной психологии от кросскультурной и этнопсихологии очевидны, однако, внутреннее наполнение этого понятия не однородно, и, более того, с развитием дисциплины в ее контексте дифференцируются различные направления.

– "Культурная психология существует во множестве обличий, таких как отечественная "культурно-историческая школа", американская психоистория, социокультурные подходы, кросскультурные и этнопсихологические исследования и т.п." [2, с. 4];

– "Я включаю сюда... пионерские работы Ричарда Шведера и Майкла Коула в США, начиная с 1980-х, а также теорию символического действия Эрнста Э. Бёша (Ernst E. Boesch) и ее продвижения Лутцем Екенсбергером (Lutz Eckensberger); разработки теории диалогического Я Хуберта Хермана (Hubert Herman) и их развитие в Португалии Джоао Салгадо (Joao Salgado) и Гонкалвесом (Miguel Goncalves); энактивизм (Enactivism) Кора Баервельда (Cor Baerveldt); макро-культурный подход Карла Ратнера; новые разработки в субъектном подходе (Mammen and Mironenko, 2015), и другие..." [24, с. 1].

Принято считать, что культурная психология уходит своими корнями в глубокую историю науки и даже имеет приоритет по времени возникновения перед экспериментальной психологией: "Первая кафедра психологии была открыта в Швейцарии в 1860 г., ее возглавил М. Лазарус, специалист в области "Психологии народов", в то время как датой рождения экспериментальной психологии считают 1879 г., когда была открыта лаборатория Вундта в Лейпциге" [20, с. 109]. Развитие культурной психологии происходит "волнами", ее называют наукой, которая "появляется и исчезает" [там же, с. 109]. Я. Вальсинер утверждает, что в современном (третьем) своем появлении она родилась в 1980-е гг. и интенсивно развивается. Начало этой "третьей волне" культурной психологии за рубежом положила известная книга М. Коула с соавторами [16], написанная после его стажировки в МГУ им. М.В. Ломоносова, где А.Р. Лурия познакомил его с культурно-историческими взглядами Л.С. Выготского. Культурная психология позиционирует себя в качестве прямого преемника идей культурно-исторической концепции Выготского.

Цель настоящей статьи — представить недостаточно известное российскому читателю современное направление зарубежной культурной психологии, лидером которого является Яан Вальсинер [19; 21; 22].

Культурная психология Я. Вальсинера представляет собой новейшее явление в мировом дискурсе культурной психологии, влияние его растет на протяжении последних двух десятилетий, что можно видеть по показателям цитируемости флагманского журнала этого направления "Culture&Psychology". Основанный в 1995 г. Вальсинером, который бессменно является его главным редактором, журнал сразу вошел в первый квартиль CJR по исследованиям культуры в психологии, и с тех пор наращивает показатели [25]. Данный журнал, как и Центр культурной психологии при Ольборгском университете (Дания), который Вальсинер возглавил в 2013 г., стал локомотивом широкого интернационального движения, в котором активно участвуют не только представители целого ряда европейских стран, но и ученые из США, Бразилии, Японии, Австралии [26]. Кроме уже названного журнала "Culture&Psychology", с Центром культурной психологии ассоциированы журналы "Frontiers in Psychology: Cultural Psychology", "Integrative Psychological and Behavioral Science", "Psychology and Society", "Human Arenas". Под общей редакцией Вальсинера и его коллег выпускаются серии монографий: "Advances in Cultural Psychology: Constructing Human Development" (вышло из печати 46 книг), "Springer Briefs in Theoretical Advances in Psychology", "New Perspectives on Theory and Psychology", "Annals of Cultural Psychology", "Annals of Theoretical Psychology", "Springer Briefs in Psychology and Cultural Developmental Science", "Palgrave Studies in Creativity and Culture", "Innovation in Qualitative Research". Это направление активно

наращивает свое влияние в социальной психологии и психологии развития, расширяются междисциплинарные связи с культурной антропологией и социологией.

Вышесказанное позволяет рассматривать культурную психологию Вальсинера как значительное явление в современном дискурсе, которое остается недостаточно известным российским коллегам[2]. Оно существенно отличается по своим методологическим ориентациям и приоритетам от большинства направлений, относимых к культурной психологии как зарубежных, так и российских, что дает возможность их сопоставить и по-новому представить перспективы развития культурной психологии в целом.

В определенном смысле, направление научного поиска Вальсинера можно рассматривать как альтернативное современному развитию культурной психологии в России: если в российском культурно-психологическом дискурсе доминирует движение в сторону общегуманитарного синтеза, с фокусом на пересечении гуманитарной предметной области психологии с гуманитарными же науками, то культурная психология Вальсинера представляет собой движение транспредметного синтеза, объединяющего не только гуманитарные науки, но наряду с ними и всю научную сферу, включая науки точные и естественные, и стремительно направленного к общей психологии–центру самой психологической науки, таким образом, имплицитно возвращая ее в центр всей системы наук (где видели ее место российские психологи дореформенного периода). А задача "вертикальной" интеграции психологического знания, используя выражение А.В. Юревича, то есть интеграции естественнонаучной и гуманитарной психологии, представляется в качестве главной, решение которой и должно стать миссией культурной психологии в развитии психологической науки.

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вальсинер рассматривает культурную психологию как часть (a sub-part) *общей психологии*, которая строится на основе положения о том, что все формы и проявления человеческой психики — когнитивные, аффективные и поведенческие — культурно обусловлены. Предметная область ориентирована на "исследования сложных целостных психических проявлений личности, погруженной в культурный контекст", которые прямо противопоставляются "механистическим упрощенным моделям психического, которые использовались в бихевиоральном или (позже) когнитивистском направлениях ... Боязнь сложных психических феноменов продолжается на всем протяжении последнего столетия. Эту тенденцию усилил редукционистский императив, привнесенный доминированием "империи случая"[3] ... и верой в случайное распределение" [21, с. 3].

Культурная психология противопоставляет себя мейнстриму исследований культуры в мировой психологии — кросскультурной психологии, фокусом исследований которой является сравнение культур с использованием преимущественно больших репрезентативных выборок и стандартизованных методик, и которую полагают примером реализации методологии современного мейнстрима, где доминирует так называемая северо-американская традиция. Именно ей противопоставлена культурная психология. Вальсинер пишет о предметной области культурной психологии, подчеркивая, что последняя "прежде всего, не занимается выявлением различий между социальными группами, которые называются в таких исследованиях "культурами". Эта задача остается за кросскультурной психологией" [20, с. 115]. Фокус внимания культурной психологии — личность, культурная обусловленность ее психических свойств и бытие в культуре: "...культурная психология изучает, как символические смысловые системы, социальные по своей природе, интернализируются личностью или используются в межличностных взаимодействиях" [там же, с. 116].

В позиционировании культурной психологии ярко проявляется тенденция противопоставления мейнстриму, которая объединяет культурную психологию с так называемой "критической психологией" (Critical psychology): "Любая наука, которая находится на пороге перехода от состояния "нормальной" науки к "революционному" (используя выражение Т. Куна), нуждается в своего рода романтическом бунте — когда проклинают мейнстрим и верят в утопии прихода "новой науки". Культурная психология не исключение — начиная

[2] О чем свидетельствует то, что нам не удалось обнаружить в российских публикацияхссылок на работы как самого Вальсинера, так и на какие-либо другие литературные источники этого направления в целом, в том числе в фундаментальном исследовании [3].

[3] Автор здесь напоминает читателю об известной книге *Gigerenzer G., Swijtink Z., Porter Th., et al.* "The Empire of Chance", Cambridge University Press, 1989, где описывается, как широкое применение методов статистики изменило научную картину мира.

с 1990-х годов, ее различные версии обещали новые решения проблемы междисциплинарного синтеза с антропологией и социологией, не говоря уже о решении сложнейших практических проблем, порождаемых призраком, который бродит по миру в наши дни — "глобализацией"" [24, с. 4, 5].

В противопоставлении мейнстриму позиционируются основные методологические *принципы и ориентации* культурной психологии.

– Безусловный приоритет теории, а не эмпирики: "Психологическая наука известна своей иррациональной приверженностью к эмпиризму. Прямо противоположным образом... мы с самого начала подчеркиваем важность теории — обращение к исследованиям культуры возможно в любой форме, но теоретическое обоснование должно быть эксплицировано" [23, с. 113].

– Фокус делается на исследовании индивидуальных случаев, анализ которых является основой для обобщений, а не усредненная статистика выборок (примат идеографического метода). Этому положению придается большое значение. Аргументируется обоснованность и традиция обобщений на основе единичных случаев, как в психологии, в истории которой "..практически все классические открытия делались на основе анализа индивидуальных случаев" [21, с. 16]. По мнению Вальсинера, так обстоит дело и в других науках: чтобы исследовать Марс, достаточно собрать данные об этой планете, что позволяет раскрыть многое в отношении и других планет. Нет необходимости исследовать "репрезентативную выборку" планет, подобных Марсу, и вычислить среднестатистические показатели.

– Приоритет качественных, а не количественных методов анализа. Количественное представление данных не является общим методологическим требованием, каким оно является для большинства психологических направлений. Напротив, в каждом конкретном случае исследователь должен обосновать необходимость и возможность квантификации, которая часто отсутствует: "Квантификация в психологии породила ложное чувство удовлетворения, даваемое иллюзорной определенностью чисел. Стремление к квантификации привело к тому, что целый ряд психологических феноменов выпал из сферы внимания психологов, а плоды многих областей психологических исследований стали тривиальными" [21, с. 8]. Созрела необходимость вернуть психологию к ее предмету — душевной жизни индивида, т.е. двигаться в сторону методологии идеографической науки. Статистика, усредненные на больших выборках данные, "годятся для демографии или, может быть, иногда полезны в социологии. Факты, с которыми должна иметь дело психология, относятся к реальности субъективного проживания момента — живым, любящим, несчастным или счастливым — отдельным человеком, во всей полноте и сложности его внутреннего мира... В современной психологии очевидно несоответствие между ее предметом и методами" [21, с. 3].

– В культурной психологии приветствуется обращение к методу интроспекции, часто в форме "автоэтнографии", когда субъект-исследователь описывает с максимальной подробностью и точностью собственные переживания и действия в какой-либо ситуации, а затем их анализирует [18]. В книге Вальсинера "От методологии к методам в психологии человека" [23] прямо утверждается: "основным методом психологии должна быть интроспекция" [23, с. 59]. Глава 6 этой книги так и называется: "Интроспекция как основной метод психологической науки".

Однако только критики мейнстрима явно недостаточно: "Чтобы новое увлечение "культурной психологией", моду на которую мы наблюдаем последние два десятилетия, оставалось продуктивным, необходимы теоретические инновации и сопутствующий прогресс методологии. Конструктивный вклад, а не только критика — вот, в чем суть" [24, с. 2].

Культурная психология школы динамического семиозиса провозглашает своей целью конструктивное *развитие* теории и методологии *общей психологии*: "Культурная психология в своих различных версиях ведет к формированию нового типа общей психологии — где предметом исследования будут общие, универсальные принципы организации человеческого чувствования, мышления, действия, и изучаться все эти всегда конкретные явления будут в интенциональном и целенаправленном процессе жизни субъекта" [24, с. 7]. Такая установка существенно отличает культурную психологию Вальсинера от большинства других вариантов культурной психологии, существующих сегодня как в России, так и за рубежом, ориентированных на чисто гуманитарную традицию в психологии в контексте других гуманитарных дисциплин (культурологии, философской антропологии и др.). Они ограничивают свою предметную область психологией личности, вне контекста психологических знаний процессов и состояний, накопленных экспериментальной психологией естественнонаучной ориентации: "Особо следует подчеркнуть, что культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания в первую очередь затрагивает гуманитарные аспекты коммуникации

психологии и смежных наук. Ими и ограничены рамки нашего исследовательского поля, куда не входят более детально представленные в психологической науке позитивистский и экспериментальный дискурсы" [3, с. 4].

Результаты проделанной в "общепсихологическом" направлении работы концептуализированы Вальсинером в виде системы предлагаемых оснований психологии: принципов, теорий и аксиом [23], которые будут раскрыты во второй части статьи через конкретные примеры эмпирических исследований.

ПРОБЛЕМА "ВЕРТИКАЛЬНОЙ" ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

Культурная психология Я. Вальсинера стала закономерным воплощением современных тенденций в становлении мировой психологической науки, в том числе тенденции к описательному повороту, который в большой степени характерен и для России постсоветского времени. Описательная направленность в методологии очень характерна для современных российских исследований, обращенных к проблеме культуры. Стремление к отражению предмета в полноте его проявлений, к *пониманию* сложных целостных культурно обусловленных феноменов ярко выражено в работах М.С. Гусельцевой [2–4], исследованиях жизни личности в культуре Е.Б. Старовойтенко [12–13]. Очевидна эта тенденция и в современном развитии российской исторической психологии, которая по своей предметной области практически близка сейчас культурной психологии (именно в ее понимании Вальсинером): "...историческая психология исследует психический мир человека в его обусловленности историческим временем; она изучает особый класс детерминант: *историческую детерминацию психики* индивидуального и коллективного субъекта; рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей... Ее предметом являются высшие этажи психики — социально-историческое сознание — та реальность, которая связывает человека с обществом, с человеческой цивилизацией..." [7, с. 86].

Близким по предметной области — обращению к целостному человеческому бытию, как и по проявлению тенденции к *понимающей* описательной парадигме направлением, представляется и современная российская христианская психология.

На фоне проявляемого сходства в понимании предметной области психологии и открытости к описательному повороту, в современном развитии зарубежной культурной психологии и психологических исследований культуры в России имеются и существенные различия.

Прежде всего обращает на себя внимание различие в позиции по отношению к тем, кто использует количественные методы и строит модели, отвечающие требованиям научности, но основанные на упрощенных и неполных представлениях о психических явлениях. Культурная психология Вальсинера проникнута обвинительным пафосом по отношению к последним. Призывы к борьбе с мейнстримом, оценка бессмысленности психологических разработок, выполненных в "американской" традиции, явно обозначены здесь. В 2010 г. вышла из печати коллективная монография с выразительным названием: "Размышления о методологии психологии: 60 лет на ложном пути?" [27].

Современный российский дискурс исследований культуры в основном не отличается такой агрессивностью по отношению к сторонникам упрощенных моделей и жестких статистических критериев. Порождаемые описания культурно обусловленных сложных и целостных психических явлений никак не противопоставляются "объяснительным" моделям и вообще с ними не сопоставляются. Проблема выбора психологии описательной или объяснительной вообще не ставится. Представляется, что одна из причин этого состоит в ситуации, сложившейся в мировом профессиональном сообществе. Революционный пафос современной зарубежной культурной психологии отражает бурные процессы диверсификации, тенденции и движения протеста против парадигмы, доминировавшей во второй половине XX века, в которых происходит формирование глобальной психологической науки [6]. "Старая" парадигма все еще сильна, более того, доминирует, что видно по ведущим публикационным площадкам, по импакт-факторам журналов, по рейтингам кафедр и университетов. Сторонники культурной психологии — в числе штурмующих эти цитадели отрядов. По нашему мнению, отсюда и пафос борьбы с доминирующим противником.

Российские ученые, работающие сегодня в описательной парадигме, своего извечного "противника" на данном этапе если "не одолели", то "обошли" его стороной. Бурные дискуссии сторонников описательной (гуманитарной) и объяснительной (естественнонаучной) психологии отгремели в российском профессиональном сообществе в постреформенный период [9; 14], когда А.В. Юревич метко характеризовал положение естественнонаучной парадигмы как "осадное". Сегодня же в России скорее можно наблюдать "нападки" сторонников "объяснительной" парадигмы на "описательную".

Еще одним отличием, значимым в контексте актуального становления *глобальной* психологической науки [6], является то, что в российском культурно-психологическом дискурсе доминирует внимание к культурно-специфическим характеристикам личности, с сохранением фокуса на российской (христианской православной психологии) и европейской культуре. Ярким примером последнего может послужить монография Е.Б. Старовойтенко [12], в контексте которой культурная психология нацелена на "перспективу создания психологических моделей личности, релевантных различным эпохам той или иной культурной общности" [12, с. 7], а "на первый план выходит разработка культурно — психологических моделей личности, отражающих этапы становления европейского персонализма" [там же, с. 2]. Такой подход радикально отличен от поликультурной психологии Вальсинера, где культура рассматривается прежде всего, как универсальный механизм очеловечивания человека, различный в разных культурах по своему содержанию и конкретике, но выполняющий в разных обличиях ту же функцию. Фокус анализа здесь — не отдельно взятая культура, которая сравнивается с другой культурой, и, соответственно, рассматривается вопрос о специфическом влиянии каждой на личность, формирующуюся и функционирующую в контексте той или иной культуры. Здесь ставится задача исследования универсальных принципов функционирования личности в культурном контексте, где личность рассматривается как открытая система, а контекст и личность динамически взаимопроникают, не сливаясь, не оставаясь нераздельными в *процессе* бытия.

Еще одно существенное отличие подхода, который доминирует в России: российские исследования в большей степени ориентированы на свойства личности, устойчивые во времени, преимущественно внеситуативные, в целом они реализуют системно-структурный подход [12; 13] (см. о специфике структурного подхода [5]). Зарубежная современная культурная психология основана на процессуальном подходе. Фокус внимания здесь на том, как во взаимодействии интериоризированной культуры и культурной среды (интра- / интер- культурный подход) функционируют психические процессы человека. Именно микродинамика культурно обусловленных психических процессов оказывается в центре изучения. В фокусе исследований находится отдельно взятая ситуация, в контексте которой происходит трансформация психического в интра-/интер- культурном взаимодействии, которая рассматривается как способ существования. Предлагаются теоретические модели, которые могут быть эмпирически проверены, поэтому могут считаться научными. Теоретические рассуждения здесь становятся основой для эмпирических научных исследований, в то время как в российском дискурсе по-прежнему часто культурная психология "все больше уходит <...> в метафизику" [1, с. 427] — то есть, собственно, психологической *наукой* быть перестает. Когда продолжительные рассуждения не встречают возражений, потому что самоочевидны, и по той же причине не допускают эмпирической проверки, они не могут считаться наукой, что, конечно же, не снижает их ценности в качестве иных видов психологического познания, но, если мы хотим сохранить *и научные* исследования культуры в психологии, стоит об этом задуматься. Парадоксальным образом сегодня Л.С. Выготского часто цитируют именно те, кого он предлагал "вынести за скобки" психологической науки, разрыв с кем он считал путем прогрессивного развития психологии. "Монизм снизу", попытки монистических устремлений к поглощению области психологии личности естественнонаучно ориентированной психологией, давно уже получают критическую оценку в российском дискурсе. Не менее опасным представляется и "монизм сверху", игнорирование, "вынесение за скобки" огромного массива фундаментального и достаточно достоверного психологического знания, составляющего содержание дисциплины "Общая психология" в профессиональном психологическом образовании (типично для современной российской психологии "сложных контекстуально опосредованных явлений" феноменологического плана).

В русле разработки "проекта научной психологии", то есть знания, построенного на основе принципов объективности, детерминизма и рациональности, веками разрабатывались и разрабатываются сегодня учеными линии объяснения психического через его "объективное" содержание — психическое как образ мира (психофизическая проблема), и через "носителя" психического — организм (психофизиологическая проблема). Психолог, обладающий этим знанием хотя бы до известной степени, имеющий в голове "карту" предметных областей психологии, где отмечены соответствующие отрасли психологического знания, смотрит и на те из них, которые непосредственно к психофизической и психофизиологической проблемам не относятся, например, на фокусные для современной российской психологии проблемы личности. И это происходит по иному, чему того, кому и в голову не приходит как-то соотносить проблемы персонологии с массивом научного общепсихологического знания о психических процессах и состояниях. И это отсутствие принятия во внимание знания о процессах и состояниях, при

анализе проблем личности, тоже своего рода редукционизм, хотя, на первый взгляд, речь не идет о сведении сложного к более простому и потому рационально понятному. Представляется, что оба варианта монизма — и “сверху”, и “снизу” — неприемлемы для психологической науки, чреваты обесцениванием психологического знания, потому что “..понять и объяснить психику можно, только рассматривая ее одновременно и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего феноменального мира, и в других ипостасях” [14, с. 149].

Культурная психология Вальсинера воплощает конструктивную и актуальную для современного развития психологической науки тенденцию транспредметного синтеза научного знания, направленного на развитие ядра психологической науки — общей психологии, в направлении, которое А.В. Юревич обозначил как “вертикальная” интеграция психологии: “самая заветная мечта и одновременно главная методологическая проблема психологической науки — это объединение различных уровней проявления и детерминации психического” [14, с. 148]. В этом направлении работает культурная психология Вальсинера — на обогащение и развитие психологии другими науками: математикой, физикой, биологией, культурологией, историей, этнографией, искусствоведением и др. В 2021 г. издательство Спрингер (Springer) выпускает новую книгу Яана Вальсинера “Общая психология человека: основания науки” (“General human psychology: Foundationsfor a Science”), в которой будет представлен широкий круг теоретических моделей и эмпирических исследований, предпринимаемых для их проверки.

Возможность такого пути не должна выпасть из поля зрения российских психологов, обращающихся к психологическим проблемам культуры.

Личность в аспекте предметной области психологии совершается в психических процессах и состояниях, именно на этом пути психология может внести свой вклад в понимание и изучение личности как проблемы транспредметной и общенаучной. Личность, вне психических процессов и состояний, может ли быть представлена в качестве предмета психологии? Что тогда психологи могут предложить в качестве своего вклада в междисциплинарные исследования? Расширение предметной области психологии в сферу культуры — необходимость и закономерность современного развития мировой психологии. Это вызов, на который она должна ответить. Но если освоение предметного поля смежных гуманитарных наук будет совершаться ценой утраты собственного лица, тех возможностей, которыми располагает психологическая наука, того громадного объема психологического знания, которым она располагает, — не будет ли это Пирровой победой?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л.С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
2. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007. 299 с.
3. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2015.
4. *Гусельцева М.С.* Проблема субъекта с позиции культурно-аналитического подхода // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 128–138.
5. *Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
6. *Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
7. *Кольцова В.А.* Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.
8. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 88–94.
9. *Мироненко И.А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
10. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
11. *Мироненко И.А., Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
12. *Старовойтенко Е.Б.* Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.
13. *Старовойтенко Е.Б.* Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект, 2015.
14. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
15. *Юров И.А.* Развитие культурно-исторической парадигмы в отечественной психологии // Историческая

психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020. С. 321–328.

16. *Cole M., John-Steiner V., Scribner S.* L.S. Vygotsky. Mind in society: The development of higher psychological processes. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
17. *Mammen J., Mironenko I.A.* Activity Theories and the Ontology of Psychology: Learning from Danish and Russian Experiences // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. V. 49. № 4. P. 681–713.
18. *Mironenko I., Proskuriakova E., Rafikova V., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E.* Walking in St. Petersburg — Vienna Walks Continued // Human Arenas. 2020. № 3. P. 190–213.
19. The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology / Eds.: Rosa A. & Valsiner J. 2 ed. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2018.
20. *Valsiner J.* Cultural psychology today — personal introduction to the Ritsumeikan Symposium // Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
21. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // Integr. Psych. Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
22. *Valsiner J.* An invitation to cultural psychology. Sage Publication, 2014.
23. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer VS, 2017. (Springer Briefs in Psychology).
24. *Valsiner J.* The Sixth Niels Bohr Lectures on Cultural Psychology. Lecture I. February 26, 2018 // https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/361/361109_valsiner-lecture-one-feb-26–2018.pdf.
25. *Valsiner* J. Culture & Psychology: 25 Constructive years // Culture and Psychology. 2019. V. 25. № 4. P. 429–469.
26. *Valsiner J., Marsico P., Chaudhary N., Sato T., Dazzani V.* (Eds). Psychology as the science of human being: The Yokohama Manifesto. Springer. Annals of Theoretical Psychology. 2016. V. 13. https://doi.org/10.1007/978-3-319-21094-0
27. *Toomela A., Valsiner J.* (Eds.). Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010.

JAAN VALSINER'S CULTURAL PSYCHOLOGY. PART I. IN THE DISCOURSE OF GLOBAL SCIENCE[4]

I. A. Mironenko[1,*], A. L. Zhuravlev[2,]**

[1]St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9, Russia.
[2]Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
[**]Doctor of Psychology, Professor of the Faculty of Psychology.
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com
[**]Academic of the RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 02.04.2021

Abstract. We introduce a variant of international cultural psychology, insufficiently known to the Russian reader, the leader of which is Jaan Valsiner. It differs significantly in its methodological principles and orientations from most related to cultural psychology, both international and Russian. In a certain sense, the methodology of the school of dynamic semiosis seems to be an alternative to the modern development of the discourse of cultural psychology in Russia. Russian cultural psychological discourse primarily moves towards a general humanitarian synthesis, with a focus on the intersection of the humanitarian subject area of psychology with the humanities, while cultural psychology of Jaan Valsiner represents a movement of trans-subject synthesis, embrasing not only the humanities, but the entire scientific sphere, including the exact and natural sciences, along with the humanities. Thus, the task of "vertical" integration of psychological knowledge, that is, the integration of natural science and humanitarian psychology, appears the main target, which should become the mission of cultural psychology in the development of psychological science.

[4] This work was supported by RFBR, grant № 20-013-00260.

Keywords: cultural psychology; global science; “Vertical” integration; descriptive and explanatory psychology; natural science and humanitarian psychology; methodology of psychology; ideographic approach; introspection method

REFERENCES

1. *Vygotskij L.S.* Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa. L.S. Vygotskij. Sobr. soch. V 6-i tt. V. 1. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 291–436. (In Russian)
2. *Gusel’ceva M.S.* Kul’turnaya psihologiya: metodologiya, istoriya, perspektivy. Moscow: Prometej, 2007. 299 p. (In Russian)
3. *Gusel’ceva M.S.* Kul’turno-analiticheskij podhod k izucheniyu evolyucii psihologicheskogo znaniya: Diss ... dokt. psihol. nauk. Moscow, 2015. (In Russian)
4. *Gusel’ceva M.S.* Problema sub”ekta s pozicii kul’turno-analiticheskogo podhoda. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 128–138. (In Russian)
5. *Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A.* Struktura problemnogo polya sovremennoj psihologii lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 1. P. 26–35. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Mironenko I.A., Yurevich A.V.* Psihologicheskaya nauka v global’nom mire: vyzovy i perspektivy. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 2. P. 58–71. (In Russian)
7. *Kol’cova V.A.* Istoricheskaya psihologiya kak kompleksnaya otrasl’ znaniya: teoretiko-empiricheskij analiz. Psikhologicheskii zhurnal. 2011. V. 32. № 3. P. 85–95. (In Russian)
8. *Mironenko I.A.* Biosocial’naya problema v sovremennoj psihologii i perspektivy razvitiya otechestvennoj teorii. Psikhologicheskii zhurnal. 2005. V. 26. № 1. P. 88–94. (In Russian)
9. *Mironenko I.A.* Rossijskaya psihologiya v prostranstve mirovoj nauki. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. (In Russian)
10. *Mironenko I.A.* Biosocial’naya problema i stanovlenie global’noj psihologii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2019. (In Russian)
11. *Mironenko I.A., Zhuravlev A.L.* Biosocial’naya problema v kontekste global’noj psihologicheskoj nauki: ob universal’nyh harakteristikah cheloveka. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 6. P. 87–98. (In Russian)
12. *Starovojtenko E.B.* Kul’turnaya psihologiya lichnosti. Moscow: Akademicheskij proekt, 2007. (In Russian)
13. *Starovojtenko E.B.* Personologiya: zhizn’ lichnosti v kul’ture. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (In Russian)
14. *Yurevich A.V.* Metodologiya i sociologiya psihologii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2010. (In Russian)
15. *Yurov I.A.* Razvitie kul’turno-istoricheskoj paradigmy v otechestvennoj psihologii. Istoricheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holondovich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2020. P. 321–328. (In Russian)
16. *Cole M., John-Steiner V., Scribner S.* L.S. Vygotsky. Mind in society: The development of higher psychological processes. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
17. *Mammen J., Mironenko I.A.* Activity Theories and the Ontology of Psychology: Learning from Danish and Russian Experiences. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. V. 49. № 4. P. 681–713.
18. *Mironenko I., Proskuriakova E., Rafikova V., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E.* Walking in St. Petersburg — Vienna Walks Continued. Human Arenas. 2020. № 3. P. 190–213.
19. The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology. Eds.: Rosa A. & Valsiner J. 2 ed. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2018.
20. *Valsiner J.* Cultural psychology today — personal introduction to the Ritsumeikan Symposium. Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
21. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft. Integr. Psych. Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
22. *Valsiner J.* An invitation to cultural psychology. Sage Publication, 2014.
23. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer VS, 2017. (Springer Briefs in Psychology).
24. *Valsiner J.* The Sixth Niels Bohr Lectures on Cultural Psychology. Lecture I. February 26, 2018. https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/361/361109_valsiner-lecture-one-feb-26–2018.pdf.
25. *Valsiner J.* Culture & Psychology: 25 Constructive years. Culture and Psychology. 2019. V. 25. № 4. P. 429–469.
26. *Valsiner J., Marsico P., Chaudhary N., Sato T., Dazzani V.* (Eds). Psychology as the science of human being: The Yokohama Manifesto. Springer. Annals of Theoretical Psychology. 2016. V. 13. https://doi.org/10.1007/978-3-319-21094-0
27. *Toomela A., Valsiner J.* (Eds.). Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 14–24

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.938.21

ПОРОГ ОСОЗНАНИЯ КАК ЭМПИРИЧЕСКАЯ ДАННОСТЬ И КАК ЛОГИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ[1]

© 2021 г. В. М. Аллахвердов[1,*], В. Ю. Карпинская[1,2,]**

[1]Санкт-Петербургский Государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7\9, Россия.
[2]Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой Российской академии наук;
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Павлова, д. 12а, Россия.
[*]Доктор психологических наук, профессор
[**]Кандидат психологических наук, доцент, эксперт

Поступила 00.00.0000

Аннотация. Обсуждается природа сенсорного порога и подходы к решению проблемы порога в психофизике. Приводятся экспериментальные результаты, эмпирические факты, которые не вполне соответствуют существующим психофизическим теориям и не получают объяснения в русле современных подходов. Сделан вывод о том, что объяснение порогов без описания участия работы сознания вызывает сомнения. Предлагается новый взгляд на природу порогов, при котором порог рассматривается как неизбежное следствие процессов классификации и категоризации. Благодаря тому, что в акте познания обязательны операции отождествления нетождественного и различение неразличимого, формируется зона, внутри которой объективно различающиеся элементы отождествляются в сознании, относятся к одному классу. Эта зона существует во всем спектре когнитивных задач, в том числе и в задачах обнаружения и различения. Пороги фиксируют границы этой зоны. Таким образом, проблема порога для своего разрешения требует описания работы не столько физиологических, сколько когнитивных механизмов.

Ключевые слова: сознание, порог, методы психофизики, неосознаваемые сигналы, классификация.

DOI: 10.31857/S020595920017743-3

Органы чувств способны точно и полно воспринимать реальность, однако самое надежное, достоверное знание дано сознанию, которое заведомо получает менее точную и менее полную информацию. Как такое возможно? Этот парадокс даже в более общем виде высказал П.Я. Гальперин: “В психических отражениях открывается даже меньше того, что есть в их основе, в физиологических отражениях ситуации. Но именно это “меньше” и открывает новые возможности действия!” [10, с. 61]. Важно понять, почему сознание не пользуется полной информациейипочему при этом “меньше” оказывается лучше.

Впервые сформулированный в начале XIX векапарадокс обсуждал И. Гербарт. Органы чувств, утверждал он, работают практически идеально, они “приближаются к математической определенности и обыкновенно не искажают своего предмета” [11, с. 71]. Но в сознание попадает далеко не всё, что воспринимается органами чувств. И это парадоксально, потому что вся педагогика (а Гербарт — один из признанных основателей научной педагогики) строится на том, что доверять можно только осознанному знанию. Именно сознание, уверяли нас философы и психологи, дает нам наиболее достоверную картину мира. Напомним известный тезис советской психологии: “сознание — высшая форма отражения”.

Тезис Гербарта о близкой к идеальности работе органов чувств получил за два века мощное подтверждение. Утверждается, что абсолютный порог для слуха настолько мал, что если бы он стал еще чуть меньше, мы стали бы слышать случайные удары молекул воздуха о барабанную перепонку. И лучше видеть нельзя. В XX в. считали, что глаз способен реагировать на 3–5 квантов света, т.е. — что уже невероятно для осознанного восприятия! — темной ясной ночью способен заметить пламя горящей свечи на расстоянии почти в 30 км. А в XXI в. зарегистрирована реакция глаза всего на один фотон [35]. Лучше не бывает. Многие современные авторы говорят, что чувствительность рецепторов близка к теоретическим пределам.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-03-00778 (рук. проекта В.М. Аллахвердов)

Многочисленные исследования показывают, что не осознаваемые подпороговые сигналы могут вызывать разнообразные физиологические реакции (например, регистрируемые по изменению диаметра зрачка, по показателям КГР, ЭКГ, фМРТ [18; 33]). Еще более поразительно, что неосознаваемые сигналы вызывают поведенческие реакции. В исследованиях Н.Ю. Алексеенко (1967) показано, что неосознаваемый (подпороговый) звуковой сигнал, поданный на одно ухо, влияет на оценку людьми места, где, как им кажется, расположен источник осознаваемого ими звука, поданный на другое ухо. А Поппель [29] утверждает, что если предъявлять человеку один и тот же звук на оба уха с разницей в 1 мс, ему будет казаться, что предъявлен только один звук. Но если предъявлять второй звук через 3–5 мс, то человек услышит два звука. Никто не способен осознавать различие в две миллисекунды, но оказывается, что человек неосознанно их различает. Осознанные решения, тем самым, могут приниматься и на основе неосознанной информации. Но встает вопрос о том, почему тогда эта каким-то образом воспринятая информация не осознается.

ПОДХОД И. ГЕРБАРТА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ ОСОЗНАННОГО ЗНАНИЯ

И. Гербарт создал первую в истории психологическую теорию, призывая использовать математику и опираться на опыт. Все, что содержится в сознании, и даже все то, что только стремится проникнуть в сознание, он называл представлениями. Гербарт признавал нечеткость терминологии (например, у него *неосознаваемые представления хранятся в сознании*) и вынужден был использовать термин “сознание” в двух разных смыслах [11, с. 96, с. 132]. По-видимому, он *трактовал сознание*, *во-первых*, *как гипотетический механизм*, *в котором происходит работа со всеми представлениями*, *а во-вторых*, *как эмпирический феномен*, *как то*, *что осознается*, т.е., словами Гербарта, предстает перед нашим внутренним взором. В нашей статье мы тоже будем различать сознание как теоретический конструкт и как эмпирический феномен (в последнем случае будем стараться говорить об *осознании*).

Гербарт хотел построить психологию по образцу ньютоновской механики и потому считал, что всю работу с любыми представлениями надо объяснять одними и теми же причинами, описывать одними и теми же законами. Хотя примеры представлений, приводимые Гербартом, — это представления, возникающие под влиянием объектов внешнего мира, полученные в сенсорном опыте, он описывал механику для любых представлений, независимо от их происхождения [11, с. 120]. Он понимал, что разрешение проблемы порога в работе сознания, а не в работе сенсорной системы. Представления могут быть качественно различны, но, по Гербарту, для описания работы сознания это несущественно. Деление целостной психики на разные психические способности (ощущение, память, воображение, мышление и т.д.) неоправданно, это — мифология психологии [11, с. 152; с. 124]. В нашей статье мы будем искать разрешения парадокса на примере решения сенсорных задач, но будем помнить, что предложенное решение может быть отнесено к широкому классу психических явлений.

Сознание, по Гербарту, обеспечивает непротиворечивое единство собственного содержания. О том, что сознание не терпит противоречий, говорили многие и до Гербарта, и после (К.Д. Ушинский называл это широко распространенным мнением). Но Гербарт не ограничивается констатацией. Он описал механику работы сознания, обеспечивающую непротиворечивое единство. Сознание, по Гербарту, опирается на уже накопленное знание и отвергает (не впускает в сознание) противоречащие этому знанию представления. Это-то и дает сознанию преимущество, поскольку оно, тем самым, не отвлекается на случайные вариации. Однако прошлый опыт — это еще не окончательно достоверное знание. Поэтому любое (даже противоречащее) представление все-таки должно иметь возможность перейти *порог сознания* и стать осознанным, но это возможно только при достижении определенной интенсивности этого представления. А уж если новое представление вошло в сознание, то оно будет вытеснять из сознания другие представления, которые ему противоречат.

Идеи Гербарта умозрительны. Он, в отличие от Ньютона, не ставил задачу проверять в опыте свои рассуждения и написанные им формулы, поскольку был убежден, что “психология не смеет экспериментировать над людьми” [11, с. 125]. Тем не менее его идеи, несмотря на спекулятивность, вдохновили столь разных психологов, как Фехнер и Фрейд.

КЛАССИЧЕСКАЯ ПСИХОФИЗИКА. ПОДХОД Г.Т. ФЕХНЕРА

Г.Т. Фехнер — физик и экспериментатор. Не подлежащие операционализации конструкции Гербарта его не могли устроить, хотя он и принял

идею порога осознания. Фехнер решал сходную, но иную проблему, чем Гербарт. Физический и психический миры — это две взаимосвязанные стороны одной и той же действительности, поэтому физический мир должен адекватно отражаться в сознании. Но мир, представленный в сознании, не может быть тождественен физическому миру, ибо тогда теряется специфика психического. Фехнер придумал как соединить адекватность и нетождественность: надо найти "точную количественную теорию об отношениях между физическим и психически мирами" [25, с. 7]. Если воспринимаемый мир однозначно (по математическим формулам) преобразуется в представления сознания, то эти представления будут одновременно и адекватны, и нетождественны.

Как экспериментатор он понимал, что в общем виде для всех попадающих в сознание представлений поставленную им задачу не решить. Поэтому Фехнер рассматривал только частный случай: зависимость интенсивности ощущений от интенсивности физического раздражителя. Возникла проблема измерения интенсивности ощущений. Сам субъект, по мнению Фехнера, измерять величину ощущений не умеет. Он может только сказать, какое из ощущений сильнее. Фехнер придумал косвенный способ вычисления величины ощущения с помощью измерения сенсорных порогов.

Если ощущение возникло, то только при достаточном увеличении физической интенсивности сигнала возникнет новое ощущение. Самое маленькое, едва заметное различие между двумя ощущениями — дифференциальный порог. Постулат Фехнера: едва заметное различие — это бесконечно малое различие, а потому все такие субъективные различия равны между собой. Этот постулат эмпирически не проверяем (С. Стивенс, например, вводит другой постулат). Фехнер трактует едва заметное различие одновременно как непрерывное (что позволяет ему эти различия не суммировать, а интегрировать и получать величину ощущения) и как дискретное (как порог). Это изумляет математиков, но не смущает физика Фехнера и позволяет ему получить красивый закон: величина ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражения.

Фехнер был уверен, что логарифмическая зависимость может быть получена лишь между физическими и психическими параметрами. На основе своих метафизических построений он предположил, что между физическими и физиологическими параметрами должна существовать прямая связь [14]. Последнее, скорее всего, неверно, но полученный им закон впечатлял. Конечно, полагал Фехнер, в других задачах могут выполняться более сложные операции. Высшие психические функции вообще не удастся описать с помощью простых формул.

Оставалось, однако, непонятным, зачем существует порог. Порог осознания не может быть объяснен физиологическими ограничениями. Так, уже в XIX в. было известно, что у людей в состоянии гипноза слух может быть в 12 раз чувствительнее, чем в нормальном состоянии [7]. Но никаким гипнозом нельзя преодолеть границы, заданные физиологией. Непонятно, как не воспринимаемые сознанием раздражения могут регистрироваться на физиологическом уровне и влиять на принимаемые человеком осознанные решения, как, наконец, исходя из пороговой концепции, объяснить постоянно наблюдаемые в опытах флуктуации порога. Порог не является стабильной величиной, это показатель, который приходится вычислять путем усреднения множества проб. Однако если порог привязан к интенсивности сигнала (а логарифмическое преобразование делает эту связь однозначной), то никаких флуктуаций быть не должно.

Сторонники пороговой концепции ввели допущение: порог зависит не только от интенсивности сигнала, но и от степени предрасположенности к восприятию данного раздражителя (что стало называться внесенсорными факторами). Разные авторы показали влияние на сенсорную чувствительность тренировки, утомления, мотивации, установки, прошлого опыта, контекста и т.д. Современные исследования позволяют выяснить подробности: оценка размера объекта (например, паука) зависит от эмоционального отношения к объекту [28]; люди, которые не ели длительное время, лучше определяют различия стимулов, относящихся к еде, по сравнению с теми, кто слегка голоден [26]. Введение все новых и новых допущений для спасения идеи порога не украшает теорию. Гештальтисты призвали вообще отказаться и от подобных исследований, и от подобных концепций. Ведь когда явление объясняется множеством факторов, которые нельзя даже перечислить, бессмысленно проводить эксперименты [8, с. 150].

Фехнер предвосхитил подход ранних когнитивистов, поставивших задачу найти архитектуру преобразования стимульной информации человеком по пути к сознанию. Он обнаружил один такой механизм: интенсивность сенсорного сигнала логарифмируется перед его попаданием в сознание. Но в итоге описал лишь автоматику процессов, которые могут вызвать осознанное ощущение. Само сознание оказывается бездеятельным. У. Джеймс не случайно посчитал психофизические

исследования лишенными психологического содержания.

Экологический подход. Данный подход представляет взгляд на психический процесс как на работу автомата и отказывается видеть на поставленные выше проблемы. Постулируется, что никаких ограничений на возможности осознания стимулов нет. Сам стимул не несет в себе никакой информации о своем источнике в окружающем мире. Он лишь является причиной реакции сенсорного механизма, но наличие стимульной информации не определяет возможность восприятия этой информации. Дж. Гибсон описывает свое понимание различия между ощущением и восприятием: ощущение — это физиологическая реакция на стимул, восприятие — это акт извлечения информации из стимула. У ощущения как физиологической реакции порог есть, а порог восприятия искать бессмысленно, он может измениться в любую секунду. Информация неисчерпаема (можно постоянно выявлять все новые факты), к ней неприменимо понятие порога. Признание того, что любой стимул многозначен, — важное достижение экологического подхода. Наша познавательная система удивительно и тонко настроена на среду. Среда и ее восприятие подходят как ключ к замку, в том смысле, что объекты окружающей среды обладают набором возможностей (аффордансов), которые позволяют действовать с ними определенным образом. Какая из этих возможностей будет выбрана, зависит от текущих намерений и мотивов. Если что-то не обнаружено, это означает, что оно не соответствует текущим намерениям [13]. Пусть человек находится в комнате, в которой стоит стул. Если у человека есть намерение сесть, то он увидит стул и на него сядет. Если у человека есть намерение ходить, то он увидит стул как помеху своему движению и его подвинет или обойдет. Если у человека нет никаких намерений, связанных со стулом, он его не увидит. Как, однако, из всего потока непрерывно изменяющейся информации извлекаются аффордансы и как возникают намерения? Автоматически. Роль сознания не обсуждается.

Экологический подход является современной версией наивного реализма: мы осознаем именно то, что видим, и это наше видение заведомо верно. Даже иллюзии (когда человек неверно судит о размере или форме того, что видит) не могут считаться иллюзией или ошибкой восприятия. В данной ситуации именно так этот стимул и может быть воспринят, и никак иначе, эту ошибку за ошибку считать нельзя [31].

ТЕОРИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СИГНАЛОВ (ТОС)

Классическая психофизика имела явный недостаток: она не объясняла появление ошибок при решении сенсорных задач. Оставались вопросы: почему в одних ситуациях человек не замечает появление сигнала (ошибка пропуска), а в других замечает? Почему в отсутствие сигнала человек иногда считает, что сигнал был (ошибка ложной тревоги). Ответы на эти вопросы заняли центральное место в теории обнаружения сигналов (ТОС). ТОС возникла под влиянием работ К. Шеннона, который математически описал процесс передачи информации с учетом случайных шумов, необходимо возникающих в любом канале связи. В ТОС процесс обнаружения сигнала человеком и описан как процесс выделения сигнала на фоне шума, где шум необходимо присущ сенсорной системе человека. При поступлении сигнала одной и той же интенсивности может возникать разный сенсорный эффект, поскольку сенсорный шум является нестабильной величиной. Ложные тревоги — закономерный ответ сенсорной системы, когда уровень шума настолько велик, что шум принимается за сигнал.

В психофизических экспериментах теперь определяется не порог (это понятие объявляется “неработающим”, оно лишь затрудняет понимание природы изучаемых процессов), а критерий и чувствительность. Критерий задается стратегией наблюдателя. Если наблюдатель не хочет совершать ошибок ложного опознания (ложных тревог), то он увеличивает число ошибок пропуска сигнала, а если не хочет совершать ошибки пропуска, то увеличивает число ложных тревог. Внесенсорные факторы могут приводить к смещению критерия. Показатель чувствительности вычисляется из соотношения интенсивностей сигнала и сенсорного шума. ТОС оказала огромное влияние на развитие психофизики. В рамках этой теории ложные тревоги из артефакта превратились в объект пристального изучения, были выявлены разные стратегии наблюдателей, предложены новые методы исследования, разработан собственный аппарат анализа результатов эксперимента, описание процессов обнаружения и различения, введен этап принятия решения. Но предложенное этой теорией решение выглядит крайне сомнительным.

Во-первых, обычно никто не принимает сенсорный шум за сигнал. Шум в ушах (реальный сенсорный шум) воспринимается как помеха, а не как некое сообщение. Как отмечают критики этой гипотезы, в отсутствии стимуляции якобы существующий сенсорный шум не порождает у человека

восприятие сигналов [23]. В искусственно созданных ситуациях, где нет никаких стимулов (например, сенсорная депривация), показано что люди начинают испытывать беспокойство, утерю связи с реальностью, галлюцинации, иллюзии движения своего тела и объектов вокруг, нарушения при восприятии размера, расстояния, различные зрительные эффекты “вспышки”, “темные поля” и т.д. Эти эффекты объясняют тем, что нервная система имеет определенный уровень собственной активности, нормальный уровень этой активности поддерживается благодаря наличию входящих стимулов, которые, воздействуя на органы чувств, подавляют избыточную активацию коры и других отделов нервной системы [30]. Однако случайный шум нервной системы не может порождать переживание восприятия осмысленных трансформаций фигуры. Возможно, что природа ложной тревоги иная, нежели принято в теории обнаружения сигнала и стоит признать, что “шумят” не физиологические процессы, а сознание. Однако в ТОС это всерьез не обсуждается.

Во-вторых, в рамках ТОС трудно объяснить, почему могут восприниматься и обрабатываться неосознаваемые сигналы, которые мы, якобы, из-за шума не осознаем. Приходится вводить два типа порогов: например, порог непроизвольной ориентировочной реакции и порог осознанного обнаружения [19].

Из-за невозможности понять причину обнаружения сигналов, которые, согласно существующим психофизическим концепциям, не могут обнаруживаться, от исследования подобных эффектов вообще отмахиваются. А.Н. Леонтьев описал эксперименты возникновения кожной чувствительности по отношению к неспецифическим для рецепторов кожи раздражителям — световым волнам. Несмотря на экспериментальные подтверждения, феномен кожно-оптической чувствительности породил множество споров и до сих пор остается загадочным или даже считается ловким трюком [36].

В-третьих, согласно ТОС, критерий может меняться, но показатель чувствительности должен оставаться неизменным. Повышение вероятности обнаружения должно всегда сопровождаться ростом ложных тревог. Однако человек способен повышать чувствительность без увеличения ложных тревог. Один из основателей ТОС, Дж. Светс, уже знал о подобных явлениях. В экспериментах Сео и Флеминга происходит изменение именно чувствительности, а не критерия в ситуации социального взаимодействия. Оказалось, что люди лучше распознают паттерн решеток Габора, если делают это вместе с агентом — аватаром, причем, присутствие и направление взора аватара не являлось обязательным условием, достаточно было знать и верить в то, что есть еще один наблюдатель, выполняющий задачу обнаружения решетки Габора [34]. Приведем пример наших исследований. Участникам исследования предъявлялся куб Неккера, на грани которого надо было обнаружить едва заметную отметку белого цвета. Методом “да-нет” измеряли критерий и чувствительность для этой отметки при восприятии одной и той же грани или как “передней”, или как “задней”. Чувствительность улучшалась при восприятии грани как “передней”, однако показатели критерия для двух разных интерпретаций не различались [27].

Методы ТОС стали использоваться при измерении метакогнитивной чувствительности (например, чувствительность к ощущению уверенности в ответе). Если путем тренировки повышать метакогнитивную чувствительность, то результаты такого обучения могут менять эффективность решения когнитивных задач [4]. Шум, который якобы и в этом случае служит источником ложных тревог, явно не является сенсорным. Однако исследователи метакогнитивной чувствительности не рискнули признать, что нужный метакогнитивный сигнал должен быть выделен из “шума” других метакогнитивных сигналов. Такой “шум”, кстати, как раз возможен. Ведь есть основания считать, что сигнал об уверенном решении одной задачи может быть принят сознанием за сигнал о решении совсем другой задачи [5].

СУБЪЕКТНАЯ ПСИХОФИЗИКА

Субъектная психофизика постаралась объединить важные аспекты предшествующих попыток решенияпороговой проблемы, введя в рассмотрение активность субъекта. Обнаружение и различение не являются чисто сенсорным процессом, их необходимо рассматривать как сознательное действие по решению сенсорной задачи. “Нет “чистых ощущений”, а есть сенсорные задачи, решение которых организует обе основные составляющие ответа наблюдателя: не только процессы принятия решения (это было показано еще в теории обнаружения сигнала), но и собственно сенсорную чувствительность” [4, с. 7]. С точки зрения субъектной психофизики, сенсорная задача имеет такую же сложную структуру, как любая другая психическая деятельность человека [15]. Вспоминаем Гербарта: качественное различие психических процессов несущественно для описания работы сознания.

Известно, что люди при выполнении важной работы могут решать сенсорные задачи, превос-

ходящие их измеренные сенсорные возможности. Так, люди, долгое время выполняющие работу, требующую зрительного различения мелких деталей, могут с ней успешно справляться с точностью, намного превосходящей измеренные у них зрительные пороги [17, с. 21]. Роудер и Морей [32]обращают внимание, что значение порога может существенно изменяться под влиянием смены задачи. Если стимул не осознается в рамках одной задачи, то при смене задачи тот же стимул с теми же физическими параметрами при схожем состоянии наблюдателя отчетливо осознается. В рамках одной задачи может изменяться эффективность обнаружения и различения в соответствии с моделью теории обнаружения сигнала, а при смене задач может измениться не только критерий, но и чувствительность.

К.В. Бардин с сотрудниками предъявлял испытуемым тональные звуковые сигналы, различия в громкости которых были ниже порога осознанного различения. Тем не менее испытуемые научались различать эти сигналы, хотя субъективно различий в громкости не ощущали [10]. Они вводили какие-то собственные, дополнительные признаки и использовали для этих признаков разнообразные слова: блестящий или, наоборот, матовый звук; острый или тупой; звонкий или глухой; светлый или мрачный звук; металлический или деревянный и т.п. Это показывает, что даже простейший сенсорный стимул многозначен. К.В. Бардин формулирует это так: стимул находится в многомерном сенсорном пространстве. Выбор то одного, то другого измерения приводит к смене показателей не только критерия, но и чувствительности. Но важно понять, как происходит этот выбор.

А.Г. Асмолов и М.Б. Михалевская [4] в программной статье пробуют описать, как возможно изменение чувствительности. При решении задачи различения при надпороговой разнице эталона и стимула действуют механизмы оценки яркости “на основе различия возбуждения от различных полей сетчатки, на которые проецируются переменный стимул и эталон при фиксации взора” [4, с. 11]. При уменьшении различий в яркости такой механизм не обеспечивает должной эффективности. Однако, считают авторы, различение возможно благодаря другому механизму — оценке разности яркостей по разности возбуждения от одного поля сетчатки. Изменение решаемой задачи позволяют субъекту изменять чувствительность переключением с одного нейрофизиологического механизма на другой. (Заметим, впрочем, что субъект не способен сознательно переключать нейрофизиологические механизмы).

Но если различие в стимулах может быть осознано в рамках одной задачи, то не понятно, что мешает ему осознаваться в рамках другой задачи. Остается неясным, почему нельзя всегда использовать самые эффективные механизмы различения. Для объяснения часто на сцену выходит излюбленная когнитивистами идея ограниченности познавательных ресурсов. Раз ресурсы ограничены, то их надо экономить. Если задача может быть решена при меньших затратах, то этим стоит ограничиться. При решении одной задачи осознание стимула возможно (хватает ресурса), а при решении другой тот же стимул может не осознаваться [12].

Само допущение об ограниченности когнитивных ресурсов весьма спекулятивно. В качестве доказательства приводятся опыты, которые демонстрируют ограничения познавательных возможностей. Получается круг в рассуждении: познавательные возможности ограничены, потому что ограничены когнитивные ресурсы, а ограничения когнитивных ресурсов доказываются тем, что познавательные возможности ограничены [2; 15]. Но из того, что ресурсы всегда ограничены или что в канале связи всегда есть шум, совсем не следует, что именно этим задаются ограничения, наложенные на сознание.

ПСИХОЛОГИКА (ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЗАКОНОВ РАБОТЫ СОЗНАНИЯ)

В 1993 г. один из авторов статьи предложил свой взгляд на сознание и, как следствие, на решение пороговой проблемы [1]. В основе этого подхода, названного психологикой, лежит идеализация: на возможности мозга по приему, хранению и переработке информации не наложено никаких ограничений. Это допущение включает в себя как частный случай и идеализацию Гербарта (идеальная работа органов чувств). Оно, тем не менее, заведомо неверно, поскольку какие-то ограничения существуют. Однако идеализация предполагает, что ограничения, наложенные на информационные преобразования в психике и сознании, настолько превосходят какие-либо физические и физиологические ограничения, что последними можно пренебречь. Поступающая информация, как и у Гербарта, автоматически обрабатывается, психические образования также строятся автоматически, сознание их не создает. Основная функция сознания — проверка правильности неосознанно найденных решений. Именно поэтому осознанное знание — самое надежное, что оно независимо проверено.

При решении сенсорной задачи стимул неосознанно весьма точно соотносится с хранящимися в сознании эталонами, в результате находится эталон, наиболее соответствующий стимулу. Однако такое соответствие — это всего лишь эмпирический факт, т.е. всего лишь "вероятностно-истинное знание", как говорят методологи науки. Эталон и стимул могут точно соответствовать друг другу только по некоторым параметрам, но не по всем. Полного соответствия не может быть: эталон — все-таки не то же самое, что стимул. Правильность установления соответствия для данной сенсорной задачи требует проверки. Остается понять, как такую проверку можно осуществить.

Сравним эталон с поступившим в сознание представлением о стимуле. Ситуация, когда стимул по выбранным параметрам полностью соответствует эталону, не будет отличаться от ситуации отсутствия стимула. Это понимал уже Аристотель: ощущение может возникнуть только при различии между свойством ощущаемого предмета и воспринимающего этот предмет органа, например если и предмет, и орган одинаково теплы, то восприятие не может состояться. Поясним на простой модели. Представьте, что вы должны, управляя на экране компьютера кружком А, наложить его на точно такой же кружок В, появляющийся в разных частях экрана, а иногда и пропадающий. В случае, если вы абсолютно точно накрыли кружок В, вы перестанете этот кружок видеть. Чтобы убедиться, что он не исчез, не переместился в другую часть экрана, вам надо немного сдвинуть свой кружок А — только увидев кусочек кружка В, вы можете быть уверены, что *до этого* точно его накрывали.

В.М. Аллахвердов формулирует принцип неопределенности (заимствуя термин из квантовой механики): *при полном совпадении стимула и эталона сознание не может получить об этом информацию*, *а получает оно информацию о полном совпадении в тот момент*, *когда совпадение неполное* [1]. (Вспомним Фехнера: психический и физический миры не могут быть тождественны). При такой интерпретации сенсорный порог становится логически неизбежным. В приведенной выше упрощенной модели выбор параметров, по которым осуществляется проверка, определяется осознанной сенсорной задачей, сдвиг эталона — проявление активности субъекта (проверочная операция сознания), выбор величины сдвига — выбор критерия в ТОС, а сама величина сдвига — это как раз порог в классической психофизике.

Расширим предложенную интерпретацию на решение любых, а не только сенсорных, задач. Вначале сформулируем несколько утверждений, названных ранеезаконом классификации [2]. 1) *любое данное сознанию представление осознается лишь в качестве представителя какого-либо класса*; 2) *любое представление многозначно*, *т.е. при попадании в сознание потенциально может быть отнесено к разным классам*; 3) *класс в сознании не может состоять только из одного члена*.

Эти утверждения достаточно тривиальны. Л.М. Веккер пишет о том, что единичный объект в акте восприятия всегда осознаётся в качестве представителя класса, и называет это явление феноменом обобщенности. С. Карцевский формулирует лингвистический закон: "Всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно, т.е. любой знак — омоним, он может быть отнесен к разным классам, но при отнесении к какому-либо классу он становится синонимом, так как всегда существуют другие знаки, отнесённые к тому же классу" [16, с. 87]. Л.С. Выготский писал, что одна и та же мысль может быть выражена в различных фразах, как одна и та же фраза может служить выражением для разных мыслей. Этот закон применим вообще к *любым осознаваемым представлениям*, в том числе и к сенсорным впечатлениям.

Закон классификации позволяет сознанию производить логические операции отождествления нетождественного и различение неразличимого — это протопознавательные операции, без которых никакое познание невозможно. Иначе логика была бы парализована. Ведь любое суждение в сознании отождествляет два разных высказывания, т.е. осознает их как принадлежащих к одному и тому же классу. Но разные высказывания на то и разные, что они одновременно принадлежат разным классам. Б. Рассел поясняет: "Суждение "В. Скотт есть автор "Ваверлея"" отлично от суждения "В. Скотт есть В. Скотт": первое сообщает историко-литературный факт, а второе выражает не больше, чем обычный трюизм" [20, с. 48]. Если бы класс состоял только из одного элемента, то этот элемент не мог бы быть с чем-либо отождествлен.Так, цифра 4 означает не только цифру 4, но и 2 + 2; 8: 2; 5 – 1 и т.д. Иначе арифметические операции были бы неосуществимы. В.А. Барабанщиков предполагает, что "класс может состоять из одного элемента, как, например, в случае узнавания кем-то школьного приятеля" [5, с. 21]. Думается, однако, что это недоразумение. Приведенный пример лишь подчеркивает: конкретный узнанный человек отнесен к широкому классу школьных приятелей. Если бы он не осознавался как представитель класса, никакие познавательные операции к нему не были бы применимы.

Сознание проверяет правильность отнесения представления к какому-либо классу. Для этого оно должно выбрать, к какому классу из многих возможных будет отнесено данное представление и пренебречь всеми остальными возможностями. Выбор зависит от ситуации, задачи, прошлого опыта, контекста и т.д. Однажды сделанный выбор воспринимается сознанием как правильный и имеет тенденцию повторяться. Невыбранные возможности блокируются (негативно выбираются, в терминологии Аллахвердова) и в последующем их выбор будет затруднен. В случае, если сознание проверяет правильность отнесения представления к классу, то необходимо отождествляет это представление с другими представлениями, принадлежащими к этому же классу. Частным случаем отождествления для сенсорных задач является выделенная психофизиками зона неразличения. Если сознание не проверяет правильность отнесения к классу, то отождествление нетождественного может не происходить. Тогда могут проявляться феноменальные способности: феноменальная сенсорная чувствительность, феноменальная память, феноменальный счет и т.п., поскольку в этом случае никаких сравнительных операций не происходит, то вычисление происходит практически мгновенно и ответ дается безошибочно.

Итак, мы предложили ответ на поставленную вначале проблему. Осознанное знание — самое надежное, потому что оно независимо проверенное. Проверочная деятельность сознания приводит к отождествлению нетождественного и различению неразличимого. Это приводит к локальным неточностям, но зато позволяет строить и проверять теоретические конструкции, формировать отсутствующие в окружающем мире понятия, конструировать идеализированные (т.е. заведомо несуществующие) объекты, а в итоге получать достоверное знание о том, о чем не можем узнать непосредственно из опыта.

Вернемся к сенсорным проблемам. Важно понять, действительно ли параметры сенсорной деятельности связаны с работой сознания в соответствии с законом классификации. Предъявим испытуемым такой стимульный материал, который побуждает их относить тождественные по физическим параметрам стимулы к разным классам. Нужно узнать, повлияет ли выбор класса на их сенсорные характеристики. С точки зрения классической психофизики и ТОС, это вряд ли возможно, ведь величина ощущения зависит от физической величины стимула. Экологический подход и субъектная психофизика, скорее всего, готовы это допустить, но без уверенности — ведь все зависит от ситуации, личностных особенностей и многих других факторов.

В.Ю. Карпинская использовала в качестве стимульного материала иллюзии Эббингауза, Дельбефа, Понзо, Шарпантье. В выбранных иллюзиях иллюзорный эффект связан с интерпретацией стимула. Использовались также двойственные изображения. В них абсолютно одинаковое изображение относится к разным классам и даже приобретает разные названия. При помощи методов классической психофизики было показано, что значение порога обнаружения и различения зависит не только от реального размера объекта, но и от того, как величина стимула субъективно воспринимается испытуемым. Если в геометрических иллюзиях линия (или окружность) субъективно кажется больше, то едва заметную отметку белого цвета на ней заметить легче по сравнению с линией, которая субъективно кажется меньше (при том, что реально линии полностью идентичны). Аналогично на фрагменте двойственного изображения, который при выборе одного значения кажется нам ближе, чем при выборе другого значения, осознать едва заметную отметку проще.

В пользу нашего предположения говорит и проявления феноменальных способностей у людей, якобы этими способностями не обладающими. При решении вычислительных задач, которые за отведенное время испытуемый решить не может (например, перевести дату в день недели или угадать первое число после запятой в остатке при делении семизначного числа на пятизначное) вероятность правильных ответов не выше случайного угадывания. Однако вероятность *повторения правильного ответа* в следующей пробе была значимо выше случайной. Но это значит, что в этих задачах испытуемые способны, не осознавая этого, отличать правильные ответы от ошибочных, т.е. способны переводить даты в дни недели и делить семизначное число на пятизначное. В другом исследовании испытуемые сидели перед экраном компьютера и учились стрелять из “пушек” по движущейся по экрану мишени. Точное (с точностью до пикселя) попадание в центр мишени было большой редкостью. Однако вероятность повторного точного попадания (в следующей же пробе) была в два раза выше. И то же самое наблюдается при попытках различить сигналы в зоне осознанного неразличения: повторение правильного различения того же самого стимула от эталона в зоне, где все стимулы между собой осознанно не различаются, происходит значимо чаще [9].

Даже если все мы обладаем феноменальными способностями, проверка сознанием правильности

классификации поступающих в сознание представлений неизбежно приводит к отождествлению элементов, отнесенных к одному классу. И именно это, а не сенсорные шумы или иные ненаблюдаемые ограничения когнитивных ресурсов, ведет к возникновению того, что было названо в психофизике сенсорными порогами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб.: Печатный двор, 1993.
2. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика, т. 1).СПб.: ДНК, 2000.
3. *Аллахвердов В.М., Гершкович В.А., Карпинская В.Ю., Морошкина Н.В., Науменко О.В., Тухтиева Н.Х., Филиппова М.Г.* Эвристический потенциал концепции Я.А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 24–34.
4. *Асмолов А.Г., Михалевская М.Б.* От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики.М.: МГУ, 1974. С. 5–12.
5. *Барабанщиков В.А.* Динамика восприятия выражений лица. М.: Когито-центр, 2016.
6. *Бардин К.В. Горбачева Т.П.* Использование наблюдателем акустических и модально-неспецифических признаков звучания для различения слуховых сигналов // Психологический журнал. 1983. № 4. С. 48–57.
7. *Бехтерев В.М.* Гипноз, внушение, телепатия. М.: Мысль, 1994.
8. *Вертгеймер М.* О гештальттеории//Хрестоматия по истории психологии. Ред П.Я. Гальперин, А.Н. Ждан. М.: Изд-во московского университета, 1980. С. 84–97.
9. *Владыкина Н.П.* О закономерностях работы сознания в зоне неразличения // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-zakonomernostyah-raboty-soznaniya-v-zone-nerazlicheniya (дата обращения: 17.04.2020).
10. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М.: МГУ, 1976.
11. *Гербарт И.Ф.* Психология. М.: Территория будущего, 2007.
12. *Гершкович В.А., Фаликман М.В.* Когнитивная психология в поисках себя // Российский журнал когнитивной науки. Т. 5. № 4. 2018. С. 28–46.
13. *ГибсонДж.Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
14. *Гоян И.Н., Аляев Г.Е.* Идея одушевления вселенной в эмпирической метафизике XIX века (Густав Теодор Фехнер) // PhilosophyandCosmology. 2015. V. 14. 256–271.
15. *Гусев А.Н.* Психофизика сенсорных задач. Системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: МГУ, 2004.
16. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965.С. 85–90.
17. *Коган А.И.* Исследование критериев оценки зрительной работоспособности // Эргономика. Тр. ВНИИТЭ. № 2. М., 1971.
18. *Михалевская М.Б.* Порог и пороговая зона // Сенсорные и сенсомоторные процессы. М.: Педагогика, 1972. С. 54–60.
19. *Михалевская М.Б.* Объективная сенсометрия по реакции блокады альфа-ритма // Психофизические исследования восприятия и памяти. М.: Наука, 1981. С. 92–117.
20. *Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 41–54.
21. *Скотникова И.Г.* Вклад К.В. Бардина в развитие психофизики // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 75–80.
22. *Фрит К.* Мозг и душа. Как физиология формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.
23. *Чуприкова Н.И.* Возможные источники реакций ложной тревоги и психофизиологические механизмы оптимизации процесса обнаружения слабых сигналов // Психофизика сенсорных систем. М.: Наука, 1979. С. 121–126.
24. *Carpenter J., Sherman M.T., Kievit R.A., Seth A.K., Lau H., Fleming S.M.* Domain-general enhance-ments of metacognitive ability through adaptive training // Journal of experimental psychology. General. 2019. № 148 (1). P. 51–64.
25. *Fechner G.T.* Elements of Psychophysics, V. 1. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
26. *Hanci D., Altun H.* Hunger state affects both olfactory abilities and gustatory sensitivity. // Eur Arch Otorhinolaryngol. 2016. Vol. 273. P. 1637–1641.
27. *KarpinskaiaV., Shoshina I., Shilov Y.* Threshold for detecting a signal in an ambiguous figure//42nd edition of the European Conference on Visual Perception, Leuven, Belgium from August 25th — 29th. 2019. Abstract book. P. 639.
28. *Leibovich T., Cohen N., Henik A.* Itsy bitsy spider?: Valence and self-relevance predict size estimation // Biological psychology. 2016. Vol. 121. P. 138–145.
29. *Pöppel E.* Grenzen des Bewuβtsein. Wiekommenwirzurzeit und wieentstehtWirklichkeit? Frankfurt a. M., Leipzig, 2000.

30. *Reed G.F.* Preparatory set as a factor in the production of sensory deprivation phenomena // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1962. Vol. 55 (12). P. 1010–1014.

31. *Rogers B.J.* Perception: a very short introduction. Oxford University Press, 2017.

32. *Rouder J.N., Morey R.D.* The nature of psychological thresholds // Psychological Review. 2009.Vol. 116. No. 3. P. 655–660.

33. *Sato W., Kochiyama T., Minemoto K., Sawada R., Fushiki T.* Amygdala activation during unconscious visual processing of food // Scientific reports.2019. Vol. 9 (1). 7277.

34. *Seow T., Fleming S.M.* Perceptual sensitivity is modulated by what others can see //Atten Percept Psychophys. 2019. Vol. 81.P. 1979–1990.

35. *Tinsley J.N., Molodtsov M.I., Prevedel R., Wartmann D., Espigulé-Pons J., Lauwers M., Vaziri A.* Direct detection of a single photon by humans // Nature Communications. 2016. Vol. 7. P. 1–9.

36. *Shiah Y., Tam W.* Dohumanfingers “see”?—”Finger-reading” studies in the East and West // European Journal of Parapsychology. 2005. Vol. 20 (2). P. 117–134.

THE THRESHOLD OF AWARENESS AS AN EMPIRICAL GIVEN AND AS A LOGICAL INEVITABILITY

V. M. Allakhverdov[1,*], V. Yu. Karpinskaya[2,]**

[1]St Petersburg University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7\9, Russia.
[2]Institute of Human Brain named after N.P. Bekhterev, Russian Academy of Sciences;
197376, St. Petersburg, Academician Pavlov str., 12a, Russia.
[*]ScD (Psychology), Professor
[**]PhD (Psychology), Associate Professor, Expert

Received 00.00.0000

Abstract. The nature of the sensory threshold and approaches to solving the threshold problem in psychophysics are discussed. There were presented experimental results, empirical facts that do not fully correspond to existing psychophysical theories and do not receive an explanation in line with modern approaches. It was concluded that the explanation of the thresholds without description of the participation of consciousness raises doubts. A new look at the nature of thresholds is proposed, in which the threshold is considered as an inevitable consequence of the processes of classification and categorization. Due to the fact that the operations of identification of the non-identical and discernment of the indiscernible are mandatoryin the act of cognition, a zone is formed, within which objectively different elements are identified in consciousness andrelate to the same class. This zone exists across the entire spectrum of cognitive tasks, including detection and discrimination. Thresholds fix the boundaries of this zone. Thus, the problem of the threshold requires a description of the work of not so physiological as cognitive mechanismsfor its solution.

Keywords: consciousness, threshold, methods of psychophysics, unconscious signals, classification.

REFERENCE

1. *Allahverdov V.M.* Opyt teoreticheskoj psihologii (v zhanre nauchnoj revoljucii). SPb.: Pechatnyj dvor, 1993. (In Russian)

2. *Allahverdov V.M.* Soznanie kak paradoks (Jeksperimental’naja psihologika, t.1).St. Petersburg: DNK, 2000. (In Russian)

3. *Allahverdov V.M., Gershkovich V.A., Karpinskaja V. Ju., Moroshkina N.V., Naumenko O.V., Tuhtieva N.H., Filippova M.G.* Jevristicheskij potencial koncepcii Ja.A. Ponomareva. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 6. P. 24–34. (In Russian)

4. *Asmolov A.G., Mihalevskaja M.B.* Ot psihofiziki chistyh oshhushhenij k psihofizike sensornyh zadach. Problemy i metody psihofiziki. Moscow: MGU, 1974. P. 5–12. (In Russian)

5. *Barabanshhikov V.A.* Dinamika vosprijatija vyrazhenij lica. Moscow: Kogito-centr, 2016. (In Russian)

6. *Bardin K.V.* Gorbacheva T.P. Ispol’zovanie nabljudatelem akusticheskih i modal’no-nespecificheskih priznakov zvuchanija dlja razlichenija sluhovyh signalov.

Psikhologicheskii zhurnal. 1983. № 4. P. 48–57. (In Russian)

7. *Behterev V.M.* Gipnoz, vnushenie, telepatija. Moscow: Mysl', 1994. (In Russian)
8. *Vertgejmer M.* O geshtal'tteorii. Hrestomatija po istorii psihologii. Eds.: P. Ja. Gal'perin, A.N. Zhdan. Moscow: Izd-vo moskovskogo universiteta, 1980. P. 84–97. (In Russian)
9. *Vladykina N.P.* O zakonomernostjah raboty soznanija v zone nerazlichenija. Vestnik SPbGU. Serija 12. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-zakonomernostyah-raboty-soznaniya-v-zone-nerazlicheniya (data obrashhenija: 17.04.2020). (In Russian)
10. *Gal'perin P. Ja*. Vvedenie v psihologiju. Moscow: MGU, 1976. (In Russian)
11. *Gerbart I.F.* Psihologija. Moscow: Territorija budushhego, 2007.
12. *Gershkovich V.A., Falikman M.V.* Kognitivnaja psihologija v poiskah sebja. Rossijskij zhurnal kognitivnoj nauki. V. 5. № 4. 2018. P. 28–46. (In Russian)
13. *Gibson Dzh.Dzh.* Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju. Moscow: Progress, 1988. (In Russian)
14. *Gojan I.N., Aljaev G.E.* Ideja odushevlenija vselennoj v jempiricheskoj metafizike HIH veka (Gustav Teodor Fehner). PhilosophyandCosmology. 2015. V. 14. 256–271. (In Russian)
15. *Gusev A.N.* Psihofizika sensornyh zadach. Sistemno-dejatel'nostnyj analiz povedenija cheloveka v situacii neopredelennosti. Moscow: MGU, 2004. (In Russian)
16. *Karcevskij S.* Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka. Zvegincev V.A. Istorija jazykoznanija XIX–XX vv. v ocherkah i izvlechenijah. Ch. 2. Moscow: Prosveshhenie, 1965.S. 85–90. (In Russian)
17. *Kogan A.I.* Issledovanie kriteriev ocenki zritel'noj rabotosposobnosti. Jergonomika. Tr. VNIITJe. № 2. Moscow, 1971. (In Russian)
18. *Mihalevskaja M.B.* Porog i porogovaja zona. Sensornye i sensomotornye processy. Moscw: Pedagogika, 1972. P. 54–60. (In Russian)
19. *Mihalevskaja M.B.* Ob#ektivnaja sensometrija po reakcii blokady al'fa-ritma //Psihofizicheskie issledovanija vosprijatija i pamjati. Moscw: Nauka, 1981. P. 92–117. (In Russian)
20. *Rassel B.* Deskripcii. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referencii). Moscw, 1982. P. 41–54. (In Russian)
21. *Skotnikova I.G.* Vklad K.V. Bardina v razvitie psihofiziki. Psikhologicheskii zhurnal. 2000. V. 21. № 6. P. 75–80. (In Russian)
22. *Frit K.* Mozg i dusha. Kak fiziologija formiruet nash vnutrennij mir. Moscow: CORPUS, 2010. (In Russian)
23. *Chuprikova N.I.* Vozmozhnye istochniki reakcij lozhnoj trevogi i psihofiziologicheskie mehanizmy optimizacii processa obnaruzhenija slabyh signalov. Psihofizika sensornyh sistem. Moscw: Nauka, 1979. P. 121–126. (In Russian)
24. *Carpenter J., Sherman M.T., Kievit R.A., Seth A.K., Lau H., Fleming S.M.* Domain-general enhance-ments of metacognitive ability through adaptive training. Journal of experimental psychology. General. 2019. № 148 (1). P. 51–64.
25. *Fechner G.T.* Elements of Psychophysics, V. 1. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
26. *Hanci D., Altun H.* Hunger state affects both olfactory abilities and gustatory sensitivity.. Eur Arch Otorhinolaryngol. 2016. Vol. 273. P. 1637–1641.
27. *KarpinskaiaV., Shoshina I., Shilov Y.* Threshold for detecting a signal in an ambiguous figure//42nd edition of the European Conference on Visual Perception, Leuven, Belgium from August 25th — 29th. 2019. Abstract book. P. 639.
28. *Leibovich T., Cohen N., Henik A.* Itsy bitsy spider?: Valence and self-relevance predict size estimation. Biological psychology. 2016. Vol. 121. P. 138–145.
29. *Pöppel E.* Grenzen des Bewuβtsein. Wiekommenwir-zurZeit und wieentstehtWirklichkeit? Frankfurt a. M., Leipzig, 2000.
30. *Reed G.F.* Preparatory set as a factor in the production of sensory deprivation phenomena. Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1962. Vol. 55 (12). P. 1010–1014.
31. *Rogers B.J.* Perception: a very short introduction. Oxford University Press, 2017.
32. *Rouder J.N., Morey R.D.* The nature of psychological thresholds. Psychological Review. 2009. Vol. 116. No. 3. P. 655–660.
33. *Sato W., Kochiyama T., Minemoto K., Sawada R., Fushiki T.* Amygdala activation during unconscious visual processing of food. Scientific reports.2019. Vol. 9 (1). 7277.
34. *Seow T., Fleming S.M.* Perceptual sensitivity is modulated by what others can see // Atten Percept Psychophys. 2019. Vol. 81. P. 1979–1990.
35. *Tinsley J.N., Molodtsov M.I., Prevedel R., Wartmann D., Espigulé-Pons J., Lauwers M., Vaziri A.* Direct detection of a single photon by humans. Nature Communications. 2016. Vol. 7. P. 1–9.
36. *Shiah Y., Tam W.* Dohumanfingers "see"?—"Finger-reading" studies in the East and West. European Journal of Parapsychology. 2005. Vol. 20 (2). P. 117–134.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 25–34

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955, 159.9.072

ЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ МЫШЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОР ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ О НАЛИЧИИ КОРРУПЦИОННОГО РИСКА В СИТУАЦИЯХ ДЕЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2021 г. И. Н. Погожина*, М. В. Сергеева**

Факультет психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

**Доктор психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики.*
E-mail: pogozhina@mail.ru

***Аспирант кафедры психологии образования и педагогики.*
E-mail: msergeeva1119@gmail.com

Поступила 27.11.2020

Аннотация. Рассмотрены связи между элементами системы принятия решений о наличии в ситуации коррупционного риска (КР) с логическим компонентом мышления в качества предиктора. На выборке учащихся московских вузов ($N = 134$; $M = 35 \pm 11$ лет) проверялась гипотеза о роли логического компонента мышления как предиктора: (1) представлений о коррупции, (2) показателей эмоционального интеллекта и (3) моральных суждений. Для диагностики использовались: (1) авторский тест умения распознавать ситуации КР, (2) методика оценки содержания представлений о коррупции (Погожина, Пшеничнюк, Сергеева), (3) опросник ЭмИн Люсина, (4) методика "Справедливость—Забота" Молчанова. Для обработки данных применялись корреляционный анализ и структурное моделирование. Логический компонент мышления выступил значимым положительным предиктором уровня развития представлений о коррупции, понимания собственных эмоций и эмоций других людей. Также логический компонент значимо отрицательно предсказывал моральные суждения, основанные на инструментальном индивидуализме, рефлексивной эмпатической ориентации и неосознаваемых, но интериоризованных моральных ценностях. Полученные данные позволяют предположить, что в системе принятия решения о наличии в ситуации КР логический компонент будет играть ведущую роль, и именно его следует специально формировать.

Ключевые слова: принятие решений, коррупционные риски, коррупция, логическое мышление, эмоциональный интеллект, моральные суждения, структурное моделирование.

DOI: 10.31857/S020595920017069-1

Современный мир постоянно сталкивает человека с ситуациями неопределенности, когда он в силу ситуационных ограничений (закрытость для субъекта необходимой информации, затруднения в работе с собственной системой переживаний и т.п.) и диспозициональных факторов (особенности когнитивных репрезентаций, уровень интеллекта, личностные особенности, связанные с предпочтением выборов) вынужден принимать решения при неполной ориентировке [4; 5]. К таким ситуациям относятся, в частности, ситуации коррупционного риска (КР). Разработка эффективной учебной программы по принятию решений в ситуациях КР требует предварительного построения модели, показывающей, какие особенности психики играют ведущую роль в формировании умения осознанного принятия решений в потенциально коррупционных ситуациях, а какие психологические характеристики выполняют вспомогательные или посреднические функции в данном процессе.

Под принятием решений в работе понимается выбор альтернативы в условиях неопределенности, обусловленный активностью субъекта по доопределению как самих альтернатив, так и критериев выбора [4]. Ситуации КР определяются как необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности для совершения коррупционных действий (т.е. для действий должностных лиц, направленных на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением) [11; 12].

"Обдуманный риск предполагает осознанную готовность человека осуществлять выбор в условиях неопределенности", то есть мышление является

важным посредником в стратегиях выбора [5]. В процессе переработки информации уровень неопределенности снижается за счет осведомленности: наличие "...у субъекта информации, сопряженной с ценностными характеристиками и целями выбора, с направленностью на объяснения трендов и паттернов, а также на активизацию принятия решений" [4, с. 21]. Применительно к ситуациям КР эмпирически установлено, что осведомленность о коррупции положительно влияет на уровень этической чувствительности посредством профессионального скептицизма. Осведомленность о коррупции в организации и в обществе также положительно влияет на принятие этических решений [17]. Выявлено, что принятие этического решения опирается на ментальные модели (сложная форма знания, отображающая причинно-следственные связи между ключевыми признаками проблемы) и опосредовано процессом смыслообразования (выявление ключевых аспектов принятия этического решения и построение ментальной модели) [18]. Показано, что ментальные модели руководителей организаций, наряду с восприятием риска, опосредуют процесс принятия важных стратегических решений [28].

Ситуация выбора задействует работу не только познавательной, но и личностной сферы [4]. Мышление не может быть эффективным, если оно не опирается на эмоции [26]. В частности, в потенциально криминальных ситуациях принятие решения может быть индуцировано как установкой на эмоции, так и на логические процессы [27]. "Горячий" способ принятия решений (опирается на эмоции, интуитивный, быстрый и автоматизированный) и "холодный" способ (опирается на когнитивные рассуждения, оценки выгод и издержек, максимально осознан и медлителен) связаны друг с другом и работают вместе, порождая либо сходные, либо противоположные ответы [21; 27]. Например, возможность присвоения себе средств компании может расцениваться сотрудником как выгодный и не рискованный способ обогащения (при "холодной" обработке) и одновременно с этим вызывать чувства восторга и правомочия (при "горячей" обработке). В таком случае, обе системы выступают за выбор противоправного поведения. Однако бывают ситуации, когда системы дают противоборствующие ответы. Например, желание принять взятку ("горячая" обработка) может столкнуться с "нападками" "холодной" обработки, нашедшей такое поведение рискованным и противоправным [23]. В данном случае субъект сталкивается с дилеммой, разрешение которой будет зависеть от того, какая из систем одержит победу в конкурентной борьбе [4; 23; 27].

"Человек прогнозирует не только развитие ситуации вследствие выбора им той или иной альтернативы, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку, "кем я становлюсь в результате своего выбора" [4, с. 13]. Выявлено, что предиктором манипулятивного выбора выступает связанный с доличностным уровнем нравственного самосознания макиавеллизм, влияние которого опосредовано неприятием неопределенности, в то время как собственно личностный уровень нравственного самосознания и характерные для него личностные ценности выступают предикторами морального выбора посредством принятия неопределенности [6]. На доличностном уровне нравственного самосознания (стадии доконвенциональной, конвенциональной морали по Колбергу и самоозабоченности по Гиллиган) человек относится к другим людям как к средствам решения собственных проблем, а нормы соблюдает, чтобы избежать наказания или быть хорошим в глазах людей [1; 6; 8]. На личностном уровне нравственного самосознания (вторая стадия постконвенциональной морали по Колбергу и самоуважения по Гиллиган) человек относится к другому как к ценности, руководствуется при принятии решения не набором норм, а универсальными этическими принципами. Выбор между ориентацией на свои потребности или потребности другого человека совершается им самостоятельно и осознанно [6; 8].

Анализ литературы показал, что имеющиеся подходы к объяснению выбора при принятии решений в ситуациях КР выделяют лишь отдельные группы психологических особенностей, а не *целостную систему* когнитивных, эмоциональных, мотивационных факторов. Влияние логического компонента в принятии решений такого типа изучено недостаточно, и редко эмпирически исследуется совместно с эмоциональными и мотивационными характеристиками субъекта. Опираясь на модель множественной регуляции решений и действий, описывающую процесс принятия решения как систему *динамического взаимодействия* компонентов интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП) субъекта (когнитивных и личностно-мотивационных), в которой сами по себе компоненты ИЛП не определяют выбор, а верхним уровнем регуляции выступает самосознание личности [6], мы полагаем, что схожая система связей определяет и процессы принятия решений о наличии в ситуациях КР.

Цель исследования: построение психологической модели принятия человеком решения о наличии в ситуации КР.

Гипотеза: в системе принятия решения о наличии в ситуации КР показатели развития логического компонента мышления субъекта выступают значимым предиктором уровня развития: (1) представлений о коррупции, (2) эмоционального интеллекта, (3) моральных суждений.

МЕТОДИКА

Схема исследования включала два этапа:

1. Выявление корреляционных связей между компонентами системы принятия решений о наличии в ситуации КР;

2. Построение структурной модели принятия решений о наличии в ситуации КР.

Участники исследования: $N = 134$ студента московских вузов, обучающиеся по разным направлениям и формам подготовки ($M = 35$ лет; $SD = 11$): 40 мужчин, 94 женщины.

Процедура исследования. Респонденты последовательно выполняли задания диагностических методик в очной форме. Доступ к информационным ресурсам был исключен. Определялся уровень развития четырех показателей: 1) логического компонента мышления — умения принимать решения о наличии в анализируемой ситуации КР, 2) представлений о коррупции, 3) эмоционального интеллекта, 4) моральных суждений.

Далее изучался характер связей между когнитивными, личностно-мотивационными компонентами и представлениями о коррупции в системе принятия решений о наличии в ситуации КР с использованием статистических процедур (1) корреляционного анализа данных (r-Пирсона) в пакете SPSS25.0; (2) структурного моделирования в пакете EQS6.3.

Методики

Логический компонент в системе принятия решений о наличии в ситуации КР. Диагностика осуществлялась с использованием теста умения распознавать ситуации КР (разработан авторами). Проверка теста на надежность показала хорошие результаты как для кейс-теста в целом (α-Кронбаха = = 0.889), так и для его отдельных шкал (“Условия” $\alpha = 0.918$; “Вывод” $\alpha = 0.687$), что говорит о высокой согласованности пунктов теста.

Тест состоит из 20 проблемных ситуаций, содержащих возможности коррупционного взаимодействия: 10 бытовых ситуаций; 5 отрывков из художественной литературы; 10 эпизодов кинофильмов. В каждом кейсе респонденты отвечают на вопрос: “Является ли поведение участников ситуации коррупционным?”. При анализе бытовых ситуаций требовалось выбрать один из трех вариантов ответа: 1) да — поведение коррупционное; 2) нет — поведение не коррупционное; 3) не достаточно информации для точного ответа. При анализе сюжетов литературы и эпизодов кинофильмов требовалось не только выбрать один из трех вариантов ответа, но и объяснить, почему поведение героев ситуации является коррупционным.

По результатам теста оценивались два показателя: (1) уровень развития умения выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности для совершения коррупционных действий (шкала “Условия”) и (2) уровень развития умения определять понятие с опорой на правило логического вывода (шкала “Вывод”).

Успешное выполнение заданий методики требует наличия у респондентов сформированной структуры логической операции определения понятия, включающей: 1) выделение признаков определяемого понятия; 2) определение структуры понятия: конъюнктивная/дизъюнктивная; 3) применение правила логического вывода [2; 3; 15]. Для оценки уровня развития умения принимать решения о наличии в анализируемой ситуации КР использовалось содержание понятия “коррупция”, сформулированное в УК РФ и включающее 3 обязательных признака: 1) должностное лицо; 2) злоупотребление служебным положением; 3) получение личной выгоды [16].

Представления о коррупции. Для диагностики использовалась методика “Открытые вопросы”, включающая три задания: 1) дать определение коррупции (шкала “Определение”); 2) привести пример коррупции (шкала “Пример”); 3) обосновать пример (Почему это коррупция?) (шкала “Обоснование”) [24; 25].

Эмоциональный интеллект (*ЭИ*). Для диагностики использовался Опросник ЭмИн [7]. Респонденты оценивали по 4-балльной шкале степень своего согласия с каждым из 46 утверждений: от “совсем не согласен” (1 балл) до “полностью согласен” (4 балла). Определялся уровень развития характеристик эмоционального интеллекта: понимание чужих эмоций (МП), управление чужими эмоциями (МУ), понимание своих эмоций (ВП), управление своими эмоциями (ВУ), контроль экспрессии (ВУ), а также более общие показатели в виде межличностного ЭИ (МЭИ), внутриличностного ЭИ (ВЭИ), понимания эмоций (ПЭ) и управление эмоциями (УЭ).

Моральные суждения. Для диагностики использовалась методика Справедливость-Забота [9]. Респонденты оценивали степень своего согласия с каждым из 38 утверждений по 5-балльной шкале: от “безусловно не согласен” (1 балл) до “безусловно согласен” (5 баллов). Определялись стадии развития моральных суждений по двум периодизациям (Колберга и Гиллиган).

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Результаты диагностики и корреляционного анализа

Чтобы исключить перегруженность структурной модели незначимыми связями, проведен корреляционный анализ. Сопоставлялись суммарные баллы респондентов по двум шкалам логического компонента с показателями уровня развития их представлений о коррупции, отдельными шкалами эмоционального интеллекта и моральных суждений (табл. 1).

Выявлены значимые связи ($p \le 0.01$ и $p \le 0.05$) между уровнем развития у учащихся показателей логического компонента и (1) уровнем развития их представлений о коррупции, (2) такими шкалами эмоционального интеллекта как понимание эмоций (ПЭ) и понимание собственных эмоций (ВП), (3) предпочтением моральных суждений, относящихся ко второй стадии доконвенциональной морали и обеих стадий уровня самопожертвования (см. табл. 1). Установлено, что оба показателя логического компонента в системе принятия решений о наличии в ситуации КР значимо положительно коррелируют с уровнем развития представлений человека о коррупции. При этом такой показатель логического компонента как умение выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности для совершения коррупционных действий (Условия), в большей степени связан с указанными выше стадиями развития моральных суждений (коэффициенты корреляций отрицательные). Второй показатель логического компонента — умение определять понятие с опорой на правило логического вывода (Вывод) — значимо связан как с показателями развития понимания эмоций (шкалы эмоционального интеллекта ПЭ и ВП; коэффициенты корреляций положительные), так и с указанными стадиями развития моральных суждений (коэффициенты корреляций отрицательные).

2. Результаты структурного моделирования

Для верификации *гипотез исследования* с использованием метода структурного моделирования в пакете программы EQS6.3 построены две модели: путевая (рис. 1) и факторная (рис. 2).

Показатели пригодности модели путей (рис. 1) указывают, что она соответствует эмпирическим данным (табл. 2) [19]. Согласно Модели 1 (рис. 1), такой показатель логического компонента как умение выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности для совершения коррупционных действий (Условия), выступает значимым слабым положительным предиктором уровня развития представлений о коррупции, а также значимым слабым отрицательным предиктором моральных суждений, второго уровня доконвенциональной морали. Второй показатель логического компонента — умение определять понятие на основе логического вывода (Вывод) — выступает значимым слабым положительным предиктором уровня развития представлений

Таблица 1. Описательные статистики переменных и значимые корреляционные связи уровня развития показателей логического компонента с показателями развития представлений о коррупции, эмоционального интеллекта, моральных суждений ($N = 134$)

Шкалы	Переменные	M	SD	Условия	Вывод
Логический компонент	Условия	25.76	6.99	1	0.515**
	Вывод	13.14	3.69	0.515**	1
Представление о коррупции	Представления (общий уровень)	6.75	1.93	0.484**	0.490**
	Определение	2.25	0.79	0.416**	0.363**
	Пример	2.43	0.8	0.203*	0.276**
	Обоснование	2.05	0.95	0.474**	0.458**
Эмоциональный интеллект	Понимание эмоций (ПЭ)	44.4	9.16	0.043	0.266**
	Понимание собственных эмоций (ВП)	20.07	4.8	0.175*	0.275**
Моральные суждения	Доконвенциональный уровень 2	8.04	2.34	–0.260**	–0.218*
	Самопожертвование1	10.67	2.04	–0.334**	–0.233**
	Самопожертвование2	10.54	2.32	–0.314**	–0.334**

Примечания. ** — Корреляция значима на уровне 0.01 (двухсторон.). * — Корреляция значима на уровне 0.05 (двухсторон.).

Рис. 1. Путевая модель связи показателей логического компонента с особенностями представлений о коррупции, эмоционального интеллекта, моральных суждений в системе принятия решений о наличии в ситуации КР (Модель 1).

о коррупции и способности понимать собственные эмоции. Что касается моральных суждений второй стадии уровня самопожертвования, то второй показатель логического компонента выступает его значимым слабым отрицательным предиктором.

С целью создания более обобщенной картины вероятностного влияния логического компонента в изучаемой нами системе принятия решений построена Модель 2 (рис. 2).

Факторная модель (рис. 2) достаточно хорошо соответствует эмпирическим данным (табл. 2) [19] и более полно демонстрирует теоретически ожидаемые связи предиктора с зависимыми переменными. Согласно Модели 2, фактор “Логический компонент” выступает значимым сильным положительным предиктором фактора “Представления” и положительным, но слабым предиктором для латентной переменной “Эмоциональный фактор”.

В отношении Мотивационного фактора “Логический компонент” демонстрирует значимую умеренную отрицательную детерминацию. Каждый из представленных факторов значимо объясняет включенные в него переменные.

Значения информационных критериев AIC и CAIC Модели 2 намного меньше, чем Модели 1 (табл. 2), поэтому со статистической точки зрения она лучше подтверждает нашу гипотезу.

В то же время Модель 1 более детально обозначает вклад составных показателей логического компонента в систему принятия решений о наличии в анализируемой ситуации КР.

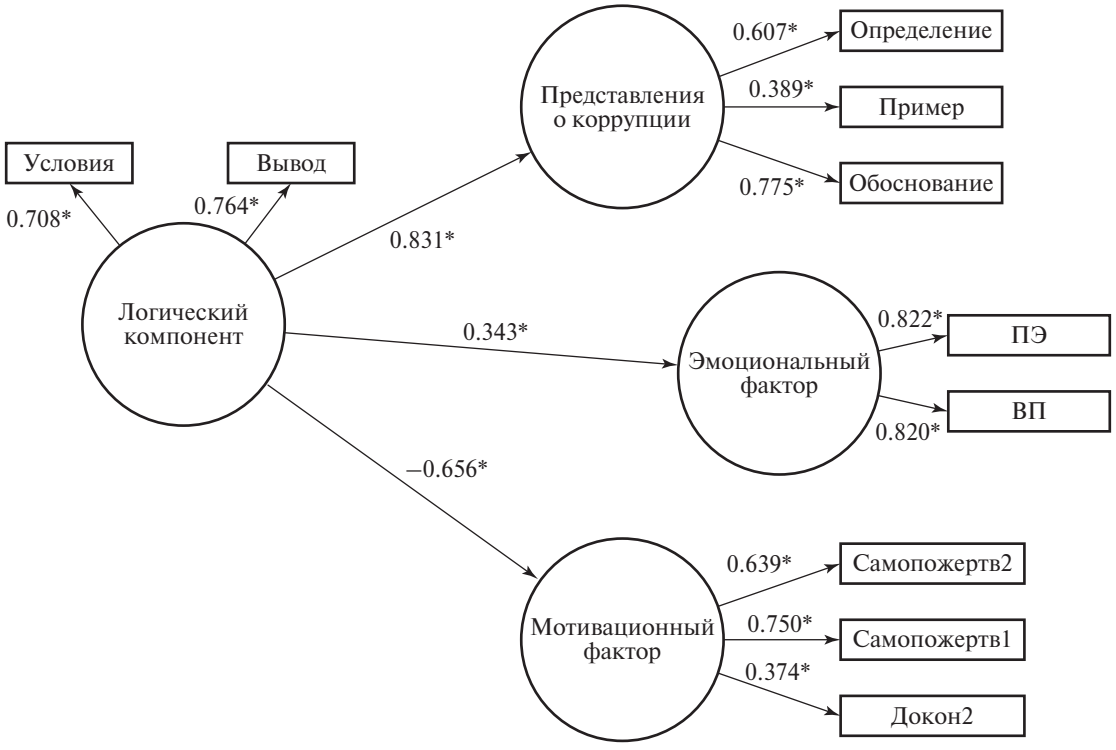


Рис. 2. Факторная модель связи логического компонента с особенностями представлений о коррупции, эмоционального интеллекта, моральных суждений в системе принятия решений о наличии в ситуации КР (Модель 2).

Таблица 2. Показатели пригодности и информационные критерии Моделей 1 и 2 (*N* = *134*)

	χ^2	*df*	*p*	CFI	RMSEA	AIC	CAIC
Модель 1 (путевая)	10.750	8	0.29323 $p < 0.001$	0.986	0.038 90% интервал от 0.000 до 0.109	–7.250	–42.330
Модель 2 (факторная)	49.032	32	0.02757 $p < 0.001$	0.956	0.063 90% интервал от 0.022 до 0.097	–14.968	–139.699

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Построенные путевая (рис. 1) и факторная (рис. 2) модели подтвердили выдвинутые в гипотезе теоретические ожидания о том, что в системе принятия решений о наличии КР показатели развития логического компонента значимо предсказывают: (1) полноту сформированности представлений о коррупции (относительно нормативной), (2) способность распознавать свои и чужие эмоции, а также (3) стадию развития моральных суждений.

Согласно Модели 1 и Модели 2, чем выше уровень развития показателей, входящих в состав логического компонента в системе принятия решений о наличии в ситуации КР, тем выше уровень развития представлений о коррупции у учащихся. Выявленные детерминационные связи согласуются с результатами исследований, проведенных на разном предметном материале и демонстрирующих, что полнота знаний и умение их использовать качественно лучше у тех субъектов, у которых сформированы базовые логические структуры, в частности логическая операция определения понятия (“подведения под понятие”) [12; 15]. Результаты соотносятся с педагогическими требованиями, предъявляемыми к образовательным программам по юриспруденции, согласно которым студентов юридических специальностей необходимо учить “думать как юрист”, формируя у них специальные логические умения [20]. Это косвенно подтверждает, что логический компонент выполняет ведущую роль в системе принятия решений, связанных с правовой сферой, в частности, о наличии в ситуации КР.

Из Модели 1 (рис. 1) следует: чем выше уровень развития логического умения определения понятий (показатель Вывод), тем выше уровень развития способности понимать собственные эмоции. Модель 2 (рис. 2) показывает, что уровень развития логического компонента (как единства двух показателей) при принятии решения о наличии в анализируемых ситуациях КР значимо, но слабо предсказывает уровень развития сразу двух компонентов эмоционального интеллекта: понимания собственных эмоций и понимания эмоций других людей. Выявленная зависимость подтверждает эмпирические результаты проверки теории горячей и холодной перспективы принятия решений в криминальных ситуациях. Согласно этим данным, на принятие решений в указанных ситуациях влияют как эмоции, так и познавательные процессы [23; 27]. Полученные результаты также согласуются с выводами исследования, изучающего роль эмоционального интеллекта, ценностей и морального развития в регуляции личностных выборов. В нем установлено, что рациональность как стремление к сбору полной информации в большей степени способствует лучшему пониманию собственных эмоций, тогда как готовность идти на риск сопутствует успешному пониманию эмоций других людей [22].

Согласно Модели 1 (рис. 1), уровень развития умения выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности для совершения коррупционных действий (показатель “Условия логического компонента”), значимо отрицательно предсказывает степень предпочтения индивидом моральных суждений, соответствующих второй стадии доконвенционального уровня. Таким образом, чем полнее индивид анализирует проблемные ситуации на предмет наличия в них ключевых свойств коррупции, тем реже он склонен выдвигать моральные суждения “инструментального индивидуализма и равноценного обмена, где справедливость рассматривается как система обмена (“ты мне, я тебе”)” [8, с. 61]. Выявленная детерминационная связь согласуется с данными о том, что подростки с низким уровнем развития когнитивных способов переработки информации (распознавание достоверной информации в Интернете) демонстрируют проявления доконвенциональной морали [10].

Из Модели 1 (рис. 1) также следует, что уровень развития логической операции определения понятия (показатель Вывод логического компонента) значимо отрицательно предсказывает склонность учащихся к моральным суждениям, соответствующим второй стадии уровня самопожертвования. Таким образом, чем выше у человека показатели развития логической операции определения понятия (в системе принятия решения о наличии в ситуации КР), тем меньше ему свойственны

моральные суждения, основанные “на учете интериоризованных, но ... не всегда осознаваемых ценностей, моральных норм, на представлениях об ответственности и долге...” [8, с. 64]. Например, “Самое главное в жизни помощь людям, независимо от того, соответствуют их поступки моим ценностям или нет”.

Модель 2 (рис. 2), как и модель 1, указывает на то, что совокупность показателей логического компонента значимо отрицательно предсказывает уровень развития моральных суждений, характерных для второй стадии доконвенционального уровня и второй стадии уровня самопожертвования. Дополнительно, Модель 2 предсказывает также склонность высказывать суждения, характерные для первой стадии уровня самопожертвования. Например: “Я так тебе сочувствую, что не могу отказать в услуге”. Выявленные детерминационные связи согласуется с результатами, обнаруженными в других исследованиях, согласно которым высокий уровень нравственного развития сам по себе не гарантирует нравственного поведения. В каждой конкретной ситуации человек сам принимает решение о том, какие личностные ценности будут ведущими в регуляции его выбора [22].

ВЫВОДЫ

1. Построены психологические модели принятия решения о наличии в ситуации КР. Модель 1 состоит из 6 измеряемых переменных, Модель 2 включает четыре латентных конструкта: логический компонент, содержание представлений о коррупции, показатели эмоционального интеллекта и показатели развития моральных суждений. Обе модели показали себя как статистически значимые.

2. Подтверждена гипотеза о том, что показатели логического компонента в системе принятия решений о наличии в анализируемой ситуации КР выступают значимым предиктором уровня развития представлений учащихся о коррупции, показателей эмоционального интеллекта и уровня развития моральных суждений.

3. Характеристики связей в модели путей (Модель 1) показывают:

— чем выше показатели развития логического компонента мышления (при принятии решений о наличии в ситуации КР): (1) умения выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности совершения коррупционных действий, (2) логической операции определения понятия на основе логического вывода, тем полнее представления о коррупции (в отношении правовой нормы);

— чем лучше развито умение выделять необходимые и достаточные условия, содержащие в себе возможности совершения коррупционных действий, тем меньше склонность к моральным суждениям, основанных на принципе “ты мне я тебе”;

— чем выше уровень развития логической операции определения понятия (при принятии решения о наличии в ситуации КР), тем лучше развита способность к пониманию собственных эмоций, и тем реже высказываются моральные суждения, основанные на эмпатической рефлексии позиции нуждающегося человека.

4. Характеристики факторной модели (Модель 2) позволяют предположить: чем выше показатели развития логического компонента в системе принятия решений о наличии в ситуации КР, тем выше уровень развития представлений о коррупции и таких способностей внутри эмоционального интеллекта как понимание собственных эмоций и эмоций других людей.

При этом высокий уровень развития логического компонента в системе принятия решений указанного типа будет предсказывать низкую степень предпочтения субъектом моральных суждений, основанных на: (а) принципе “ты мне, я тебе”, (б) эмпатической рефлексии позиции нуждающегося человека, на чувстве вины или позитивном эмоциональном отношении к следованию моральным нормам, а также (в) на слабо осознаваемых, хоть и интериоризованных ценностях.

5. Однозначные выводы о выделенных в исследовании причинно-следственных связях в системе принятия решений о наличии в ситуации КР возможны лишь после проведения формирующего эксперимента по развитию логического компонента и оценки его влияния на показатели эмоционального интеллекта и моральные суждения, что выступит задачей наших дальнейших исследований.

ОГРАНИЧЕНИЯ

В настоящем исследовании не учитывалось различие между двумя вариантами коррупционного поведения — поведением коррупционера и поведением “жертвы коррупции”. Основываясь на положениях деструктивной компликологии и концепции троянского обучения, мы предполагаем, что умение принимать решения о наличии в анализируемой ситуации КР должно изучаться совместно с противодействием принятию таких решений. Противодействие осуществляется инициатором

коррупционного взаимодействия с использованием отвлекающих приемов, помогающих скрыть сам факт наличия коррупции. Поэтому анализ системы принятия решений в ситуациях указанного типа в дальнейшем следует дополнить, включив в модель возможные факторы умышленного создания трудностей определения ситуации как коррупционной [13; 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследования Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
2. *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ. 1989.
3. *Ивлев Ю.В.* Логика и исследования в области логики // Известия МГТУ. 2014. Т. 5. № 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logika-i-issledovaniya-v-oblasti-logiki (дата обращения: 10.11.2020).
4. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История. 2016. 344 с.
5. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40 (3). URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html (дата обращения: 20.09. 2020).
6. *Корнилова Т.В.*, *Чигринова И.А.* Личностные ценности, принятие неопределенности и макиавеллизм как предикторы морального выбора // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 670–675.
7. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 264–278.
8. *Молчанов С.В.* Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Сер 14. Психология. 2011. № 2. С. 59–72.
9. *Молчанов С.В.* Структура морального поведения в концепции Дж. Реста // Психология и школа. 2005. № 1. С. 111–132.
10. *Молчанов С.В.*, *Алмазова О.В.*, *Поскребышева Н.Н.*, *Кирсанов К.А.* Когнитивные способы переработки социальной информации в сети интернет и особенности морального сознания подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 77–86.
11. *Оленев М.Г.* Факторы, детерминирующие коррупционные риски, возникающие в деятельности сотрудников УИС Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории “взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты”. 2019. № 17. С. 127–130.
12. *Погожина И.Н.*, *Пшеничнюк Д.В.* Формирование у студентов когнитивного компонента (антикоррупционной компетентности) // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 1–11.
13. *Поддьяков А.Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014.
14. *Поддьяков А.Н.* Противодействие обучению конкурента и “троянское” обучение в экономическом поведении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 65–82.
15. *Талызина Н.Ф.* Деятельностная теория учения. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2018.
16. Уголовный кодекс РФ. Актуальная редакция УК РФ от 17.04.2017 с изменениями, вступившими в силу с 28.04.2017 г. URL: http://kodeks.systecs.ru/uk-rf/ (дата обращения 05.12.2019).
17. *Ashari A.*, *Nanere M.*, *Trebilcock P.* Corruption awareness and ethical decision making in Indonesia // Business and Economic Horizons. 2018. V. 14. № 3. P. 570–586.
18. *Bagdasarov Z.*, *Johnson J.F.*, *MacDougall A.E.*, *Steele L.M.*, *Connelly S.*, *Mumford*, *M.D.* Mental Models and Ethical Decision Making: The Mediating Role of Sensemaking // Journal of Business Ethics. 2016. V. 138. P. 133–144.
19. *Brown T.A.* Confirmatory Factor Analysis for Applied Research: Second Edition. NY: Guilford. 2006. 462 p.
20. *Burton K.* “Think Like a Lawyer” Using a legal reasoning grid and criterion-referenced assessment rubric on IRAC (Issue, Rule, Application, Conclusion) // Journal of Learning Design. 2017. V. 10. № 2. P. 57–68.
21. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. 2011. New York: Macmillan. 512 p.
22. *Kornilova T.V.*, *Chigrinova I.A.* Personal values, moral development, and emotional intelligence in the regulation of choice in situations that involve interpersonal interactions // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 56–74.
23. *Pogarsky G.*, *Roche S.P.*, *Pickett*, *J.T.* Offender Decision-Making in Criminology: Contributions from Behavioral Economics // Annual Review of Criminology. 2018. V. 1. P. 379–400.
24. *Pogozhina I.N.*, *Sergeeva M.V.*, *Pshenichnyuk D.V.* Cognitive component of legal awareness in learners // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2018. V. 33. P. 79–85.

25. *Pshenichnyuk D.V.*, *Pogozhina I.N.*, *Sergeeva M.V.* Peculiarities of the apprehension of economic offences by learners // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2018.V. 33. P. 102–108.

26. *Slovic P.*, *Peters E.*, *Finucane M.*, *MacGregor D.* Affect, risk, and decision making // Health psychology: official journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 2005. V. 24. № 4. P. 35–40.

27. *van Gelder J.-L.* Emotions in Offender Decision Making The Oxford Handbook of Offender Decision Making Eds. W. Bernasco, J.-L. Van Gelder, H. Elffers. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 466–478.

28. *Wu T.*, *Wu Y.J.*, *Tsai H.*, *Li Y.* Top Management Teams' Characteristics and Strategic Decision-Making // A Mediation of Risk Perceptions and Mental Models Sustainability. 2017. V. 9 (12). URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/9/12/2265/htm (дата обращения: 02.09.2020).

THE LOGICAL COMPONENT OF THINKING AS A PREDICTOR OF DECISION-MAKING ABOUT THE PRESENCE OF CORRUPTION RISK IN A SITUATION

I. N. Pogozhina*, M. V. Sergeeva**

Lomonosov Moscow State University, *Faculty of Psychology*;
125009, *Moscow*, *Mokhovaya str.*, *11/9*, *Russia*.
**ScD* (*Psychology*), *Associate Professor of the Psychology of Education and Pedagogy Department*.
E-mail: *pogozhina@mail.ru*
***Postgraduate student of the Psychology of Education and Pedagogy Department*.
E-mail: *msergeeva1119@gmail.com*

Received 27.11.2020

Abstract. The links between elements of the decision-making system on the presence of corruption risk (CR) in a situation with the logical component of thinking as a predictor are considered. The hypothesis of the role of logical reasoning component as a predictor of (1) perceptions of corruption, (2) indicators of emotional intelligence and (3) moral judgement was tested on a sample of Moscow university students ($N = 134$; $M = 35 \pm 11$ years old). The following diagnostic tools were used: (1) the author's test for recognising CR situations, (2) the method for assessing the content of ideas about corruption (Pogozhina, Pshenichnyuk, Sergeyeva), (3) D. Lucin's EmIn questionnaire, (4) Molchanov's Justice-Care technique. Correlation analysis and structural modeling were used to process the data. The logical component of thinking was a significant positive predictor of the level of development of perceptions of corruption and understanding one's own emotions and those of others. Also, the logical component significantly negatively predicted moral judgments based on instrumental individualism, reflexive empathic orientation and unconscious but internalized moral values. The findings suggest that the logical component will play a leading role in the CR decision-making system and should be specifically shaped.

Keywords: decision-making, corruption risks, corruption, logical thinking, emotional intelligence, moral judgments, structural equation modeling.

REFERENCES

1. *Ancyferova L.I.* Svyaz' moral'nogo soznaniya s nravstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovaniya Lourensa Kolberga i ego shkoly). Psikhologicheskii zhurnal. 1999. V. 20. № 3. P. 5–17. (In Russian)

2. *Vojshvillo E.K.* Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskij analiz. Moscow: Izd-vo MGU. 1989. (In Russian)

3. *Ivlev Yu.V.* Logika i issledovaniya v oblasti logiki. Izvestiya MGTU. 2014. V. 5. № 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logika-i-issledovaniya-v-oblasti-logiki (accessed: 10.11.2020). (In Russian)

4. *Kornilova T.V.* Intellektual'no-lichnostnyj potencial cheloveka v usloviyah neopredelennosti i riska. Saint Petersburg.: Nestor-Istoriya. 2016. 344 p. (In Russian)

5. *Kornilova T.V.* Princip neopredelennosti v psihologii vybora i riska. Psihologicheskie issledovaniya. 2015. V. 8. № 40 (3). URL: http://psystudy.ru/index.php/

num/2015v8n40/1111-kornilova40.html (accessed: 20.09.2020). (In Russian)

6. *Kornilova T.V.*, *Chigrinova I.A.* Lichnostnye cennosti, prinyatie neopredelennosti i makiavellizm kak prediktory moral'nogo vybora. Eksperimental'naya psihologiya v Rossii: tradicii i perspektivy. Ed. V.A. Barabanshchikov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 670–675. (In Russian)
7. *Lyusin D.V.* Oprosnik na emocional'nyj intellekt EmIn: novye psihometricheskie dannye Social'nyj i emocional'nyj intellekt: Ot processov k izmereniyam. Eds. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. C. 264–278. (In Russian)
8. *Molchanov S.*V. Moral' spravedlivosti i moral' zaboty: zarubezhnye i otechestvennye podhody k moral'nomu razvitiyu. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya. 2011. № 2. P. 59–72. (In Russian)
9. *Molchanov S.V.* Struktura moral'nogo povedeniya v koncepcii Dzh. Resta. Psihologiya i shkola. 2005. № 1. P. 111–132. (In Russian)
10. *Molchanov S.V.*, *Almazova O.V.*, *Poskrebysheva N.N.*, *Kirsanov K.A.* Kognitivnye sposoby pererabotki social'noj informacii v seti internet i osobennosti moral'nogo soznaniya podrostkov. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2018. V. 23. № 5. P. 77–86. (In Russian)
11. *Olenev M.G.* Faktory, determiniruyushchie korrupcionnye riski, voznikayushchie v deyatel'nosti sotrudnikov UIS. Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii "vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty". 2019. № 17. P. 127–130. (In Russian)
12. *Pogozhina I.N.*, *Pshenichnyuk D.V.* Formirovanie u studentov kognitivnogo komponenta (antikorrupcionnoj kompetentnosti). Voprosy psihologii. 2020. № 1. P. 1–11. (In Russian)
13. *Podd'yakov A.N.* Komplikologiya: sozdanie razvivayushchih, diagnostiruyushchih i destruktivnyh trudnostej. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VSHE, 2014. (In Russian)
14. *Podd'yakov A.N.* Protivodejstvie obucheniyu konkurenta i "troyanskoe" obuchenie v ekonomicheskom povedenii. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2004. V. 1. № 3. P. 65–82. (In Russian)
15. *Talyzina N.F.* Deyatel'nostnaya teoriya ucheniya. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 2018. (In Russian)
16. Ugolovnyj kodeks RF. Aktual'naya redakciya UK RF ot 17.04.2017 s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 28.04.2017 g. URL: http://kodeks.systecs.ru/uk-rf/ (accessed: 05.12.2019). (In Russian)
17. *Ashari A.*, *Nanere M.*, *Trebilcock P.* Corruption awareness and ethical decision making in Indonesia Business and Economic Horizons. 2018. V. 14. № 3. P. 570–586.
18. *Bagdasarov Z.*, *Johnson J.F.*, *MacDougall A.E.*, *Steele L.M.*, *Connelly S.*, *Mumford*, *M.D.* Mental Models and Ethical Decision Making: The Mediating Role of Sensemaking. Journal of Business Ethics. 2016. V. 138. P. 133–144.
19. *Brown T.A.* Confirmatory Factor Analysis for Applied Research: Second Edition. NY: Guilford. 2006. 462 p.
20. *Burton K.* "Think Like a Lawyer" Using a legal reasoning grid and criterion-referenced assessment rubric on IRAC (Issue, Rule, Application, Conclusion). Journal of Learning Design. 2017. V. 10. № 2. P. 57–68.
21. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. 2011. New York: Macmillan. 512 p.
22. *Kornilova T.V.*, *Chigrinova I.A.* Personal values, moral development, and emotional intelligence in the regulation of choice in situations that involve interpersonal interactions. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2014. V. 11. № 4. P. 56–74.
23. *Pogarsky G.*, *Roche S.P.*, *Pickett*, *J.T.* Offender Decision-Making in Criminology: Contributions from Behavioral Economics. Annual Review of Criminology. 2018. V. 1. P. 379–400.
24. *Pogozhina I.N.*, *Sergeeva M.V.*, *Pshenichnyuk D.V.* Cognitive component of legal awareness in learners. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2018. V. 33. P. 79–85.
25. *Pshenichnyuk D.V.*, *Pogozhina I.N.*, *Sergeeva M.V.* Peculiarities of the apprehension of economic offences by learners. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2018. V. 33. P. 102–108.
26. *Slovic P.*, *Peters E.*, *Finucane M.*, *MacGregor D.* Affect, risk, and decision making. Health psychology: official journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 2005. V. 24. № 4. P. 35–40.
27. *van Gelder J.-L.* Emotions in Offender Decision Making The Oxford Handbook of Offender Decision Making Eds. W. Bernasco, J.-L. Van Gelder, H. Elffers. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 466–478.
28. *Wu T.*, *Wu Y.J.*, *Tsai H.*, *Li Y.* Top Management Teams' Characteristics and Strategic Decision-Making. A Mediation of Risk Perceptions and Mental Models Sustainability. 2017. V. 9 (12). URL: https://www.mdpi.com/2071–1050/9/12/2265/htm (accessed: 02.09.2020).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 35–45

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.92

КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ И УСПЕШНОСТЬ ОСВОЕНИЯ ЧТЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ ПРИ ТИПИЧНОМ РАЗВИТИИ И УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ ЛЕГКОЙ СТЕПЕНИ[1]

© 2021 г. Т. Н. Тихомирова

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение "Психологический институт РАО";
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
"Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова";
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
E-mail: tikho@mail.ru

Поступила 15.05.2021

Аннотация. Представлены результаты анализа связи показателей когнитивного развития и успешности освоения чтения в группах детей школьного возраста с типичным развитием и умственной отсталостью легкой степени (F70.0, МКБ — 10).В качестве показателей когнитивного развития рассматривается скорость переработки информации, зрительно-пространственная рабочая память и невербальный интеллект, а в качестве успешности освоения навыка чтения — темп чтения текстов. В исследовании приняли участие 212 учеников (39% девочек), обучающихся в 1–9 классах образовательного учреждения, реализующего программы специальной (коррекционной) школы VIII вида, и общеобразовательной школы. Формирование выборки осуществлялось с помощью технологии подбора по критериям года обучения в школе, пола и семейной ситуации. Показано, что возрастные изменения успешности освоения чтения на протяжении обязательного школьного обучения характеризуются нелинейным паттерном у детей с типичным развитием и линейным — у детей с умственной отсталостью легкой степени. Различия между школьниками с типичным и атипичным развитием по темпу чтения увеличиваются с первого по седьмой год обучения в школе, а далее — с седьмого по девятый класс могут сокращаться. В ходе регрессионного анализа выявлены различия в прямых эффектах влияния невербального интеллекта, скорости переработки информации и зрительно-пространственной рабочей памяти на успешность освоения чтения в зависимости от типа психического развития и уровня школьного обучения. Медиационный анализ показал, что спецификой когнитивного функционирования может быть объяснено не более 17% различий в успешности освоения чтения между школьниками с типичным и атипичным развитием.

Ключевые слова: чтение на родном языке, скорость переработки информации, зрительно-пространственная рабочая память, невербальный интеллект, типичное развитие, умственная отсталость легкой степени, школьный возраст, регрессионный анализ, медиационный анализ.

DOI: 10.31857/S020595920017737-6

Высокий уровень освоения навыка чтения на родном языке является залогом успешного обучения в школе и неразрывно связан с образовательными достижениями во взрослом возрасте [1; 9; 17].В исследованиях сообщается, что высокие показатели сформированности навыка чтения в начальной школе не только способствуют росту успеваемости по всем дисциплинам, в том числе и по математике, на протяжении всего периода обучения, но и являются факторами, способными модулировать риски школьной неуспешности, связанные с низким социально-экономическим статусом семьи [9; 17].

В качестве показателей сформированности навыка чтения традиционно рассматриваются: темп чтения (количество прочитанных за одну минуту слов), способ (по буквам, по слогам, по слогам и словам или целыми словами), количество ошибок при чтении и степень понимания смысла

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-29-09127, исследование школьников с умственной отсталостью легкой степени) и Российского научного фонда (проект № 17-78-30028, исследование школьников с типичным развитием).

почитанного текста. При этом, однако, отмечается, что все показатели тесно взаимосвязаны между собой, а темп чтения при контроле понимания смысла текста в наибольшей мере отражает уровень сформированности навыка чтения, “аккумулируя” и освоенный школьником способ чтения ($r = 0.76$; $p < 0.001$), и количество совершенных при чтении ошибок ($r = –0.69$; $p < 0.001$) [4; 5]. По данным метаанализа исследований низкие темпоральные характеристики чтения свидетельствуют о явных трудностях с освоением родного языка [10].

Формирование учебных навыков происходит на протяжении всего периода школьного обучения и оказывается неразрывно взаимосвязанным с процессами когнитивного функционирования [1; 18]. При этом проблема соотношения учебных достижений и когнитивного развития является актуальной не только в период начального обучения в школе, когда ребенок осваивает чтение, но и на протяжении основного общего образования, когда происходит активное применение навыка чтения в школе и вне школы для получения новых знаний.

Изучение показателей когнитивного функционирования, лежащих в основе индивидуальных различий в освоении учебных навыков и, как следствие, учебных достижений, связывается, прежде всего, со скоростью переработки информации, зрительно-пространственной рабочей памятью и интеллектом [1; 3; 14; 18]. В работах отмечается, что теснота этих связей меняется в ходе школьного обучения — от высокой на начальном уровне образования до слабой в старших классах [18]. Этот факт, как и специфика траекторий развития отдельных когнитивных функций на протяжении школьного возраста [3], подчеркивает необходимость изучения возрастных особенностей влияния когнитивных функций на успешность освоения чтения.

Согласно исследованиям, одним из самых существенных предикторов академических достижений, является интеллект, что подтверждается на различных возрастных и социокультурных выборках [1; 16; 18]. В частности, сообщается, что невербальный интеллект прямо пропорционально связан со скоростью чтения и с пониманием прочитанного текста [11], и эта связь с возрастом только усиливается [16].

Скорость переработки информации является тем когнитивным показателем, для которого в исследованиях получены, с одной стороны, прямые взаимосвязи с темпом чтения на родном языке [13] и сообщается о различиях по этому когнитивному показателю между группами с нарушениями в чтении различной степени [15], с другой стороны, указывается на отсутствие прямых связей на разных уровнях школьного обучения [1; 18].

Зрительно-пространственная рабочая память называется неотъемлемым фактором, способствующим успешному освоению навыков родного языка [7; 11]. Однако сообщается, что этот когнитивный показатель оказывается в различной мере связанным с разнообразными языковыми знаниями, умениями и навыками — от способа чтения и словарного запаса до грамматики [1; 5; 11].

Большинство исследований, направленных на поиск когнитивных основ успешности в освоении родного языка, выполняется на выборках респондентов с типичным развитием [1; 11]. Вместе с тем, включение в исследование школьников с атипичным развитием, в частности, с умственной отсталостью легкой степени, характеризующейся снижением когнитивного функционирования, открывает возможности анализа проблемы когнитивных ресурсов освоения языковых навыков.

Отмечается, что большинство детей с умственной отсталостью легкой степени в ходе специального обучения способны освоить навык чтения, что в дальнейшем открывает возможность использования устной речи в их повседневной жизни [5; 29]. Вместе с тем, анализ техники чтения, как правило, проводится на выборках школьников с типичным и атипичным развитием в период начального школьного обучения, когда навык чтениятолько формируется[5]. Отсутствие эмпирических данных об изменении темпоральных характеристик чтения на всем протяжении обязательного общего образования обуславливают необходимость анализа возрастных особенностей темпа чтения у детей с типичным и атипичным развитием при контроле когнитивного функционирования[1; 2; 4; 20]. Кроме того, важно понять, являются ли стабильными различия в темпе чтения между школьниками с различным типом психического развития или эти различия могут сокращаться в ходе специальным образом организованного школьного обучения.

При этом остается открытым вопрос о том, за счет актуализации каких когнитивных ресурсов происходит освоение родного языка школьниками с атипичным развитием. Исследования подтверждают когнитивный “дефицит” у школьников с умственной отсталостью легкой степени, однако, подчеркивается что, наряду с респондентами с типичным развитием, атипично развивающиеся дети демонстрируют широкий диапазон вариативности по ряду когнитивных показателей [5; 6].

Кроме того, у людей с атипичным развитием когнитивное функционирование может характеризоваться не только сниженным уровнем развития отдельных когнитивных показателей или их паттернов, но и качественно иной, менее дифференцированной, структурой взаимосвязей [4]. Этот результат свидетельствует о меньшей мощности когнитивного ресурса школьников с атипичным развитием для выполнения учебных задач и актуализирует проблему изучения эффектов непосредственного влияния когнитивных функций на успешность овладения навыком чтенияв зависимости от типа психического развития и уровня школьного обучения.

Целью настоящей работы является изучение связи когнитивного функционирования и успешности в освоении чтения на родном языке у детей школьного возраста с различными траекториями психического развития — при умственной отсталости легкой степени и типичном развитии.

В работе изучаются возрастные изменения темпа чтения, включая и возможный нелинейный характер этих изменений, при контроле когнитивных показателей у школьников с типичным и атипичным развитием. Также будут оценены различия между анализируемыми группами школьников по темпу чтения на всем протяжении обязательного общего образования — с первого по девятый год обучения в школе. Не менее важной задачей исследования является определение эффектов влияния когнитивных функций — скорости переработки информации, зрительно-пространственной рабочей памяти и невербального интеллекта — на темп чтения в зависимости от типа психического развития и уровня школьного обучения. Дополнительно будет оценена степень, в которой различия в успешности освоения чтения между детьми с типичным и атипичным развитием объясняются именно спецификой их когнитивного функционирования.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 212 учеников (39% девочек), обучающихся в 1–9 классах 1) образовательного учреждения, реализующего программы специальной (коррекционной) школы VIII вида и 2) общеобразовательной организации.

Формирование выборки типично развивающихся школьников осуществлялось с помощью технологии подбора, что позволило проконтролировать, в том числе социальный статус семей. Согласно данной технологии каждому ученику с атипичным развитием из масштабной выборки типично развивающихся школьников научного проекта “Кросскультурное лонгитюдное исследование успешности в обучении” [18] был “подобран” ученик с типичным развитием по следующим критериям: а) год обучения в школе, б) пол ученика, в) полная или неполная семья, г) количество детей в семье, д) уровень образования матери.

Выборка школьников с типичным развитием включала 106 школьников, из них 55 младших школьников (1–4 класс; средний возраст 9.2; стандартное отклонение 1.1; 38.2% девочек) и 51 подросток (5–9 класс; средний возраст 12,9; стандартное отклонение 1,4; 41,2% девушек).

У 106 школьников коррекционной выборки был диагноз F70.0 “Умственная отсталость легкой степени” (МКБ — 10), поставленный территориальной психолого-медико-педагогической комиссией. В последней группебыло 55 младших школьников (1–4 класс; средний возраст 9,6; стандартное отклонение 1,2; 38,2% девочек) и 51 подросток (5–9 класс; средний возраст 13,5; стандартное отклонение 1,6; 41,2% девушек).

Методика и процедура исследования. Участие школьников осуществлялось только при наличии письменного информированного согласия родителей. Сбор данных о когнитивном развитии детей осуществлялся в индивидуальном порядке на территории общеобразовательной организации строго по разработанному протоколу под наблюдением исследователя. Каждый участник исследования выполнил компьютеризированные тестовые задания “Время реакции выбора” и “Последовательности” на персональном компьютере с 17” монитором, находясь в 60 см от экрана. Тест “Стандартные прогрессивные матрицы” заполнялся в печатном варианте. Сбор данных об успешности освоения чтения проводился в ходе индивидуальной проверки техники чтения. Анализ выполнен на основе обезличенных персональных данных с помощью статистического пакета “MPlus”.

Когнитивное развитие. Тест “Время реакции выбора” применялся для оценки *скорости переработки информации* [3]. В статистическом анализе используется показатель времени реакции только на правильные ответы. При этом меньшее значение времени реакции соответствует лучшему результату.

Тест “Последовательности” применялся для оценки *зрительно-пространственной рабочей памяти* [18]. В статистическом анализе используется показатель количества правильно воспроизведенных последовательностей.

Тест “Стандартные прогрессивные матрицы” применялсядля оценки *невербального интеллекта*. В статистическом анализе использовался показатель общего количества правильно выполненных заданий.

Успешность освоения чтения. Для оценки успешности освоения чтения на родном языке применялась проверка техники чтения текстов в соответствии с Федеральным государственным стандартом начального и основного общего образования. Использовались произведения или фрагменты произведений К.Д. Ушинского (“Лиса Патрикеевна”, 1 класс), Г.А. Скребицкого (“Воришка”, 2 класс), Л.Н. Толстого (“Какая бывает роса на траве”, 3 класс), М.М. Пришвина (“Лягушонок”, 4 класс), Г.Х. Андерсена (“Снежная королева”, 5 класс), А. де Сент-Экзюпери (“Маленький принц”, 6 класс), А.С. Грина (“Алые паруса”, 7 класс), А.П. Чехова (“Ионыч”, 8 класс) и М.Ю. Лермонтова (“Герой нашего времени”, 9 класс).Фиксировался показатель темпа чтения (количество слов в 1 минуту) при контроле понимания смысла текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика. В исследовании анализировались показатели когнитивного функционирования, а также успешность освоения чтения в группах школьников 1–9 классов с атипичным и типичным развитием.

В табл. 1 представлена описательная статистика по анализируемым показателям в группах детей с умственной отсталостью легкой степени (верхняя строка) и типичным развитием (нижняя строка).

В табл. 1 для показателя невербального интеллекта и зрительно-пространственной рабочей памяти указано количество правильных ответов по тестам “Последовательности” и “Стандартные прогрессивные матрицы” соответственно. Минимально и максимально возможные значения для показателя рабочей памяти составляют от 0 до 12, для невербального интеллекта — от 0 до 60. Для показателя скорости переработки информации указано среднее значение времени реакции на правильные ответы в секундах по тесту “Время реакции выбора”. Темп чтения рассчитывался как количество слов, прочитанных за 1 минуту.

Согласно табл. 1, лучшие средние значения по всем анализируемым показателям наблюдаются в группе школьников с типичным развитием. Максимальные значения всех анализируемых показателей выше у типично развивающихся школьников. Минимальные значения различаются только для показателей невербального интеллекта и темпа чтения с преимуществом детей с типичным развитием, для времени реакции различаются лишь на уровне сотых, а для зрительно-пространственной рабочей памяти не различаются вовсе.

Различия в когнитивном функционировании и успешности в освоении чтения. В табл. 2 представлены результаты оценки значимости различий между школьниками с типичным и атипичным развитием по показателям когнитивного функционирования и темпу чтения.

Представленные в табл. 2 результаты показали, что в большей степени различия между группами школьников с типичным и атипичным развитием выражены по невербальному интеллекту и темпу чтения, а наименьший размер эффекта типа умственного развития обнаружен для скорости переработки информации. Средние значения по анализируемым показателям свидетельствуют о преимуществе школьников с типичным развитием.

Возрастные изменения темпа чтения в ходе школьного обучения при контроле когнитивных функций. В ходе регрессионного анализа были изучены возрастные изменения темпа чтения при контроле когнитивных показателей у школьников с типичным и атипичным развитием, а также была оценена разница между анализируемыми группами школьников по темпу чтения с 1 по 9 год обучения в школе.

Таблица 1. Описательная статистика для показателей когнитивного развития и успешности освоения чтения

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Невербальный интеллект	22.04	9.35	5	43
	39.19	9.01	11	60
Скорость переработки информации	1.13	0.49	0.49	3.17
	0.96	0.29	0.46	2.31
Зрительно-пространственная рабочая память	2.06	1.79	0	6
	3.56	1.85	0	8
Темп чтения	41.94	27.94	0	101
	97.75	30.39	33	174

Таблица 2. Результаты оценки значимости различий по показателям когнитивного развития и успешности освоения чтения

Показатель	Среднее значение (стандартная ошибка)		Разница [95% Д.И.]	*t*-критерий	Размер эффекта
	Атипичное развитие	Типичное развитие			
Невербальный интеллект	22.04 (0.91)	39.19 (0.88)	–17.15 [–19.65; –14.65]	–13.53***	–1.87
Скорость переработки информации	1.13 (0.05)	0.96 (0.03)	0.17 [0.06; 0.28]	2.99**	0.42
Зрительно-пространственная рабочая память	2.08 (0.18)	3.56 (0.18)	–1.52 [–2.02; –1.02]	–5.97***	–0.83
Темп чтения	41.94 (2.77)	97.75 (2.95)	–55.81 [–63.80; –47.82]	–13.77***	–1.91

Примечание. ***$p < 0.001$; **$p < 0.01$; 95% Д.И. — 95% доверительный интервал.

В регрессионный анализ тип развития, год обучения, невербальный интеллект, скорость переработки информации и зрительно-пространственная рабочая память (в *Z*-баллах) вводились как независимые переменные. Темп чтения использовался как зависимая переменная. Анализ проводился, в том числе, с последовательным включением в качестве предикторов переменной "Год обучения^2" для оценки возможного нелинейного характера возрастных изменений темпа чтения и переменной "Год обучения*Тип развития" для оценки характера изменений в различиях по темпу чтения между типичными и атипичными детьми на протяжении всего периода обязательного школьного обучения.

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 3.

Согласно табл. 3, модель с включением в качестве предикторов переменных "Невербальный интеллект", "Скорость переработки информации", "Зрительно-пространственная рабочая память", "Год обучения * Тип развития" и "Год обучения^2 * Тип развития" лучше всего описывает данные, объясняя 64% дисперсии темпа чтения на протяжении школьного обучения. Обращает на себя внимание тот факт, что при контроле типа умственного развития и года обучения среди анализируемых когнитивных показателей только невербальный интеллект остается статистически значимым предиктором возрастных изменений темпа чтения.

Согласно значимым коэффициентам переменных "Год обучения*Тип развития" и "Год обучения^2 * Тип развития" различия между типичными и атипичными школьниками по темпу чтения увеличиваются от 1 до 7 год обучения, далее с 7 по 9 год обучения в школе этиразличия могут уменьшаться.

Эффекты влияния когнитивных функций на темп чтения в зависимости от типа развития и уровня школьного обучения. В ходе регрессионного анализа

Таблица 3. Результаты анализа возрастных изменений темпа чтения при контроле когнитивных функций

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	32.45*** (4.89)	23.83*** (5.93)	35.40*** (7.39)
Тип развития (1 = типичное развитие)	45.33*** (5.08)	45.52*** (5.01)	25.66** (9.12)
Год обучения	4.08*** (0.85)	10.84*** (2.84)	3.36 (4.04)
Год обучения^2		–0.82* (0.33)	–0.3 (0.47)
Невербальный интеллект	7.12* (2.92)	7.49* (2.88)	6.63* (2.87)
Скорость переработки информации	–3.21 (2.31)	–1.88 (2.34)	–2.77 (2.34)
Зрительно-пространственная рабочая память	–0.52 (2.31)	–0.31 (2.28)	–0.41 (2.26)
Год обучения* Тип развития			13.31* (5.30)
Год обучения^2* Тип развития			–1.42* (0.64)
F-test (*df*)	61.95 *** (5.194)	54.06*** (6.193)	42.42*** (8.191)
R^2	0.61	0.63	0.64

Примечание. *** $p < 0.001$; **$p < 0.01$; *$p < 0.05$.

была проведена оценка эффектов влияния когнитивных функций на темп чтения у школьников с типичным и атипичным развитием в зависимости от уровня школьного обучения.

Регрессионный анализ проводился для каждого из анализируемых когнитивных показателей — невербального интеллекта, скорости переработки информации и зрительно-пространственной рабочей памяти. Была создана переменная “Уровень обучения”, принимающая значение “0”, если школьник обучается на начальном уровне общего образования (1–4 класс), и значение “1”, если ученик обучается в средней школе (5–9 класс). В ходе анализа протестированы следующие модели:

Модель 1 с включением в качестве предикторов типа развития, уровня обучения и трех когнитивных показателей;

Модель 2 с дополнительным включением переменной двойного взаимодействия “Когнитивный показатель*Тип умственного развития”, чтобы уточнить, изменяется ли эффект данного когнитивного показателя для школьников с разным типом развития;

Модель 3 с дополнительным включением переменной тройного взаимодействия “Когнитивный показатель*Тип умственного развития*Уровень обучения”, чтобы оценить различия в эффекте данного когнитивного показателя у школьников с различным типом развития на разных уровнях обучения.

Невербальный интеллект. В табл. 4 представлены результаты регрессионного анализа для невербального интеллекта.

Согласно табл. 4, в модели 2 коэффициент переменной двойного взаимодействия “Невербальный интеллект * Тип развития” является статистически значимым ($p < 0.05$), в то же время переменная “Невербальный интеллект” становиться незначимой. Этот факт свидетельствует о значимости эффекта влияния невербального интеллекта на темп чтения только в группе школьников с типичным развитием. Действительно, анализ коэффициентов для каждой группы школьников (“simpleslopeanalysis”) подтвердил этот результат только у школьников с типичным развитием ($B = 13.29$, стандартная ошибка = 3.79, $p < 0.01$). Напротив, для школьников с умственной отсталостью легкой степени невербальный интеллект не имел статистически значимого влияния на изменение темпа чтения ($B = 3.12$, стандартная ошибка = 3.92, $p = 0.427$).

В модели 3 (с тройным взаимодействием) все переменные взаимодействия оказываются незначимыми, что свидетельствует об отсутствии изменений эффекта невербального интеллекта на темп чтения в зависимости от уровня обучения и типа умственного развития школьников.

Скорость переработки информации. Аналогичным образом регрессионный анализ проводился для скорости переработки информации. Согласно результатам, в модели 2 коэффициент переменной двойного взаимодействия “Скорость переработки информации*Тип развития” является статистически значимым($p < 0.05$) и свидетельствует об изменении эффекта влияния скорости переработки информации на темп чтения в зависимости от типа умственного развития школьника.

Анализ коэффициентов переменной “Скорость переработки информации” для каждой группы школьников показал, что связь между скоростью переработки информации и темпом чтения была значима только для детей с типичным развитиемна начальном уровне общего образования. Для школьников с атипичным развитием, обучающимся

Таблица 4. Результаты анализа эффекта влияния невербального интеллекта на темп чтения

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	41.67*** (4.01)	38.83*** (4.21)	41.98*** (5.79)
Тип развития (1 = типичное развитие)	42.13*** (5.09)	41.89*** (5.05)	36.35*** (7.10)
Уровень обучения (1 = основной уровень)	14.69*** (4.09)	13.82*** (4.08)	8.80 (7.36)
Скорость переработки информации	–4.87* (2.30)	–5.64* (2.31)	–5.72* (2.34)
Зрительно-пространственная рабочая память	0.10 (2.36)	0.01 (2.34)	0.21 (2.35)
Невербальный интеллект	8.40** (2.96)	3.12 (3.93)	4.10 (5.51)
Невербальный интеллект * Тип развития		10.17* (5.01)	10.41 (7.11)
Невербальный интеллект * Уровень обучения			–0.76 (7.26)
Уровень обучения * Тип развития			13.77 (10.65)
Невербальный интеллект * Тип развития * Уровень обучения			–5.24 (10.51)
F-test (*df*)	57.36*** (5.194)	49.26*** (6.193)	32.87*** (9.190)
R^2	0.60	0.61	0.61

*Примечание.**** $p < 0.001$; **$p < 0.01$; *$p < 0.05$.

и в начальной, и средней школе, связи скорости переработки информации с темпом чтения не обнаружено.

Зрительно-пространственная рабочая память. Согласно результатам регрессионного анализа для зрительно-пространственной рабочей памяти, эффект влияния этого когнитивного показателя на темп чтения оказывается статистически незначимым для групп школьников с типичным и атипичным развитием, обучающихся на разных уровнях общего образования ($p > 0.05$).

Когнитивные функции как медиатор связи типа развития и успешности в освоении чтения. В ходе медиационного анализа оценивалась степень, в которой различия по темпу чтения между детьми с типичным и атипичным развитием объясняются именно спецификой когнитивного функционирования. В качестве предиктора рассматривался тип умственного развития, а в качестве зависимой переменной — темп чтения. Медиаторами выступили скорость переработки информации, зрительно-пространственная рабочая память и невербальный интеллект. Анализ стандартной ошибки и значимости непрямого эффекта произведен с помощью метода бутсрэппинга (количество подвыборок — 50).

На рис. 1 представлена диаграмма прямых и косвенных эффектов влияния типа развития на успешность освоения чтения, где прямые статистически значимые эффекты обозначены прямой линией, статистически значимые косвенные эффекты — пунктирной линией, а незначимые пути — линией “точка и тире”. Указаны путевые коэффициенты, значимые на уровне ***$p < 0.001$; **$p < 0.01$; *$p < 0.05$.

Согласно рассчитанным в ходе медиационного анализа размерам прямых и косвенных эффектов, единственным статистически значимым медиатором связи между типом развития и темпом чтения является невербальный интеллект. Анализ показал, что 17% различий в успешности освоения чтения между школьниками с типичным развитием и умственной отсталостью легкой степени объясняется различиями в когнитивном функционировании, а точнее — невербальным интеллектом. При этом важно подчеркнуть, что при контроле невербального интеллекта ни скорость переработки информации, ни зрительно-пространственная рабочая память не объясняют различий в успешности освоения чтения между школьниками с типичным и атипичным развитием.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В исследовании проводился анализ связи когнитивного функционирования и успешности освоения навыка чтения в группах детей школьного возраста с различными траекториями психического развития — при умственной отсталости легкой степени и типичном развитии.

Между анализируемыми группами школьниками выявлены различия по темпу чтения с преимуществом детей с типичным развитием: размер эффекта составляет 47%дисперсии темпорального показателя сформированности навыка чтения. Этот ожидаемый результат согласуется с результатами имеющихся исследований, где сообщается также о смещении диапазона вариативности темпа

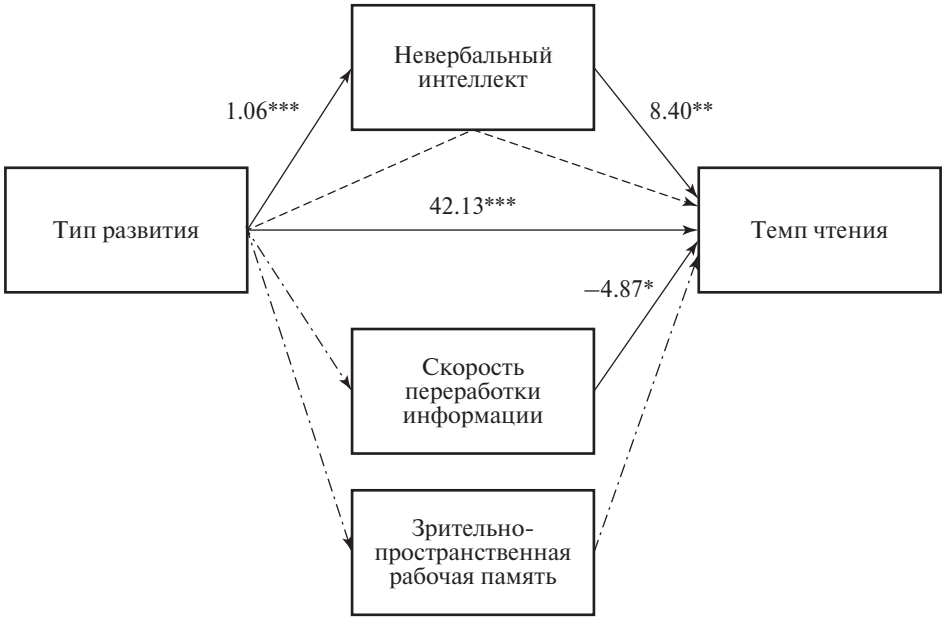


Рис. 1.Связи типа развития и темпа чтения через когнитивные функции

чтения в группе детей с умственной отсталостью к меньшим значениям [5; 19].

В ходе регрессионного анализа показаны различия в возрастных изменениях темпа чтения между типично и атипично развивающимися школьниками при контроле когнитивных функций. Так, на протяжении школьного возраста изменения темпа чтения у школьников с умственной отсталостью легкой степени носят линейный характер со слабо выраженным прогрессом. При этом прирост темпа чтения от года к году школьного обучения у детей с умственной отсталостью легкой степени оказывается статистически незначимым. Напротив, возрастные изменения темпа чтения у школьников с типичным развитием характеризуются нелинейным паттерном, с увеличением темпа с первого до седьмого года школьного обучения и некоторым снижением с седьмого до девятого класса. Снижение темпа чтения в подростковом возрасте может быть связано с низкой актуализацией навыка чтения вслух на основном уровне образования, а также возрастными изменениями мотивационной сферы в отношении академических достижений [8]. Соответственно, различия между школьниками с типичным и атипичным развитием увеличиваются в ходе школьного обучения вплоть до седьмого класса, а далее на восьмом и девятом годах обучения могут сокращаться. Полученные результаты свидетельствуют, что при контроле типа психического развития и года школьного обучения среди анализируемых когнитивных показателей только невербальный интеллект остается статистически значимым предиктором возрастных изменений темпа чтения, подтверждая ведущую роль в динамике индивидуальных учебных достижений [19; 20].

Среди когнитивных функций наименьшие различия между школьниками с типичным и атипичным развитием получены для скорости переработки информации — лишь 4% дисперсии этого когнитивного показателя объясняется типом психического развития. Этот результат согласуется с исследованиями, в которых приводятся данные об индивидуальных и групповых "когнитивных" профилях при умственной отсталости и сообщается о широком диапазоне вариативности по ряду когнитивных признаков [8;10]. Согласно настоящему исследованию, минимальные значения скорости переработки информации практически совпадают (0,46 и 0,49), подтверждая, что "быстрые" дети присутствуют как в группе школьников с типичным развитием, так и с умственной отсталостью легкой степени. Совпадение минимумов (0 правильно выполненных заданий) характерно и для зрительно-пространственной рабочей памяти в группах школьников с типичным и атипичным развитием, но различия средних значений оказываются более существенными — на уровне 15% дисперсии. Наибольшие различия обнаружены для невербального интеллекта, по которому типом психического развития объяснено 45% дисперсии. Эти различия, полученные на выборке российских школьников, подтверждаются результатами метаанализа исследований, в котором зафиксирован наибольший когнитивный "дефицит" у школьников, испытывающих трудности с освоением чтения, по показателям зрительно-пространственной рабочей памяти и интеллекта [12].

В ходе регрессионного анализа оценки прямых эффектов влияния когнитивных функций на темпоральные характеристики навыка чтения выявлена зависимость от типа психического развития и уровня обучения в школе. Так, невербальный интеллект оказывается тесно связанным с темпом чтения только у школьников с типичным развитием на всем протяжении школьного обучения — и на начальном, и на основном уровне образования, что подтверждается в исследованиях на различных возрастных, культурных и социальных группах [1; 5; 11; 16]. Скорость переработки информации является значимым предиктором темпа чтения также для школьников с типичным развитием, но лишь на начальном уровне обучения, когда навык чтения только формируется [5; 13]. Согласно результатам настоящего исследования, зрительно-пространственная рабочая память не влияет на темп чтения у школьников, как с типичным, так и с атипичным развитием на всем протяжении школьного обучения.

В ходе медиационного анализа рассчитано, что спецификой когнитивного функционирования может быть объяснено не более 17% различий между школьниками с типичным и атипичным развитием по темпу чтения. При этом единственным медиатором связи между типом психического развития и темпоральными характеристиками сформированности навыка чтения выступает невербальный интеллект.

Следует особо отметить, что не выявлено прямых эффектов влияния когнитивных функций на изменение темпа чтения у школьников с умственной отсталостью легкой степени в период школьного обучения. Этот факт может свидетельствовать о наличии более сложных, например, косвенных путей влияния. В исследованиях когнитивных основ успешности в школьном обучении, в частности, сообщается о высоком функциональном весе связи скорости переработки информации

с академическими достижениями через невербальный интеллект [18]. Возможность наличия косвенных связей между отдельными когнитивными признаками и успешностью освоения навыка чтения может характеризовать качественно иную организацию когнитивной сферы лиц с умственной отсталостью легкой степени и диктует необходимость дальнейших исследований.

ВЫВОДЫ

Возрастные изменения успешности освоения чтения на протяжении обязательного школьного обучения характеризуются нелинейным паттерном у детей с типичным развитием и линейным, без статистически значимого прироста темпа от года к году, — у детей с умственной отсталостью легкой степени. Различия между школьниками с типичным и атипичным развитием по темпу чтения увеличиваются с первого по седьмой год обучения в школе, а далее с седьмого по девятый класс могут сокращаться за счет снижения темпа у детей с типичным развитием.

Среди показателей когнитивного функционирования наименьшие различия между школьниками с типичным развитием и умственной отсталостью легкой степени получены по скорости переработки информации, что может быть использовано в качестве индивидуально-психологического ресурса при организации обучения детей с атипичным развитием.

Выявлены различия в прямых эффектах влияния когнитивных функций на успешность освоения навыка чтения в зависимости от типа психического развития и уровня школьного обучения. Невербальный интеллект прямо пропорционально связан с темпом чтения только у школьников с типичным развитием на всем протяжении обязательного школьного обучения. Скорость переработки информации является значимым предиктором темпа чтения также для школьников с типичным развитием, но лишь на начальном уровне обучения. Зрительно-пространственная рабочая память не влияет на темп чтения у школьников с типичным и атипичным развитием на всем протяжении школьного обучения.

Спецификой когнитивного функционирования может быть объяснено не более 17% различий в успешности освоения чтения между школьниками с типичным и атипичным развитием. В качестве медиатора связи между типом психического развития и темпоральными характеристиками сформированности навыка чтения выступает невербальный интеллект.

СПИСОКЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкая Л.А., Зинченко Ю.П., Малых С.Б., Тихомирова Т.Н.* Когнитивные основы успешности обучения русскому языку: кросскультурное исследование // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 26–40.
2. *Стребелева Е.А., Закрепина А.В.* Развитие речи и обучение альтернативной коммуникации первоклассников с умственной отсталостью // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2017. № 5. С. 9–19.
3. *Тихомирова Т.Н., Кузьмина Ю.В., Малых С.Б.* Траектории развития скорости переработки информации в младшем школьном возрасте: лонгитюдное исследование // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 26–38.
4. *Тихомирова Т.Н., Малых А.С.* Когнитивное функционирование и успешность освоения русского языка на основном уровне общего образования: взаимосвязи при умственной отсталости легкой степени и типичном развитии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 24–40.
5. *Тихомирова Т.Н., Малых А.С., Квашенникова Н.А., Быковская Т.С., Кондратьева Н.В.* Когнитивные ресурсы успешности обучения русскому языку детей младшего школьного возраста с атипичным и типичным развитием // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 63–79.
6. *Bergeron R., Floyd R.G.* Broadcognitiveabilitiesofchildrenwithmentalretardation: Ananalysis of group and individual profiles // American Journal on Mental Retardation. 2006. V. 111(6). P. 417–432.
7. *Clemens N.H., Hsiao Y.Y., Lee K., Martinez-Lincoln A., Moore C., Toste J., & Simmons L.* The differential importance of component skills on reading comprehension test performance among struggling adolescent readers // Journal of Learning Disabilities. 2020. P. 0022219420932139.
8. *Gnambs T., Hanfstingl B.* The decline of academic motivation during adolescence: An accelerated longitudinal cohort analysis on the effect of psychological need satisfaction // Educational Psychology. 2016. V. 36 (9). P. 1691–1705.
9. *Herbers J.E., Cutuli J.J., Supkoff L.M., Heistad D., Chan C.K., Hinz E., Masten A.S.* Early reading skills and academic achievement trajectories of students facing poverty, homelessness, and high residential mobility // Educational Researcher. 2012. V. 41 (9). P. 366–374.
10. *Hudson A., Koh P.W., Moore K.A., Binks-Cantrell E.* Fluency interventions for elementary students with reading difficulties: a synthesis of research from 2000–2019 // Education Sciences. 2020. V. 10 (3). P. 52.

11. *Johann V., Könen T., Karbach J.* The unique contribution of working memory, inhibition, cognitive flexibility, and intelligence to reading comprehension and reading speed // Child Neuropsychology. 2020. V. 26 (3). P. 324–344.

12. *Kudo M.F., Lussier C.M., Swanson H.L.* Reading disabilities in children: A selective meta-analysis of the cognitive literature // Research in developmental disabilities. 2015. V. 40. P. 51–62.

13. *Liu N., Zhao J., Huang C., Xing X., Lu S., Wang Z.* Predicting early reading fluency based on preschool measures of low-level visual temporal processing: A possible mediation by high-level visual temporal processing skills // Infant and Child Development. 2021. V. 30 (2). P. e2211.

14. *Luo D., Thompson L.A. Detterman D.K.* The criterion validity of tasks of basic cognitive processes // Intelligence. 2006. V. 34 (1). P. 79–120.

15. *Moll K., Göbel S.M., Gooch D., Landerl K., Snowling M.J.* Cognitive risk factors for specific learning disorder: Processing speed, temporal processing, and working memory // Journal of learning disabilities. 2016. V. 49 (3). P. 272–281.

16. *Peng P., Wang T., Wang C., Lin X.* A meta-analysis on the relation between fluid intelligence and reading/mathematics: Effects of tasks, age, and social economics status // Psychological Bulletin. 2019. V. 145 (2). P. 189.

17. *Sparks R.L., Patton J., Murdoch A.* Early reading success and its relationship to reading achievement and reading volume: Replication of "10 years later" // Reading and Writing. 2014. V. 27 (1). P. 189–211.

18. *Tikhomirova T., Malykh A., Malykh S.* Predicting Academic Achievement with Cognitive Abilities: Cross-Sectional Study across School Education // Behavioral Sciences. 2020. V. 10 (10). P. 158.

19. *van Tilborg A., Segers E., van Balkom H., Verhoeven L.* Predictors of early literacy skills in children with intellectual disabilities: A clinical perspective // Research in Developmental Disabilities. 2014. V. 35 (7). P. 1674–1685.

20. *van Wingerden E., Segers E., van Balkom H., Verhoeven L.* Cognitive and linguistic predictors of reading comprehension in children with intellectual disabilities // Research in developmental disabilities. 2014. V. 35 (11). P. 3139–3147.

COGNITIVE FUNCTIONS AND READING SPEED IN SCHOOLCHILDREN WITH TYPICAL DEVELOPMENT AND MILD MENTAL RETARDATION[2]

T. N. Tikhomirova

Corresponding member of Russian Academy of Education,
ScD (Psychology), Leading Researcher.
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
125009, Moscow, Mokhovaya, 9, 4, Russia.
Lomonosov Moscow State University, 125009, Moscow, Mokhovaya, 11, 9, Russia.
E-mail: tikho@mail.ru

Received: 15.05.2021

*Abstract.*The article presents the results of an empirical study of the relationship between indicators of cognitive functioning and the success in reading in groups of schoolchildren with typical development and mild mental retardation (F70.0; ICD — 10). Information processing speed, visuospatial working memory and nonverbal intelligence were considered as indicators of cognitive development. To assess the reading speed, a check was used on the technique of reading texts in accordance with the Federal State Standard of General Education. The study involved 212 schoolchildren (39% girls) enrolled in Grades 1–9 of (1) a public school implementing programs of a special (correctional) school of type VIII and (2) a public school. The results revealed that age-related changes in the success of reading during compulsory schooling are characterized by a nonlinear pattern in children with typical development and a linear pattern in children with mild mental retardation. The differences between schoolchildren with typical and atypical development in reading speed increase from Grades 1 to 7, and then from Grades 7 to 9 may decrease. The regression analysis confirmed the differences in the direct effects of the influence of non-verbal intelligence, information processing speed and visuospatial working memory on the reading speed. These differences in effects depend on the type of mental development and the level of schooling. Mediation analysis showed that no more than 17% of the differences in the success

[2] Study was supported by Russian Foundation for Basic Research (project № 17-29-09127) and Russian Science Foundation (project № 17-78-30028).

of reading between schoolchildren with typical and atypical development can explain by cognitive functioning.

Keywords: native language reading, information processing speed, visuospatial working memory, non-verbal intelligence, typical development, mild mental retardation, school age, regression analysis, mediation analysis

REFERENCES

1. *Verbitskaya L.A., Zinchenko Y.P., Malykh S.B., Tikhomirova T.N.* Kognitivnye osnovy uspeshnosti obucheniya russkomu yazyku: krosskul'turnoe issledovanie. Voprosy Psikhologii. 2017. № 1. P. 26–40. (In Russian)
2. *Strebeleva E.A., Zakrepina A.V.* Razvitie rechi i obuchenie al'ternativnoj kommunikacii pervoklassnikov s umstvennoj otstalost'yu. Vospitanie i obuchenie detej s narusheniyami razvitiya. 2017. № 5. P. 9–19. (In Russian)
3. *Tikhomirova T.N., Kuzmina Y.V., Malykh S.B.* Traektorii razvitiya skorosti pererabotki informacii v mladshem shkol'nom vozraste: longityudnoe issledovanie.Psikhologicheskiizhurnal.2020. V. 41. № 2. P. 26–38. (In Russian)
4. *Tikhomirova T.N., Malykh A.S.* Kognitivnoe funkcionirovanie i uspeshnost' osvoeniya russkogo yazyka na osnovnom urovne obshchego obrazovaniya: vzaimosvyazi pri umstvennoj otstalosti legkoj stepeni i tipichnom razvitii // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2019. V. 12. № 4. P. 24–40. (In Russian)
5. *Tikhomirova T.N., Malykh A.S., Kvashennikova N.A., Bykovskaya T.S., Kondratyeva N.V.* Kognitivnye resursy uspeshnosti obucheniya russkomu yazyku detej mladshego shkol'nogo vozrasta s atipichnym i tipichnym razvitiem. Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2018. V. 11. № 3. P. 63–79. (In Russian)
6. *Bergeron R., Floyd R.G.* Broadcognitiveabilitiesofchildrenwithmentalretardation: Ananalysis of group and individual profiles. American Journal on Mental Retardation. 2006. V. 111 (6). P. 417–432. (In Russian)
7. *Clemens N.H., Hsiao Y.Y., Lee K., Martinez-Lincoln A., Moore C., Toste J., Simmons L.* The differential importance of component skills on reading comprehension test performance among struggling adolescent readers. Journal of learning disabilities. 2020. P. 0022219420932139.
8. *Gnambs T., Hanfstingl B.* The decline of academic motivation during adolescence: An accelerated longitudinal cohort analysis on the effect of psychological need satisfaction. Educational Psychology. 2016. V. 36 (9). P. 1691–1705.
9. *Herbers J.E., Cutuli J.J., Supkoff L.M., Heistad D., Chan C.K., Hinz E., Masten A.S.* Early reading skills and academic achievement trajectories of students facing poverty, homelessness, and high residential mobility. Educational Researcher. 2012. V. 41 (9). P. 366–374.
10. *Hudson A., Koh P.W., Moore K.A., Binks-Cantrell E.* Fluency interventions for elementary students with reading difficulties: a synthesis of research from 2000–2019. Education Sciences. 2020. V. 10 (3). P. 52.
11. *Johann V., Könen T., Karbach J.* The unique contribution of working memory, inhibition, cognitive flexibility, and intelligence to reading comprehension and reading speed // Child Neuropsychology. 2020. V. 26 (3). P. 324–344.
12. *Kudo M.F., Lussier C.M., Swanson H.L.* Reading disabilities in children: A selective meta-analysis of the cognitive literature. Research in developmental disabilities. 2015. V. 40. P. 51–62.
13. *Liu N., Zhao J., Huang C., Xing X., Lu S., Wang Z.* Predicting early reading fluency based on preschool measures of low-level visual temporal processing: A possible mediation by high-level visual temporal processing skills. Infant and Child Development. 2021. V. 30 (2). P. e2211.
14. *Luo D., Thompson L.A., Detterman D.K.* The criterion validity of tasks of basic cognitive processes. Intelligence. 2006. V. 34 (1). P. 79–120.
15. *Moll K., Göbel S.M., Gooch D., Landerl K., Snowling M.J.* Cognitive risk factors for specific learning disorder: Processing speed, temporal processing, and working memory. Journal of learning disabilities. 2016. V. 49 (3). P. 272–281.
16. *Peng P., Wang T., Wang C., Lin X.* A meta-analysis on the relation between fluid intelligence and reading/mathematics: Effects of tasks, age, and social economics status. Psychological Bulletin. 2019. V. 145 (2). P. 189.
17. *Sparks R.L., Patton J., Murdoch A.* Early reading success and its relationship to reading achievement and reading volume: Replication of "10 years later". Reading and Writing. 2014. V. 27 (1). P. 189–211.
18. *Tikhomirova T., Malykh A., Malykh S.* Predicting Academic Achievement with Cognitive Abilities: Cross-Sectional Study across School Education // Behavioral Sciences. 2020. V. 10 (10). P. 158.
19. *van Tilborg A., Segers E., van Balkom H., Verhoeven L.* Predictors of early literacy skills in children with intellectual disabilities: A clinical perspective. Research in Developmental Disabilities. 2014. V. 35 (7). P. 1674–1685.
20. *van Wingerden E., Segers E., van Balkom H., Verhoeven L.* Cognitive and linguistic predictors of reading comprehension in children with intellectual disabilities. Research in developmental disabilities. 2014. V. 35 (11). P. 3139–3147.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 46–59

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.9.07

АЙТРЕКИНГ-ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕФИЦИТА СОВМЕСТНОГО ВНИМАНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ[1]

© 2021 г. Я. К. Смирнова

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет;
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии.
E-mail: yana.smirnova@mail.ru

Поступила 06.03.2020

Аннотация. Статья посвящена исследованию дефицита совместного внимания при разных формах атипичного развития методом регистрации движений глаз. Для исследования участвовали дошкольники в возрасте 5–7 лет из разных клинических групп: типично развивающиеся ($n = 20$), с задержкой психического развития (по МКБ-10 класс F83) ($n = 20$), дошкольники с задержкой речевого развития (по МКБ-10 класс R47) ($n = 20$), с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, по МКБ-10 класс H90) ($n = 10$) и с нарушением зрения (амблиопия и косоглазие, по МБК-10 класс H53) ($n = 20$). Анализ контрастных групп позволил выделить как специфичные, так и универсальные проявления симптомов дефицита совместного внимания при разных формах атипичного развития. С помощью метода слежения за направлением взора проанализированы длительность и частота фиксаций, распределение фиксаций, зоны интереса, и выделены маркеры дефицита совместного внимания, препятствующие продуктивному взаимодействию ребенка со взрослым. Описаны потенциальные механизмы атипичного совместного внимания: атипичная направленность взора; изменения в динамике оперативного поля зрения, длительности зрительного сосредоточения и точности фиксации элементов объекта. Показано, что время фиксаций в эпизодах совместного внимания может быть рассмотрено как прогностический маркер нарушения совместного внимания: совместное внимание связано не только с пространственными характеристиками зон интереса, но и с длительностью фиксаций на объекте (уменьшение/увеличении длительности фиксации).

Ключевые слова: совместное внимание, разделенное внимание, движения глаз, дошкольный возраст, атипичное развитие, айтрекер.

DOI: 10.31857/S020595920017070-3

В современной науке к отклонениям социально-когнитивного развития относят дефицит совместного внимания. Совместное внимание (*shared attention*, *joint attention*) — это навык координации визуального внимания с другим человеком в сторону общего объекта или события [19], который часто рассматривается как процесс отслеживания направления взгляда (*gaze following*) коммуникативного партнера, аналог процессора отбора релевантной информации, необходимой для выдвижения и проверки человеком своих гипотез относительно поведения и состояния других людей [2].

Совместное внимание задействует распределенную и параллельную системы обработки социальной информации: (1) обработку информации о собственном фокусе визуального внимания, (2) обработку информации о фокусе зрительного внимания других людей (3) параллельную обработку информации о собственном фокусе внимания и фокусе зрительного внимания других людей [12; 14; 19; 24; 35]. Мониторинг такого динамического мультимодального потока событий для человека сложен. Этот набор навыков необходим для того, чтобы сделать выводы о психических состояниях и целях других людей [33].

В предыдущих исследованиях показана связь развития совместного внимания с последующим овладением речью [1; 4; 19; 31; 33], когнитивным развитием и уровнем IQ, способностью к символическому мышлению [5], эффективностью процесса обучения [7], способностью к имитации, социальной компетентностью, саморегуляцией, развитием исполнительных функций, состоянием

[1] Результаты исследований получены при финансовой поддержке гранта президента МК-307.2020.6 “Айтрекинг исследование нарушений координации социального внимания в дошкольном возрасте”.

функции программирования и контроля [18; 21; 28; 30]. В свою очередь дефицит совместного внимания может спровоцировать каскад нарушений данных функций и процессов.

Отдельной областью изучения онтогенеза является дефицит совместного внимания [1; 2; 9; 23; 27; 31]. Как проявления дефицита совместного внимания отмечают трудности следящего взгляда, нетипичность фокусировки внимания и реакции на сигналы привлечения совместного внимания [10; 11], снижение чувствительности и точности (*reduced responsiveness*) ответной реакции на привлечение совместного внимания [20].

Основные исследования дефицита совместного внимания проведены на детях с расстройством аутистического спектра. Неоднократно показано, что прогностическим маркером аутизма (в том числе у их братьев и сестер) является нарушение реакции на привлечение совместного внимания [3; 23; 36]. Некоторые исследования показали, что, по сравнению с обычно развивающимися людьми, люди с РАС более склонны смотреть на объекты, отличные от социально значимых стимулов [10; 13; 34], детям с аутизмом не удается предсказывать социальные события на основании оценки направления взгляда людей [25; 27; 34]. Недостатки в распознавании были связаны с несбалансированным вниманием в восприятии ключевых черт лица другого человека: люди с аутизмом чаще смотрю на губы, чем область глаз [6; 17], отмечено нетипичное визуальное сканирование по принципу “смотреть, но не видеть” [6]. Дефицит совместного внимания может приводить к вторичному дефициту, отражающему ограниченные знания о социальных партнерах.

Однако, данные об особенностях совместного внимания в других клинических группах практически отсутствуют или мало систематизированы [2], что является значительным барьером в понимании специфики симптомов дефицита и уточнения нормативного функционирования совместного внимания.

Ранее для изучения совместного внимания методом регистрации движения глаз в исследованиях использовались различные элементы биологического движения [19]; социальные сцены [6; 17; 22]. В экспериментах, нацеленных на изучение элементарных навыков обработки лица, обычно используется парадигма свободного просмотра, где ребенку представляются видеозаписи различных социальных сцен обычно в быстрой последовательности, и внимание к ним искусственно поддерживается посторонними сигналами, такими как их внезапное появление на экране.

Однако в реальной жизни социальные поведенческие сигналы (в том числе направление взгляда) проявляются в виде динамических стимулов, встроенных в семантически сложные контексты. В связи с этим необходимо задействовать естественные условия взаимодействия взрослого с ребенком, в которых можно проследить ответ на натуралистичный поток событий и охарактеризовать естественную изменчивость моделей изменения направления взгляда.

В предыдущих исследованиях совместного внимания часто оценивали пространственную координацию направления взглядов двух субъектов в конкретных областях зон интереса [24]. В этом подходе анализируемые области определяются априори на основе базовых предположений о структуре рассматриваемого поля зрения или области с высокой перцептивной значимостью [6; 29].

Однако то, что ребенок не смотрит на лицо взрослого, не означает, что ребенок не знает о направлении внимания взрослого. Для изучения совместного внимания ребенка и взрослого важно анализировать не только зоны интереса (пространственные характеристики), но и характеристики времени фиксации [37] — периоды времени, в которые взрослый и ребенок направляли взгляд на один и тот же объект, и то, насколько долго проходила эта фиксация. Длительность фиксации наиболее релевантна для анализа совместного внимания в естественных условий взаимодействия [37].

Мобильная версия айтрекера позволяет в максимально приближенных к естественным условиях взаимодействия взрослого и ребенка объективно выявить маркеры нарушения совместного внимания на основе детального анализа маршрутов и времени фиксации взгляда на коммуникативной цели, необходимой для совместного внимания, изменчивости определенных областей интереса [15], а также показателей перекрестного [24] или синхронного взгляда [27] в эпизодах совместного внимания у дошкольников с разными формами атипичного развития.

Данный анализ позволит выделить нарушения процессов, участвующих в совместном внимании, препятствующие эффективному установлению контакта взрослого и ребенка, необходимого для всестороннего обучения и развития; систематизировать нормативные и патологические социальные симптомы совместного внимания.

Мы исходили из предположение, что детекция взгляда в эпизодах совместного внимания будет специфична у детей с атипичными формами развития, и метод слежения за направлением взгляда

позволит выделить специфику функциональной организации окуломоторной активности как индикатора участия ребенка в совместном внимании.

Таким образом основная цель исследования состоит в выявлении особенностей динамики направления взгляда детей с разной формой атипичного развития при взаимодействии со взрослым.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборку исследования составили дети дошкольного возраста 5–7 лет (M = 6 лет, Sd = 2 месяца): типично развивающиеся дошкольники (n = 20), дошкольники с задержкой психического развития (класс *F*83 по МКБ-10; уровень интеллекта по Векслеру < 100) (n = 20), задержкой речевого развития (класс *R*47 по МКБ-10) (n = 20), с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, класс *H*90 по МКБ-10) (n = 10), с нарушением зрения (с амблиопией и косоглазием, класс *H*53 по МБК-10) (n = 20). Дошкольники с атипичным развитием имеют официальный диагноз в результате прохождения территориальной медико-психолого-педагогической комиссии.

Процедура исследования. В ходе исследования дошкольникам предлагалась игра. На столе перед дошкольниками располагались 2 игрушки. Ребенку предлагалась наблюдать за направлением взгляда взрослого-экспериментатора и отгадать и указать на игрушку, которую взрослый выберет. Взгляд взрослого для дошкольника должен был выступать подсказкой. Игрушки как целевой объект взрослым-экспериментатором выбирались в рандомизированном порядке. Всего ребенку предлагали 5 попыток угадывания. Количество правильных ответов фиксировалось от 0 до 5.

В ходе каждой попытки были 3 фазы: 1) “взгляд вниз” (около 500 мс); 2) “интерактивная” фаза, чтобы вызвать совместный фокус внимания: взрослый смотрит ребенку в глаза (около 2000 мс); 3) фаза “совместного внимания”, когда взрослый-экспериментатор направляет голову и взгляд к одной из игрушек (около 2500 мс) (рис. 1).

Производилась транскрипция видео от момента начала подачи инструкции. Видеоряд позволял отслеживать в режиме реального времени продолжительность каждой фазы исследования. Эпизодом “совместного внимания” считался период времени, когда на игрушку смотрит как ребенок, так и взрослый.

Для анализа были использованы две основные категории длительности фиксации взглядов: краткие просмотры длительностью менее 3 с (показатель неустойчивого внимания [37]), и взгляды, продолжительностью времени 3 с и более, указывающие на возникновение устойчивого внимания. Кроме того, исследовались взгляды продолжительностью 10 с и более, связанные с совместным вниманием или моментами, когда взрослый также смотрел на ребенка.

Определялось направление взора взрослого. Данные по продолжительности эпизода совместного внимания приведены с точностью до 10 мс. Точность обеспечена при покадровом просмотре видеозаписи.

Контролировалось, чтобы экспериментатор и ребенок сидели за столом друг напротив друга. Взрослые сидели на полу так, чтобы их глаза находились примерно на той же высоте от столешницы, что и глаза ребенка.

Расстояние между экспериментатором и ребенком составляло 1 м 21 см.

Игрушки располагались на расстояние 30 см друг от друга.

Расстояние от экспериментатора до игрушек составляло 60.5 см, расстояние от экспериментатора до ребенка также было 60.5 см.

Параметры игрушки: высота 16 см, ширина 11.4 см, толщина 2.4 см.

Рис. 1. Три разные фазы: взгляд вниз, интерактивность, совместное внимание

Длина крышки стола составляла 60 см, ширина — 45 см, высота рабочей плоскости стола была 58 см. Размеры стола рассчитаны на средний рост дошкольников 135 см (ГОСТ 19301.1-2016 Мебель детская дошкольная).

В ходе исследования на дошкольников был одет айтрекер для регистрации движений глаз ребенка, анализу подвергались данные о направлении взора дошкольников.

Методики и аппаратура. Регистрация движения глаз осуществлялась с использованием портативного трекера в формфакторе очков *Pupil Headset — Pupil Labs*. Портативный трекер детектирует зрачок, определяет направление взора, производит калибровку и находит маркеры, которые выделяют зоны интереса. Технология слежения за зрачками — "Темный зрачок с 3*D* моделью". Параметры зрачка — 3*D*-модели глаз. Частота дискретизации 200 Гц, 192×192 *px*. Высокоростная сценовая камера 480 *p*/120 hz, vga.

Регистрация движений глаз происходила в бинокулярном режимах с частотой 200 Гц. Съемка реального мира осуществлялась в разрешении 480 *p*.

Для определения фиксаций использовался алгоритм, основанный на определении угловой скорости с дополнительным критерием скорости фиксаций. Точность определения координат 0.60 градуса; точность определения взора 0.08 градуса. Задержка камеры 4.5 мс. Задержка обработки в зависимости от центрального процессора > 3 мс.

Данные, полученные с помощью трехмерного обнаружения зрачка, обрабатывались и визуализировались в программе *Pupil Player*.

Технология трехмерного обнаружения зрачка предполагает покадровые измерения направления взгляда и размера зрачка, основанного на оценках положения глазного яблока в трехмерной системе координат, определенной записывающей камерой глаза "камерой для отслеживания взора" [8; 32].

В процессе калибровки ребенка просили посмотреть на ряд целевых (эталонных) точек в поле зрения сценовой камеры. Данные были первоначально откалиброваны до экспериментальной игровой сессии в системе оценки детектора зрачка (данные имеют достоверность более ~ 0.6). Калибровка была 5-точечная и осуществлялась на мониторе. Чтобы обеспечить постоянное качество отслеживания, данные были вручную откалиброваны, чтобы выявить ситуации, когда дети коснулись очков или быстро двигали головой.

Использовался софт *Pupil Capture*, *который позволяет* обрабатывать аудио и видео потоки, детектировать зрачок, определять направление взора, производить калибровку и находить маркеры, передавать данные по сети и сохранять результаты.

Программное обеспечение *Pupil Core* собирает эти контрольные точки и данные о положении зрачка во время калибровки. После этого он коррелирует их во времени и вычисляет функцию отображения, которая используется для оценки взгляда для будущих данных движения зрачка. Точность калибровки можно визуализировать с помощью *Accuracy Visualizer*. Плагин будет отображать разность между контрольными точками и соответствующими положениями взгляда, которые были записаны во время калибровки.

Объектив сценовой камеры был четко зафиксирован, чтобы не происходило изменения угловых размеров записываемого изображения. Искажение объектива компенсировалось в процессе преобразования данных из пространства изображения сцены в систему координат поверхности. Для этого интересующая поверхность размечалась специальными маркерами. Для построения тепловых карт и анализа фиксаций маркерами были выделены целевые объекты: лицо взрослого экспериментатора, игрушки.

На систему координат поверхности, отмеченную специальными маркерами, не влияет искажение объектива камеры сцены. Поверхности, отмеченные маркерами, рассматривались как области интереса, имели свою собственную локальную систему координат. Для каждого изображения сцены, которое включает в себя достаточное количество маркеров поверхности, программа вычисляла соответствующую функцию преобразования между камерой сцены и системой координат поверхности.

Детекторы фиксации *Pupil Core* реализуют метод, основанный на дисперсии. Это модифицированный вариант алгоритма "*Disppersion Threshold Identification"*, описанного в [26].

Pupil Core определяет фиксации как группы последовательных точек в пределах определенной дисперсии или максимального разделения. Поскольку фиксации обычно имеют продолжительность не менее 100 мс, методы идентификации, основанные на дисперсии, часто включают минимальный порог продолжительности 100–200 мс [26].

В *Pupil Capture* фиксации обнаруживаются на основе порогового значения дисперсии в градусах угла обзора с минимальной продолжительностью. Фиксации обнаруживаются, как только они соответствуют ограничениям (дисперсия

и продолжительность). Длина классифицированных фиксаций максимальна в пределах окна продолжительности, например, вместо создания двух последовательных фиксаций длительностью 300 мс, создается одна фиксация длиной 600 мс. Фиксации не перекрываются. Регистрировалось:

Максимальное рассеивание (пространственное, градус): максимальное расстояние между всеми точками взгляда во время фиксации.

Использованы параметры *PupilPlayer* максимальной и минимальной продолжительности фиксации по умолчанию от 290 до 1000 мс.

Для построения тепловых карт визуализировалост распределение точек взгляда на каждой поверхности. Цветовая кодировка поверхностей для визуализации количества времени, которое ребенок рассматривал каждую поверхность по сравнению с другими поверхностями. Тепловые карты помогали графически изобразить и выявить зоны интереса, в которые ребенок чаще и реже всего смотрел, где был фокус его внимания и какие элементы были им проигнорированы и замечены. Для анализа данных на график движения глаз накладывались цветовые пятна, указывающие на продолжительность времени рассматривания разных точек пространства. Чем теплее цвет, тем больше внимания было уделено этому элементу. Цвет соответствует длительности просмотра различных зон: синий цвет указывает на отсутствие фиксации взгляда, красный — на преимущественные фиксации. Также произведена визуализация пространственного перемещения направления взгляда (графики движения взгляда), при этом точки фиксации взгляда отображены в виде кругов.

Статистическая обработка данных производилась в статистической программе *SPSS*23.0

РЕЗУЛЬТАТЫ

Была сопоставлена продолжительность попыток угадывания у детей с типичным и атипичным развитием (табл. 1).

Данные о продолжительности испытания в 5 группах подверглись сравнению при помощи дисперсионного анализа. Во всех 5 группах подтверждены значимые различия продолжительности испытания ($F = 13.649$, $p = 0.0001$, критерий однородности дисперсий Левена, $p = 0.06$).

Предварительно данные исследования были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова (табл. 2). Переменные не имели значимых различий от параметров нормального распределения ($p > 0.05$), что

Таблица 1. Продолжительность попытки угадывания

Продолжительность попытки угадывания (в минутах)	Среднее	Стандартная ошибка	Минимум	Максимум
Типично развивающиеся дошкольники	5.21	1.74	3.71	7.40
Дошкольники с задержкой психического развития	7.95	4.17	4.80	11.80
Дошкольники с нарушением слуха	7.70	4.10	4.30	10.40
Дошкольники с нарушением речи	6.33	5.24	4.30	11.80
Дошкольники с нарушением зрения	6.51	2.36	4.90	8.90

Таблица 2. Оценка нормальности распределения показателей на основе одновыборочного критерия Колмогорова—Смирнова.

Переменные	Статистика критерия	*p* (2-сторонняя)
Продолжительность первой фиксации на нецелевые объекты	0.162	0.276[c]
Продолжительность первой фиксации на целевые объекты	0.155	0.165[c]
Продолжительность фиксаций на целевые объекты	0.089	0.219[c]
Продолжительность фиксаций на нецелевые	0.084	0.088[c]
Общая продолжительность фиксаций	0.091	0.115[c]
Общее кол-во фиксаций	0.097	0.097[c]
Кол-во фиксаций на лице	0.091	0.216[c]
Продолжительность фиксации на лице	0.107	0.102[c]
Кол-во фиксаций на игрушках	0.229	0.080[c]
Продолжительность фиксаций на игрушках	0.255	0.106[c]
Время до первой фиксации	0.281	0.245[c]
Продолжительность фиксаций < 300 мс	0.247	0.100[c]
Продолжительность фиксаций длительностью 300–500 мс	0.123	0.620[c]
Продолжительность фиксаций > 500 мс	0.083	0.238[c]
Ошибки	0.091	0.071

позволило применять параметрические методы статистического анализа данных. Все перечисленные в табл. 2 показатели агрегировались до уровня отдельного участника исследования.

Для анализа контрастных групп был применен однофакторный дисперсионный анализ. В качестве независимой переменной использована группирующая переменная, разделяющая детей на 5 контрастных групп, в качестве независимой переменной использованы зафиксированные переменные их окуломоторной активности.

Был произведен анализ различий контрастных групп по количеству фиксаций в выделенных зонах и числу ошибок при угадывании.

У дошкольников с задержкой психического развития, дошкольников с нарушением слуха и нарушением речи увеличивается общее количество фиксаций в эпизодах совместного внимания. Однако у группы детей с нарушением зрения общее количество фиксаций ниже, чем у типично развивающихся детей (табл. 4).

Были выявлены значимые различия в точности выбора дошкольниками контрастных групп целевого объекта (одной из игрушек). Как показатель точности использовалось количество правильных ответов ребенка при указании игрушки, которую выбрал взрослый. Дошкольники с атипичным развитием статистически достоверно реже правильно определяют целевую игрушку. У дошкольников с задержкой психического развития выявлены самые низкие показатели правильных попыток (см. табл. 4).

Сравнивалась суммарная продолжительность фиксации для конкретных зон интереса. Общая продолжительность фиксации была рассчитана в процентах от общего времени эпизода совместного внимания. Общая продолжительность фиксации проанализирована как продолжительность фиксации для этой зоны интереса по отношению к совокупной продолжительности фиксаций и произведено сравнение продолжительности фиксаций в каждой зоне у 5 контрастных групп (табл. 5).

Данные, представленные в табл. 5, указывают на то, что у дошкольников с атипичными формами развития отличается предпочтение зон интереса в эпизодах совместного внимания. В отличие от типично развивающихся детей дошкольники с нарушением психического развития и речи реже фиксируют взгляд на лице взрослого.

Также обнаружены различия в продолжительности времени фиксаций (в мс).

Таблица 3. Характеристики фиксаций, вычисленные в ходе дисперсионного анализа

Переменные		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат
Продолжительность первой фиксации на нецелевые объекты	Между группами	0.69	4.00	0.17
	Внутри групп	6.07	85.00	0.07
	Всего	6.76	89.00	
Продолжительность фиксаций на целевые объекты	Между группами	1031.36	4.00	257.84
	Внутри групп	10146.30	85.00	119.37
	Всего	11177.66	89.00	
Продолжительность фиксаций на нецелевые объекты	Между группами	3399.87	4.00	849.97
	Внутри групп	12689.34	85.00	149.29
	Всего	16089.20	89.00	
Общая продолжительность фиксаций	Между группами	2107.80	4.00	526.95
	Внутри групп	17587.12	85.00	206.91
	Всего	19694.92	89.00	
Общее кол-во фиксаций	Между группами	6190.13	4.00	1547.53
	Внутри групп	23493.03	85.00	276.39
	Всего	29683.16	89.00	
Кол-во фиксаций на лице	Между группами	1580.07	4.00	395.02
	Внутри групп	12603.75	85.00	148.28
	Всего	14183.82	89.00	
Продолжительность фиксации на лице	Между группами	952.89	4.00	238.22
	Внутри групп	8842.69	85.00	104.03
	Всего	9795.58	89.00	
Продолжительность фиксаций длительностью 300–500 мс	Между группами	1571.81	4.00	392.95
	Внутри групп	8666.01	85.00	101.95
	Всего	10237.82	89.00	

Таблица 4. Различия контрастных групп по количеству фиксаций в выделенных зонах и среднему числу ошибок

	Типично развивающиеся дошкольники	Дошкольники с задержкой психического развития	Дошкольники с нарушением слуха	Дошкольники с нарушением речи	Дошкольники с нарушением зрения
Общее количество фиксаций (ст. откл.) ($F = 6.081$, $p = 0.0001$)	51.1±1.8	75.52±4.1	71.1±3.97	59.2±4.4	54.4±3.2
Количество фиксаций на лице (ст. откл.) ($F = 2.767$, $p = 0.032$)	16.7±2.3	14.43±2.4	19.2±2.2	11.1±2.7	23.0±3.3
Количество фиксаций продолжительностью 300–500 мс (ст. откл.) ($F = 3.884$, $p = 0.006$)	15.2±1.2	28.8±2.4	25.6±2.6	21.5±2.8	19.6±1.6
Среднее число правильных попыток определения направления взгляда взрослого (ст. откл.) в 5 попытках ($F = 11.808$, $p = 0.0001$).	4.8±0.08	2±0.4	4.2±0.2	4.2±0.3	4.1±0.3

Таблица 5. Относительное время рассматривания в процентах для конкретных зон интереса

	Типично развивающиеся дошкольники	Дошкольники с задержкой психического развития	Дошкольники с нарушением слуха	Дошкольники с нарушением речи	Дошкольники с нарушением зрения
Относительное количество фиксаций на лице ($F = 4.422$, $p = 0.003$)	30.08	20.2	29.2	17.3	40.2
Относительное время продолжительности фиксаций на целевых объектах ($F = 3.937$, $p = 0.005$)	38.1	29.9	40.5	23.98	47.9
Относительное время продолжительности фиксаций на нецелевые объекты ($F = 3.966$, $p = 0.005$)	61.8	70.0	59.4	76.0	51.9

Во всех группах детей дошкольного возраста с атипичным развитием увеличивается продолжительность времени первой фиксации на нецелевые объекты (табл. 6).

Данные, представленные в табл. 6, указывают на то, что у типично развивающихся детей наблюдалась максимальная продолжительность поддержания визуального внимания при взаимодействии со взрослым.

Специфику продолжительности фиксаций в эпизодах совместного внимания при атипичном развитии можно охарактеризовать следующим образом:

В группах детей с задержкой психического и речевого развития уменьшается время фиксаций на социальные сигналы (в первую очередь на лице взрослого) и увеличивается время фиксаций на нецелевых объектах.

У групп детей с нарушением отдельных сенсорных систем (слуха и зрения) более продолжительная фиксация на целевых объектах и на социальных сигналах (на лице взрослого).

Отдельно была поставлена задача визуализировать микропроцессы глазодвигательной активности механизма совместного внимания. Были построены тепловые карты для типично развивающихся дошкольников и дошкольников из разных клинических групп. Были зафиксированы стратегии визуального поиска (окуломоторной активности) у типично развивающихся детей (рис. 2).

Таблица 6. Продолжительность фиксаций в различных зонах интереса (в мс)

	Типично развивающиеся дошкольники	Дошкольники с задержкой психического развития	Дошкольники с нарушением слуха	Дошкольники с нарушением речи	Дошкольники с нарушением зрения
Продолжительность фиксаций на целевые объекты ($F = 7.424$, $p = 0.0001$)	5777.69±1376.91	601.57±52.42	740.62±32.60	601.04±62.99	666.35±42.84
Продолжительность фиксаций на нецелевые объекты ($F = 13.2$, $p = 0.0001$)	10497.02±1992.07	616.48±18.15	619.94±27.87	644.09±32.60	625.12±30.88
Общая продолжительность фиксаций ($F = 18.4$, $p = 0.0001$)	15929.21±2610.43	635.93±17.41	668.89±28.38	654.52±30.37	644.55±30.90
Продолжительность фиксации на лице ($F = 6.7$, $p = 0.0001$)	5065.88±1254.10	632.63±56.13	769.87±35.99	330.52±98.22	681.61±43.36
Продолжительность первой фиксации на нецелевых объектах ($F = 2.390$, $p = 0.05$)	587.35±42.38	693.53±62.66	561.53±56.51	660.40±72.07	616.58±59.08

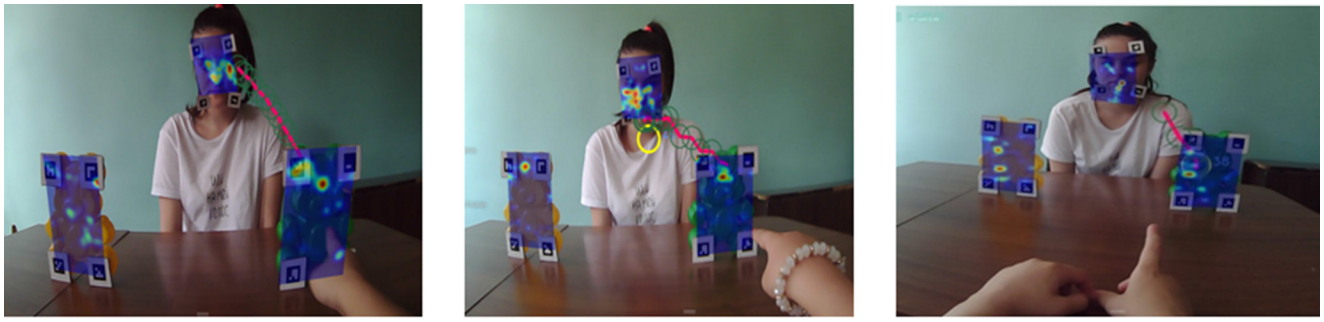


Рис. 2. Тепловые карты и графики движения глаз типично развивающихся дошкольников.

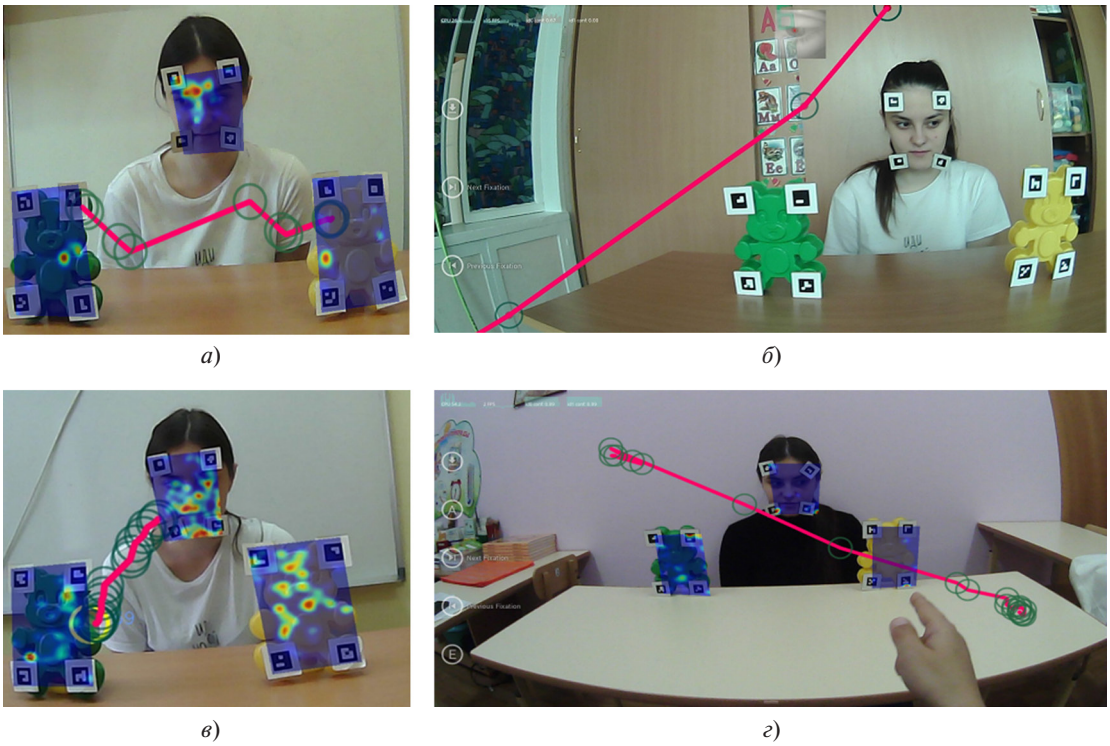
По тепловым картам окуломоторной активности и зон интереса типично развивающихся дошкольников можно видеть, что дошкольники распознают и используют направления взгляда взрослого для определения целевой игрушки, то есть направление взгляда для них выступает информативно значимым стимулом коммуникативного обмена. Тепловые карты типично развивающихся дошкольников демонстрируют точность фиксаций, сосредоточенность на зонах интереса. Типично развивающиеся дошкольники используют указательный жест для обозначения выбора целевой игрушки.

Были проанализированы типичные тепловые карты дошкольников с атипичным развитием (рис. 3).

У дошкольников с атипичными формами развития в окуломоторной активности наблюдается снижение 1) точности детекции направления движения глаз взрослого, 2) рассредоточенность зон интереса и фиксаций, 3) увеличение числа фиксаций.

На тепловых картах дошкольников из клинических групп как характерная особенность выделяется неверная корректировка маршрута движения глаз при первоначально точном слежении за траекторией движения глаз взрослого. То есть после смены направления взгляда взрослого дошкольникам с атипичными формами развития трудно вновь отследить изменившийся фокус внимания по взгляду взрослого. Зафиксированы трудности перекрестного, синхронного взгляда со взрослым. Дошкольники с атипичными формами развития используют стратегию угадывания методом “проб и ошибок” в определении целевой игрушки.

По позиционным данным выделенных областей интереса и по последовательности точек фиксации взора можно отметить, что у таких детей наблюдается преобладание холистической (фиксация на 1 элементе, например на носе) либо аналитической (фиксации распределенные: глаза, рот, лицо) стратегии.



а) *б*) *в*) *г*)

Рис. 3. Тепловые карты и графики движения глаз дошкольников с атипичными формами развития: *а*) нарушение слуха, *б*) нарушение зрения, *в*) задержка психического развития, *г*) задержка речевого развития.

У детей с атипичным развитием увеличивается количество скачков при перемещении взора, что указывает на более частую смену рецептивного поля и более частую необходимость возобновления произвольного контроля в целях поддержания фокуса совместного внимания, что скорее всего связано с несовпадением скорости движения глаза/положения глаза ребенка и смены направления взора партнера для определения целевого объекта.

У детей с атипичным развитием можно выделить маркеры нарушения реакции на зрительный контакт и деструкции процессов, участвующих в совместном внимании:

— атипичная направленность взора: трудности установления взаимного зрительного контакта, трудности следования за взором, фиксации на целевом объекте;

— специфика динамики оперативного поля: изменение зон интереса и зон поиска при дефиците совместного внимания; предпочтение нейтральных стимулов социальным стимулам;

— изменение длительности пути сканирования, пространственной плотности фиксаций (сужение/увеличение), регулярности сканирования (повторяемость), направления сканирования (стратегии поиска);

— специфические стратегия и маршрут сканирования информации о социальных сигналах.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование подтвердило возможность через анализ окуломоторной активности обнаружить специфические проявления дефицита совместного внимания при разных формах атипичного развития. Для анализа были выделены маркеры длительности и частоты фиксаций на целевых и нецелевых сигналах.

Новым с точки зрения методической процедуры в изучении совместного внимания стал категориальный анализ продолжительности времени фиксаций. Показано, что длительность времени фиксаций является решающим фактором для установления перекрестного, синхронного взгляда, объединения фокуса внимания и его мониторинга при взаимодействии ребенка со взрослым.

Определена специфика дефицита совместного внимания при атипичных формах развития детей:

— Увеличение времени фиксаций. Большую продолжительность фиксаций можно рассматривать как нетипичное сопротивление ребенка отвлечению от собственного фокуса внимания, вызванное необходимостью следить за взглядом взрослого.

— “Поглощенность” фокуса внимания дошкольников отдельными объектами. Увеличение числа фиксаций на нецелевых объектах как

некоторая семантическая пристрастность фокуса внимания. Снижение количества фиксаций, когда глаза сосредоточены на целевом объекте.

— Ментальная нагрузка. Ментальную нагрузку можно оценить по продолжительности фиксации. Характерно медленное обнаружение информационных признаков при выборе целевого объекта. Ментальная нагрузка проявляется и в количестве фиксаций: изначально дошкольники клинических групп осматривают обширную зрительную область прежде чем выделить информационные признаки, необходимые для обнаружения целевого объекта.

— Можно выделить преобладание холистической (фиксация на 1 элементе, например на носе) либо аналитической стратегии (распределенные фиксации: глаза, рот, лицо). У детей с атипичными формами развития преобладает рассредоточенность фиксаций, что скорее всего связано с трудностями целостного восприятия социальных сигналов и использования их как прогностических информационных признаков в коммуникации.

— Снижение точности выбора целевого объекта у дошкольников с разными формами атипичного развития. Число ошибок и низкая продуктивность отражает трудность определения социальной значимости сигналов (направления взгляда партнера). Дошкольники с атипичным развитием не игнорируют социальные сигналы, но они не используют их как информационную подсказку для поиска целевого объекта.

— У дошкольников с атипичными формами развития снижаются заметность (“узнаваемость”, распознавание) социальных сигналов (доля детей, заметивших социальный сигнал) и интерес к социальным сигналам (количество фиксаций, общая длительность фиксаций).

— Время фиксаций является мерой снижения зрительного внимания. У детей с атипичными формами развития меняются длительность сосредоточения взгляда на объекте' длительность рассматривания участков пространства, количество фиксаций. Также о специфике визуального внимания говорят различия в продолжительности фиксаций длительностью 300–500 мс, необходимых для поддержания постоянного внимания во взаимодействии со взрослым.

— Время первой фиксации указывает на время, затрачиваемое дошкольниками' чтобы рассмотреть конкретную зону интереса и может дать информацию о том, какие аспекты рассматриваемого объекта являются приоритетными. Время первой фиксации указывает на использование в обработке информации поиска, основанного на принципе снизу вверх, или поиска, ориентированного сверху вниз. У дошкольников клинических групп в обработке информации доминирует восходящее совместное внимание (*bottom-up joint attention*) — непроизвольное внимание, основанное на информации о перцептивных характеристиках стимулов, определяющих их заметность или необычность. При этом зафиксированы трудности нисходящего совместного внимания (*top-down joint attention*), основанного на выделении признаков контекста общения.

— Обнаружено снижение времени' которое дошкольники с атипичным развитием потратили на целевые зоны интереса, что можно рассматривать как снижение приоритета в обработке социальных сигналов и проявление трудности обработки социальной информации сверху вниз.

— Наблюдалась стратегия “пересмотра”. Число повторных посещений взглядом одних и тех же точек пространства дает информацию о том, какие области неоднократно привлекали ребенка, а какие были видны, но затем были “удалены” из визуального поля внимания. Дошкольники с атипичным развитием вторично осматривают менее важные элементы вместо более важных элементов (социальных сигналов).

Все эти изменения могут приводить к трудностям в обработке социальной информации и автоматической социальной реакции.

Универсальным в проявлении дефицита совместного внимания является атипичное следование за взглядом партнера, трудности распознавания и использования ориентирующего значения взгляда, изменение времени эпизодов совместного внимания.

Полученные результаты позволяют предположить, что у дошкольников с атипичными формами развития могут возникать трудности на нескольких уровнях: (а) на уровне настройки на наиболее заметную/релевантную область сенсорного поля (например, взрослого), (б) на уровне выбора для обработки социальных сигналов от взрослого и подавлении внимания к нерелевантным объектам в поле зрения; и (с) на уровне распределения внимания (например между глазами и ртом взрослого) таким образом, чтобы максимизировать извлечение информации.

В качестве возможного объяснения специфики совместного внимания у детей с атипичным развитием может выступить предположение об имеющихся у таких детей сложностях интеграции социальных сигналов, выделения релевантных признаков для формирования целевой репрезентации

социальных сигналов, понимания не только общего направления взора взрослого, но и его локализации на конкретном объекте.

Специфика дефицита совместного внимания у дошкольников с задержкой психического и речевого развития состоит в следующем: такие дети воспринимают информацию о поведении людей (взгляд, движение, мимика), но у них не сформирован механизм, который в дальнейшем позволяет интерпретировать смысл этой информации, интегрировать эти сигналы. Как следствие, наблюдаются трудности "мониторинга намерений" на основе направления взгляда. Наши выводы согласуются с идеей о том, что нарушение совместного внимания отражает сложность в оценке значения отдельных признаков взгляда (то есть того, что они говорят нам о намерениях других) [2; 27; 36].

При сенсорных нарушениях (слуха и зрения) характерным проявлением дефицита совместного внимания является снижение скорости и объема восприятия при детекции социальных сигналов. У детей с сенсорными нарушениями можно предположить менее выраженный дефицит совместного внимания, который проявляется в трудности отслеживания направления взгляда взрослого. У детей с когнитивными и речевыми нарушениями скорее возникают затруднения в интеграции взгляда или снижение понимания указательного значения и поведенческой релевантности взгляда взрослого. Детям с сенсорными нарушениями сложнее выделить, а детям с задержкой речевого и психического развития сложнее интерпретировать целевые социальные сигналы.

Даже если у детей с атипичными формами развития возникает рефлекторное следование за направлением взгляда взрослого, снижение спонтанного следования может возникнуть из-за трудности интерпретации указательного значения взгляда. Как следствие, дошкольникам с атипичными формами развития либо трудно учитывать, где нужно получить информацию для достижения целей социального взаимодействия (собственно нарушение детекции взгляда), либо, при верной детекции, снижается способность понимания указательного значения социальных сигналов (детекция намерений). Скорее всего, ребенку с атипичным развитием трудно прогнозировать, где окажется взгляд взрослого в следующий момент, чтобы успеть с ним синхронизироваться, ребенку чаще необходимо следить за действиями взрослого, поэтому ему нужно больше фиксаций.

При этом дети с сенсорными нарушениями (нарушением слуха или зрения), несмотря на то, что у них снижается точность фиксации объекта социального взаимодействия, чаще воспринимают и фиксируют социальные сигналы как целевой информативный признак. Можно предположить, что в ходе коррекционной работы с ними применяют дополнительные способы установления и поддержания контакта, используют специальные средства привлечения внимания детей к речи, к лицу говорящих взрослых и детей. У дошкольников с нарушением слуха или зрения в процессе обучения и воспитания совершенствуется дифференцированность зрительного восприятия лица, мимики, жестов, движений губ, артикулирования, что позволяет ребенку более успешно накапливать социальный опыт и компенсировать отставание в развитии восприятия.

Результаты исследования позволяют предположить, что дефицит совместного внимания может возникать как вторичное нарушение, обусловленное бедностью чувственного опыта вследствие зрительной и слуховой депривации, снижением скорости и объема восприятия, недостаточного запаса сенсорных эталонов, затруднением формирования полного, точного, детализированного образа восприятия.

Выявленные различия контрастных групп позволяют предположить, что дефицит совместного внимания будет более выражен при интеллектуальной недостаточности, при отставании в развитии отдельных компонентов психической деятельности, недоразвитии познавательной деятельности, осложненной недоразвитием речевой функции и при задержках развития речи. Можно предположить, что для становления совместного внимания необходима пороговая величина уровня интеллекта, то есть дефицитарность совместного внимания коррелирует с когнитивным нарушением.

ВЫВОДЫ

В нашем исследование проанализирована окуломоторная активность в эпизодах совместного внимания. Показано, что в режиме реального времени через анализ движения глаз можно выявить потенциальный предиктор нарушения развития.

1. На основе анализа динамики движений глаз выделены маркеры нарушения реакции на зрительный контакт и деструкции процессов, участвующих в совместном внимании:

— количество переключений и фиксаций,

— время фиксации на релевантном и не релевантном объектах,

— длительность пути сканирования,

— пространственная плотность фиксаций в зоне (сужение/увеличение).

2. Проанализированы особенности времени поиска в различных областях зрительного поля, зонах интереса, время начала фиксаций и продолжительность фиксаций на целевых объектах взаимодействия, что позволило выявить ключевые характеристики эпизодов совместного внимания:

— время, необходимое для достижения конкретного региона в зрительном поле и его осмотра,

— отношение длительности взгляда, направленного в ту или иную область зрительного поля, к общей продолжительности взгляда.

— предпочтение нейтральных стимулов социальным (по продолжительности фиксаций на них).

3. В качестве потенциальных механизмов атипичного совместного внимания можно выделить:

— атипичную направленность взора;

— изменения в динамике оперативного поля зрения: выделение зон интереса и зон поиска;

— длительность зрительного внимания к определенной зоне;

— точность фиксации элементов объекта.

Наши данные согласуются с потенциальными механизмами дефицита совместного внимания, ранее выделенными на выборке детей с аутизмом: (а) атипичное следование рефлексивного взгляда [16]; (б) сложность интеграции взгляда и аффекта [11]; и (в) снижение понимания информационной значимости направления взгляда как указание на направление фокуса внимания взрослого [2; 29].

Результаты исследования могут способствовать пониманию психофизиологических механизмов и маркеров дефицита совместного внимания, и могут быть использованы при разработке методов коррекции нарушений совместного внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
REFERENCES

1. *Adams R.B.*, *Kleck R.E.* Effects of direct and averted gaze on the perception of facially communicated emotion // Emotion. 2005. № 5. P. 3–11.
2. *Baron-Cohen S.* The extreme male brain theory of autism // Trends in Cognitive Sciences. 2002. № 6. P. 248–254.
3. *Bruinsma Y.*, *Koegel R.L.*, *Koegel L.K.* Joint attention and children with autism: a review of the literature // Ment Retard Dev Disabil Res Rev. 2004. № 10. P. 169–175.
4. *Carpenter M.*, *Nagell K.*, *Tomasello M.* Social cognition, joint attention, and communicative competence from 9 to 15-months of age // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1998. P. 1–63.
5. *Charman T.*, *Swettenham J.*, *Baron-Cohen S.*, *Baird G.*, *Cox A.*, *Drew A.* Testing joint attention, imitation, and play as infancy precursors to language and theory of mind // Cognitive Development. 2001. № 15. P. 481–498.
6. *Charwarska K.*, *Klin A.*, *Volkmar F.* Automatic attention cuing through eye movement in 2-year-old-children with autism // Child Development. 2003. № 74. P. 1108–1122.
7. *Dawson G.*, *Jones E.J.*, *Merkle K.* Early behavioral intervention is associated with normalized brain activity in young children with autism // Am Acad Child Adolesc Psychiatry. 2012. № 51(11). P. 1150–1159.
8. *Dierkes K.*, *Kassner M.*, *Bulling A.* A novel approach to single camera, glint-free 3D eye model tting including corneal refraction. Proceedings of the 2018 // ETRA'18: Proceedings of the 2018 ACM Symposium on Eye Tracking Research & Applications. 2018. № 9. P. 1–9.
9. *Elsabbagha M.*, *Johnsonb M.H.* Autism and the social Brain: the first-year puzzle // Biol Psychiatry. 2016. № 80 (2). P. 94–99.
10. *Falck-Ytter T.*, *von Hofsten C.* How special is social looking in ASD: a review // Prog Brain Res. 2011. № 189. P. 209–222.
11. *Gillespie-Lynch K.*, *Elias R.*, *Escudero P.*, *Hutman T.*, *Johnson S.P.* Atypical gaze following in autism: a comparison of three potential mechanisms // Autism Dev Disord. 2013. № 43. P. 2779–2792.
12. *Grossmann T.*, *Johnson M.* The development of the social brain in human infancy // The European journal of neuroscience. 2007. № 25. P. 909–919.
13. *Guillon Q.*, *Hadjikhani N.*, *Baduel S.*, *Rogé B.* Visual social attention in autism spectrum disorder: Insights from eye tracking studies // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2014. № 42. P. 279–297.
14. *Henderson J.M.*, *Williams C.C.*, *Falk R.J.* Eye movements are functional during face learning // Mem. Cognit. 2005. № 33. P. 98–106.
15. *Jermann P.*, *Nüssli M.-A.*, *Li W.* Using dual eye-tracking to unveil coordination and expertise in collaborative Tetris // In T. McEwan, L.M. McKinnon, Proceedings of the 24th BCS Interaction Specialist Group Conference. 2010. P. 36–44.
16. *Johnson L.*, *Sullivan B.*, *Hayhoe M.*, *Ballard D.* Predicting human visuomotor behaviour in a driving task. Philosophical Transactions of the Royal Society // Biological Sciences. 2014. № 369 (1636). P. 20130044.
17. *Klin A.*, *Jones W.*, *Schultz R.*, *Volkmar F.*, *Cohen D.* Visual fixation patterns during viewing of naturalistic social situations as predictors of social competence in

individuals with autism // Arch Gen Psychiatry. 2002. № 59 (9). P. 809–816.

18. *Morales M.*, *Mundy P.*, *Crowson M.*, *Neal R.*, *Delgado C.* Individual differences in infant attention skills, joint attention, and emotion regulation behavior // International Journal of Behavioral Development. 2005. № 29. P. 259–263.
19. *Mundy P.* A Review of joint attention and social — cognitive brain systems in typical development and autism spectrum disorder // European Journal of Neuroscience. 2018. № 47 (6). P. 497–514.
20. *Navab A.*, *Gillespie-Lynch K.*, *Johnson S.P.*, *Sigman M.*, *Hutman T.* Eye-tracking as a measure of responsiveness to joint attention in infants at risk for autism // Infancy. 2012. № 17 (4). P. 416–431.
21. *Ozonoff S.* Components of executive function in autism and other disorders / Autism as an executive disorder (ed.) J. Russell // Oxford: Oxford University Press. 1997. P. 179–211.
22. *Pierce K.*, *Conant D.*, *Hazin R.*, *Stoner R.*, *Desmond J.* Preference for geometric patterns early in life as a risk factor for autism // Arch Gen Psychiatry. 2011. № 68 (1). P. 101–109.
23. *Presmanes A.G.*, *Walden T.A.*, *Stone W.L.*, *Yoder P.J.* Effects of different attentional cues on responding to joint attention in younger siblings of children with autism spectrum disorders // Autism Dev Disord. 2007. № 37. P. 133–144.
24. *Richardson D.C.*, *Dale R.*, *Kirkham N.Z.* The art of conversation is coordination // Psychological Science. 2007. № 18 (5). P. 407–413.
25. *Ruffman T.*, *Garnham W.*, *Rideout P.* Social understanding in autism: eye gaze as a measure of core insights // Child Psychol Psychiatry. 2001. № 42 (8). P. 1083–1094.
26. *Salvucci D.D.*, *Goldberg J.H.* Identifying fixations and saccades in eye-tracking protocols // Proceedings of the 2000 symposium on Eye tracking research & applications (ETRA'00). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. 2000. P. 71–78.
27. *Senju A.*, *Csibra G.* Gaze following in human infants depends on communicative signals // Curr Biol. 2008. № 18 (9). P. 668–671.
28. *Sheinkopf S.*, *Mundy P.*, *Claussen A.*, *Willoughby J.* Infant joint attention skill and preschool behavioral outcomes in at-risk children // Development and Psychopathology. 2004. № 16. P. 273–293.
29. *Shic F.*, *Bradshaw J.*, *Klin A.*, *Scassellati B.*, *Chawarska K.* Limited activity monitoring in toddlers with autism spectrum disorder // Brain Res. 2011. № 1380. P. 246–254.
30. *Sigman M.*, *Ruskin E.* Continuity and change in the social competence of children with autism, Down syndrome, and developmental delays // Monogr Soc Res Child Dev. 1999. № 64 (1). P. 100–114.
31. *Smith L.*, *Ulvund L.* The role of joint attention in later development among preterm children: Linkages between early and middle childhood // Social Development. 2003. № 1. P. 222–234.
32. *Swirski L.*, *Dodgson N.A.* A fully-automatic, temporal approach to single camera, Glint-Free 3D Eye Model Fitting // Proceedings of ECEM 2013. 2013. P. 1–10.
33. *Tomasello M.* A Natural History of Human Morality. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2016.
34. *von Hofsten C.* Action, the Foundation for Cognitive Development // Scandinavian Journal of Psychology. 2009. № 51. P. 1–7.
35. *Weigelt S.*, *Koldewyn K.*, *Kanwisher N.* Face identity recognition in autism spectrum disorders: a review of behavioral studies // Neurosci Biobehav Rev. 2012. № 36 (3). P. 1060–1084.
36. *Yoder P.*, *Symons F.J.* Observational Measurement of Behavior. New York: Springer. 2010.
37. *Yu C.*, *Smith L.B.* Hand–eye coordination predicts joint attention // Child Development. 2017. № 88 (6). P. 2060–2078.

EYE-TRACKING STUDY OF JOINT ATTENTION DEFICITS IN PRE-SCHOOL AGE[2]

Ya. K. Smirnova

Altai State University;
656049, *Barnaul*, *Lenina av. 61*, *Russia*.
PhD (*Psychology*), *Associate Professor in the Department of General and Applied Psychology*.
E-mail: *yana.smirnova@mail.ru*

Received 06.03.2020

[2] The results of the research were funded by the Presidential grant MK-307.2020.6 "Eye-tracking study of social attention coordination disorders in pre-school age".

Abstract. The article investigates joint attention deficits in various forms of atypical development using eye movement recording. Preschoolers aged 5–7 years from different clinical groups participated in the study: typically developing (n = 20), with mental retardation (ICD-10 class F83) (n = 20), preschoolers with delayed speech development (ICD-10 class R47) (n = 20), with hearing impairment (sensorineural hearing loss, ICD-10 class H90) (n = 10) and with visual impairment (amblyopia and strabismus, IBC-10 class H53) (n = 20). Contrasting group analyses allowed us to identify both specific and universal manifestations of joint attention deficit symptoms in the different forms of atypical development. Gaze tracking was used to analyze fixation duration and frequency, fixation distribution, areas of interest, and to identify markers of joint attention deficits that interfere with the child's productive interaction with an adult. Potential mechanisms of atypical joint attention are described, including atypical direction of gaze, changes in the dynamics of the operative visual field, duration of visual concentration, and accuracy in fixing the object's elements. It is shown that fixation time in joint attention episodes can be regarded as a prognostic marker of joint attention disorders: joint attention is associated not only with spatial characteristics of areas of interest, but also with fixation duration on the object (decrease/increase in fixation duration).

Keywords: joint attention, divided attention, eye movements, preschool age, atypical development, eye-tracker.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 60–69

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.9:331

СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОФИЦЕРОВ ВОЕННОГО ВУЗА КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

© 2021 г. С. В. Михайлова[1,*], В. С. Красник[2,]**

[1]Филиал ВУНЦ ВВС "Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина";
454015, г. Челябинск, Городок-11, д. 1, Россия.
[2]Челябинский государственный университет;
454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Россия.
[*]Магистр психологии, младший научный сотрудник.
E-mail: Kitchenko27@mail.ru
[**]Кандидат психологических наук, доцент.
E-mail: Krasnikvadim@rambler.ru

Поступила 29.10.2018

Аннотация. Представлены результаты исследования субъектно-личностных характеристик офицеров военного вуза (далее офицеры) как предикторов эмоционального выгорания. Обследовано 73 офицера (мужчины) в возрасте от 23 до 51 года. Выявлены отрицательные взаимосвязи между фазами эмоционального выгорания и субъектными (когнитивным, волевым, эмоциональным контролем, поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом) и личностными (осмысленностью жизни, моральной нормативностью) характеристиками у офицеров. Отдельные компоненты субъектно-личностных характеристик находятся в тесной взаимосвязи, что свидетельствует о том, что мы имеем дело со сложной системной организацией. Отмечены достоверные различия у офицеров с разным родом деятельности по показателям субъектно-личностных характеристик. Существуют специфические взаимосвязи между субъектно-личностными характеристиками и фазами эмоционального выгорания в зависимости от рода служебной деятельности.

Ключевые слова: системно-субъектный подход, эмоциональное выгорание, субъектно-личностные характеристики, офицеры, военный вуз.

DOI: 10.31857/S020595920017742-2

Служба в Вооруженных силах носит напряженный характер. Во-первых, на офицера возложена повышенная ответственность за курсантов, будущих защитников страны. Во-вторых, его профессиональную деятельность сопровождают продолжительные психические и физические нагрузки. В-третьих, при необходимости он должен участвовать в экстремальных условиях. Вышеперечисленные и другие условия службы офицера могут привести к развитию синдрома эмоционального выгорания. Синдром негативно влияет на психологическое, физическое и эмоциональное состояние профессионала. Данный феномен, в крайнем случае, приводит к эмоциональному истощению, что значительно сказывается на качестве деятельности личности [1].

В нашей работе при исследовании эмоционального выгорания мы опираемся на позиции В.В. Бойко. По его мнению, "эмоциональное выгорание" выступает в качестве механизма психологической защиты, проявляется в полном или частичном выключении эмоции в ответ на регулярно действующие психотравмирующие воздействия. Синдром представляет собой динамический процесс и проходит ряд стадий, аналогичных этапам развития стресса. Эмоциональное выгорание состоит из трех фаз, в которых содержатся по четыре симптома нарастающего синдрома [1, с. 49; 5].

Для того чтобы противостоять негативным воздействиям служебной деятельности, которые способствуют возникновению эмоционального выгорания, офицерам необходимо обладать развитыми субъектно-личностными характеристиками, а именно: контролем поведения, коммуникативным

потенциалом, смысложизненными ориентациями, моральной нормативностью.

Из-за высокой интенсивности деятельности, риска, уставного порядка взаимодействия и других условий службы у офицеров должен быть развит контроль поведения (эмоциональный, волевой, когнитивный). Также требуется высокий уровень коммуникативного потенциала, так как успешность служебной деятельности зависит от взаимодействия с подчинёнными, сослуживцами, руководством [5, с. 180; 13].

Военная профессия определяет основную цель жизни — служение Родине, поэтому стержневой характеристикой офицера являются смысложизненные ориентации, его ценности [8]. Если военнослужащий готов ставить интересы государства выше своих, увлечен своим делом, то он будет ощущать полноту, гармоничность и осмысленность жизни.

В связи с регламентированной деятельностью офицер должен обладать высокой моральной нормативностью. Моральная нормативность отражает ориентацию офицера на общепринятые нормы поведения в обществе в целом и на службе [8–9].

Таким образом, офицер будет менее подвержен внешним факторам, если он обладает развитыми субъектными (эмоциональным, когнитивным, волевым контролем поведения, коммуникативным потенциалом) и личностными характеристиками (смысложизненными ориентациями, моральной нормативностью).

Кроме общих стрессогенных факторов службы, на офицеров оказывают влияние специфические условия, связанные с их должностными обязанностями. Основными отличиями между офицерами курсового звена и офицерами, организующими служебный процесс, являются качественные и количественные аспекты взаимодействия с курсантами. Задача первой группы военнослужащих — психолого-педагогическое сопровождение курсантов. Им необходимо ежедневно находить индивидуальный подход к большому количеству подчиненных, помогать справляться с их проблемами, управлять групповой динамикой военного коллектива. В условияхнепосредственного контакта с подопечными у офицера курсового звена может возникнуть эмоциональное выгорание.

Вторая категория военнослужащих в меньшей степени взаимодействует с курсантами, их основной задачей является введение документации.Выполнение монотонной и рутинной работы, дефицит общения могут привести к истощению ресурсов.

В связи с основным отличием в функциональных обязанностях у офицеров двух групп эмоциональное выгорание будет по-разному воздействовать на субъектно-личностные особенности.

Все вышеперечисленные особенности службы офицера могут повлиять на развитие эмоционального выгорания. При этом внешние факторы будут являться лишь предпосылками возникновения синдрома. Внутренние факторы, к которым относятся субъектно-личностные характеристики, обеспечивают “иммунитет” у офицеров к вредоносным воздействиям условий и содержания профессиональной деятельности.

Теоретической базой изучения синдрома эмоционального выгорания выступают как работы отечественных ученых: В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, В.Е. Орла, П.В. Румянцевой, Е.С. Старченковой и других, так и зарубежных: Е. Аронсона, Дж. Гринберга, С. Джексона, М. Лейтера, К. Маслач, А.М. Пайнс, Х. Фрейденберга и других.

На основе зарубежных и отечественных исследований выделяют факторные (однофакторная модель А.М. Пайнса и Е. Аронсона, двухфакторная модель Д. Дирендонк, Х. Сиксма, В. Шауфели, трехфакторная модель К. Маслач и С. Джексон и др.) и процессуальные модели синдрома (динамическая модель Б. Перлман и Е.А. Хартман, модель В.В. Бойко и др.) [1; 20–23].В нашей работе мы будем опираться на процессуальную модель синдрома по В.В. Бойко.

Теоретической основой изучения субъектно-личностных характеристик являются труды Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, С.Л. Рубинштейна, Е.А. Сергиенко и других.

Методологической основой нашего эмпирического исследования выступает системно-субъектный подход Е.А Сергиенко, который объединяет субъектно-деятельностный (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн) и системный (Б.Ф. Ломов) подходы. При анализе соотношения понятий “субъект” и “личность” выделяются функции категории субъекта, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Это когнитивная, регулятивная и коммуникативная функции. По отношению к категории “субъект”, когнитивной функцией является понимание, коммуникативной функцией — субъект-субъектные и субъект-объектные взаимодействия и регулятивной функцией — ментальный конструкт “контроль поведения” [16; 17, с. 8].

Категория “личность” является стержневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность

задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект [7; 13, с. 43; 16, с. 11; 17, с. 8].

Цель нашего исследования: выявление взаимосвязи между эмоциональным выгоранием и субъектно-личностными характеристиками у офицеров.

Гипотеза исследования: субъектно-личностные характеристики офицеров являются предикторами их эмоционального выгорания. Психологическая зрелость определяется согласованностью между компонентами субъектных и личностных характеристик, внутри субъектных и личностных характеристик, что повышает возможности быть автором собственного поведения и деятельности, а, следовательно, противостоять воздействиям стрессогенных факторов службы и проявлению эмоционального выгорания.

МЕТОДИКА

В тестировании приняли участие 73 человека (мужчины от 23 до 51 года, средний возраст 34 года), являющиеся офицерами военного вуза. Все испытуемые имели высшее профессиональное образование.Выборка формировалась по характеру функциональных обязанностей. Первую группу составили офицеры курсового звена (45 офицеров), вторую — офицеры, организующие служебный процесс военного вуза (28 военнослужащих: начальники лабораторий, учебно-методического отдела, материально-технического отдела, строевого отдела, отдела кадров).

В табл. 1 отражены методики, которые использованы в исследовании.

Для выявления взаимосвязей между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными характеристиками офицеров применялся коэффициент Спирмена. С помощью критерия различия *U*-Манна—Уитни осуществлено сравнение переменных в разных группах. Использована

Таблица 1. Методики, применяемые для изучения переменных в исследовании

Методики	Переменные	
Эмоциональное выгорание		
“Диагностика уровня эмоционального выгорания” В.В. Бойко [1]	Фаза “Напряжение”	
	Фаза “Резистенция”	
	Фаза “Истощение”	
Субъектные характеристики		
Контроль поведения	Волевой компонент	
	Опросник волевого самоконтроля А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана (“ВСК”) [3]	Общий уровень волевого самоконтроля
	Когнитивный компонент	
	Опросник “Стиль саморегуляции поведения” В.И. Моросановой [11]	Общий уровень саморегуляции
	Эмоциональный компонент	
	Опросник “эмоциональный интеллект” (Н. Холл) [18]	Интегративный уровень эмоционального интеллекта
Личностные характеристики		
Смысложизненные ориентации	Тест “Смысложизненные ориентации” Д.А. Леонтьева [7]	Осмысленность жизни
Личностные и субъектные характеристики		
Многоуровневый личностный опросник (МЛО) “Адаптивность-200” [8]	Субъектные	Поведенческая регуляция
		Коммуникативный потенциал
	Личностные	Моральная нормативность

компьютерная программа SPSS20для проведения статистической обработки данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Мы изучили взаимосвязи фаз эмоционального выгорания и субъектно-личностных характеристик у офицеров и получили следующие результаты:

1. Выявлены обратные корреляционные связи между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными особенностями:

а) чем сильнее выражены фазы “Напряжение” и “Резистенция”, тем ниже уровни волевого самоконтроля, эмоционального интеллекта, поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала, моральной нормативности и осмысленности жизни;

б) чем выше фаза “Истощение”, тем слабее выражены когнитивный контроль, поведенческая регуляция, коммуникативный потенциал и моральная нормативность.

Первые 2 фазы эмоционального выгорания имеют корреляционные связи со всеми выделенными субъектно-личностными характеристиками, за исключением взаимосвязи с когнитивным контролем. У фазы “Истощение” отсутствуют корреляционные связи с волевым и эмоциональным контролем, с осмысленностью жизни (табл. 2).

2. Положительно взаимосвязаны субъектные характеристики, а именно: когнитивный, эмоциональный, волевой самоконтроль и коммуникативный потенциал (рис. 1).

Это означает, что все компоненты контроля у офицеров согласованы и составляют единую регуляционную систему. Вместе с тем повышение способности устанавливать контакт и достигать взаимопонимания с окружающими, умение разрешать конфликты с подчиненными, сослуживцами и руководством повышает все субсистемы контроля, а именно способности к произвольной организации действий, волевых усилий, эмоциональный интеллект и интеллектуальный потенциал контроля.

Рис. 1. Положительные взаимосвязи между компонентами контроля и поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом. Толщина линии соответствует уровню достоверности: жирная сплошная линия — при значимости $p < 0.01$, тонкая сплошная линия — при значимости $p < 0.05$.

3. Обнаружены прямые корреляционные связи между личностными характеристиками: осмысленностью жизнью и моральной нормативностью ($r = 0.35$ при $p < 0.01$). Чем выше способность соблюдать уставной порядок взаимодействия, тем выше ощущение жизни, наполненной смыслом.

4. Существуют положительные взаимосвязи между субъектными и личностными характеристиками:

— между осмысленностью жизни и волевым контролем ($r = 0.34$ при $p < 0.01$), эмоциональным интеллектом ($r = 0.71$ при $p < 0.01$), поведенческой регуляцией ($r = 0.26$ при $p < 0.05$), коммуникативным потенциалом ($r = 0.34$ при $p < 0.01$).Для того чтобы офицеры были удовлетворены своей самореализацией, ощущали процесс жизни интересным и наполненным смыслом, стремились ставить цели в будущем, им необходимо прилагать волевое усилие, влиять на окружающих, контролировать негативные эмоции, быть оптимистичными, устойчивыми к перегрузкам, устанавливать контакт с окружающими на службе людьми.

— между моральной нормативностью и волевым контролем ($r = 0.37$ при $p < 0.01$). При повышении уровня волевого контроля у офицеров возрастает уровень социализации, способность соблюдать уставной порядок взаимодействия.

Когнитивный контроль не взаимосвязан с личностными особенностями офицеров.

Далее мы разделили выборку на две группы по роду деятельности: офицеры курсового звена и офицеры, организующие служебный процесс.

Таблица 2. Достоверные взаимосвязи между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными характеристиками у офицеров

Показатели	Волевой самоконтроль	Эмоциональный интеллект	Общий уровень саморегуляции	Поведенческая регуляция	Коммуникативный потенциал	Моральная нормативность	Осмысленность жизни
Напряжение	–0.42**	–0.25*	–0.14	–0.37**	–0.41**	–0.27*	–0.36**
Резистентность	–0.32**	–0.32**	–0.15	–0.43**	–0.48**	–0.38**	–0.42**
Истощение	–0.20	–0.12	–0.34**	–0.27*	–0.47**	–0.40**	–0.23

Примечание. * — при $p < 0.05$; ** — при $p < 0.01$.

Таблица 3. Результаты сравнения офицеров с разным родом деятельности по показателям субъектно-личностных характеристик

Показатели методик	Средние значения		*U*-Манна-Уитни	Уровень значимости	
	I группа	II группа		*p*	*p*
Эмоциональный интеллект	7.6	6.5	454.5	.042	*
Поведенческая регуляция	7.8	6.9	425.5	.013	*
Осмысленность жизни	132.4	127.3	415	.014	*
Моральная нормативность	7.7	6.7	413.5	.010	**

Примечание. * — при $p < 0.05$; ** при — $p < 0.01$.

Выявлено, что у офицеров первой группы лучше развиты, чем у офицеров второй группы, следующие качества (см. табл. 3): моральная нормативность, поведенческая регуляция, эмоциональный интеллект, осмысленность жизни. У офицеровкурсового звенаболее выражены способность соблюдать уставной порядок взаимодействия, устойчивость к психическим и физическим нагрузкам, способность управлять собственными эмоциями, ощущение осмысленной жизни.

В зависимости от рода службы отмечены специфические взаимосвязи:

— *между субъектно-личностными характеристиками и фазами эмоционального выгорания*. У офицеров курсового звена выявлены обратные корреляционные связи между фазой “Напряжение” и волевым самоконтролем ($r = –0.55$ при $p < 0.01$), эмоциональным интеллектом ($r = –0.39$ при $p < 0.05$), коммуникативным потенциалом ($r = –0.41$ при $p < 0.01$), осмысленностью жизни ($r = –0.40$ при $p < 0.01$); фазой “Резистентность” и поведенческой регуляцией ($r = –0.33$ при $p < 0.05$), коммуникативным потенциалом ($r = –0.46$ при $p < 0.01$), осмысленностью жизни ($r = –0.31$ при $p < 0.05$), моральной нормативностью ($r = –0.31$ при $p < 0.05$); фазой “Истощение” и коммуникативным потенциалом ($r = –0.48$ при $p < 0.01$), моральной нормативностью ($r = –0.43$ при $p < 0.01$). То есть у офицеров первой группы фазы эмоционального выгорания имеют взаимосвязи со всеми субъектно-личностными характеристиками, кроме когнитивного контроля.

У офицеров второй группы отмечены отрицательные корреляционные связи между фазой “Напряжение” и поведенческой регуляцией ($r = –0.57$ при $p < 0.01$), коммуникативным потенциалом ($r = –0.41$ при $p < 0.01$); между фазой “Резистентность” и волевым контролем ($r = –0.48$ при $p < 0.01$), поведенческой регуляцией ($r = –0.53$ при $p < 0.01$), коммуникативным потенциалом ($r = –0.44$ при $p < 0.05$), осмысленностью жизни ($r = –0.48$ при $p < 0.05$), моральной нормативностью ($r = –0.40$ при $p < 0.05$); фазой “Истощение” и поведенческой регуляцией ($r = –0.38$ при $p < 0.05$), коммуникативным потенциалом ($r = –0.47$ при $p < 0.05$), моральной нормативностью ($r = –0.40$ при $p < 0.05$). У офицеров, организующих служебный процесс, не выявлены взаимосвязи только между фазами эмоционального выгорания и эмоциональным и когнитивным компонентами контроля.

У офицеров двух групп отсутствует взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и когнитивным контролем.

— *между компонентами субъектных и личностных характеристик*. У офицеров курсового звена отмечены положительные взаимосвязи между волевым контролем и осмысленностью жизни ($r = 0.41$ при $p < 0.01$), моральной нормативностью ($r = 0.43$ при $p < 0.01$); между осмысленностью жизни и эмоциональным интеллектом ($r = 0.74$ при $p < 0.01$), коммуникативным потенциалом ($r = 0.32$ при $p < 0.05$).При развитии способности управлять своими эмоциями, понимать и распознавать чувства курсантов, настойчивости и самообладания, умения находить индивидуальный подход к каждому человеку повышает уровень осмысленности жизни. Также у офицеровкурсового звена возрастает способность следовать уставу при повышении уровня настойчивости и самообладания.

У офицеров, организующих служебный процесс, выявлена положительная корреляционная связь только между эмоциональным интеллектом и осмысленностью жизни ($r = 0.58$ при $p < 0.01$). При возрастании способности понимать чувства подчиненных, контролировать свои эмоции повышается ощущение осмысленности жизнью.

— *внутри личностных и субъектных характеристик*. Выявлены прямые взаимосвязи между субъектными характеристиками: у офицеров первой группы между волевым самоконтролем и эмоциональным интеллектом ($r = 0.33$ при $p < 0.05$), поведенческой регуляцией ($r = 0.38$ при $p < 0.05$), коммуникативным потенциалом ($r = 0.40$ при $p < 0.01$). У офицеров второй группы отмечены прямые корреляционные связи между волевым самоконтролем и когнитивным контролем ($r = 0.55$ при $p < 0.01$), коммуникативным потенциалом ($r = 0.46$ при $p < 0.05$). У офицеров курсового звена для преодоления препятствий применяется контроль над

эмоциями, способность находить контакт с подчиненным, у офицеров со второй группы — осознанный контроль, переосмысление ситуаций и т.д.

Существуют положительные взаимосвязи между личностными особенностями только у офицеров курсового звена: между осмысленностью жизни и моральной нормативностью ($r = 0.29$ при $p < 0.05$). У офицеров первой группы, обладающих более высокой способностью следовать регламенту, повышается удовлетворенность самореализацией, эмоциональная насыщенность, целеустремленность и ответственность за свою жизнь.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате нашего исследования гипотеза подтвердилась: фазы эмоционального выгорания и субъектно-личностные характеристики отрицательно взаимосвязаны. При этом выявлено, что между субъектными и личностными характеристиками, внутри субъектных и личностных характеристик существуют прямые корреляционные связи. Согласованность между перечисленными компонентами говорит о психологической зрелости офицеров, что повышает их возможности противостоять воздействиям стрессовых факторов службы и снижает вероятность возникновения синдрома [16, с. 8].

Мы определили, что чем выше уровень смысложизненных ориентаций, моральной нормативности, всех компонентов контроля, коммуникативного потенциала, тем ниже выраженность эмоционального выгорания, и наоборот. Полученные данные согласуются с результатами других исследований, в которых доказаны отрицательные взаимосвязи между выгоранием и отдельными личностными и субъектными особенностями (эмоциональной саморегуляцией; смысложизненнымиориентациями; личностным адаптационным потенциалом; эмоциональным интеллектом, коммуникативными и моральными качествами), выгоранием и структурой факторов (метакогнитивными параметрами как совокупностью субъективных и личностных детерминант)[4; 6;14–15; 19;21–25].

Интерес представляет то, что у исследуемых возникновение фаз эмоционального выгорания коррелирует с разными субъектными и личностными характеристиками. Первые две фазы эмоционального выгорания имеют корреляционные связи со всеми выделенными субъектно-личностными характеристиками, кроме взаимосвязи с когнитивным контролем. У фазы “Истощение” отсутствуют корреляционные связи с волевым и эмоциональным контролем, с осмысленностью жизни. Это можно объяснить тем, что на первых двух стадиях эмоционального выгорания человек борется с воздействием стрессогенных факторов службы. Для этого офицерам необходимы умение контролировать собственное поведение и эмоции, применять усилие воли, способность находить контакт с подчиненными и сослуживцами, умение следовать регламенту службы, ощущать осмысленность жизни. На крайней фазе ощущается истощение ресурсов для борьбы со стрессом. Офицерам становится сложно адекватно оценивать и планировать результаты деятельности, принимать ответственные решения, подстраиваться под изменения условий на службе. Несмотря на стабильную цель в жизни — служить Родине, она не способна воздействовать на снижение эмоционального выгорания. Недостаток ресурсов не восполняется усилием воли и контролем эмоциональной сферы.

Мы обнаружили, что у офицеров находятся в тесной взаимосвязивсе составляющие контроля поведения, как и в исследовании Н.С. Павловой и Е.А. Сергиенко[13, с. 49]. Это способствует их эффективной регуляции поведения. Также мы выявили, что все компоненты контроля взаимодействуют с коммуникативным потенциалом. Коллективный характер деятельности, управленческие обязанности предполагают развитую способность быстро входить в военный коллектив, вырабатывать эффективную стратегию поведения.

В нашем исследовании отмечено, что личностные характеристики между собой положительно взаимосвязаны, а именно осмысленность жизни и моральная нормативность. Для офицеров важно соблюдать уставной порядок взаимодействия, поэтому их смысл жизни тесно взаимосвязан со способностью следовать регламенту службы.

Мы выявили, что у офицеров между субъектными и личностными характеристиками существуют тесные взаимосвязи. Но когнитивный контроль не коррелирует с личностными особенностями офицеров. В исследовании Н.С. Павловой и Е.А. Сергиенко также отмечены взаимосвязи между личностными и субъектными характеристиками у военных летчиков.В отличие от нашего исследования, в работе ученыхвыявлены наиболее тесные корреляции между когнитивным контролем и смысложизненными ориентациями [13, с. 52]. Это можно объяснить различием в условиях летной и наземной деятельности. Например, принятие ответственного решения для офицеров курсового звена и офицеров, организующих служебный процесс, и военных летчиков задается внешними

регламентированными правилами и приказом командира, что могло объяснить отсутствие взаимосвязи между когнитивным контролем и смысложизненными ориентациями. Но в летной деятельности у офицеров частота экстремальных ситуаций выше, а скорость принятия решения должна быть высокой. Соответственно повышение способности оценивать окружающую обстановку и на основе оценки быстро и гибко принимать решения в различных ситуацияхувеличивает опыт офицера летной деятельности, тем самым повышает осмысленность жизни.Данная закономерность подчеркивает, что специфика рода деятельности влияет на личность.

Так как у различных профессий могут быть специфические условия возникновения эмоционального выгорания, мы разделили выборку на две группы по роду деятельности и сравнили их результаты [10; 12; 21]. У офицеров курсового звена по сравнению с офицерами, организующими служебный процесс, лучше развиты:

1. Моральная нормативность. Это связано с тем, что офицеры первой группы должны в большей степени показывать собственный пример для курсантов.

2. Поведенческая регуляция. Офицеры второй группы имеют рутинную и монотонную работу, что, возможно, способствовало снижению устойчивости к воздействию стрессогенных факторов.

3. Эмоциональный интеллект. Для первой группы офицеров важно распознавать эмоции и состояние курсантов, уметь вести за собой, управлять своими эмоциями, так как их первостепенной задачей является воспитание будущих защитников страны.

4. Осмысленность жизни. Возможно, различия связаны с тем, что служба у офицеров курсового звена дает им возможность действовать не только по определенному алгоритму, но и использовать собственно выработанные способы воспитания курсантов. На пути их службы у данной категории офицеров встречаются и стандартные, и нестандартные задачи.

Проведен корреляционный анализ у офицеров двух групп между эмоциональным выгоранием и субъектно-личностными характеристиками. У офицеров, организующих служебный процесс, не выявлены взаимосвязи только между фазами эмоционального выгорания и эмоциональным и когнитивным компонентами контроля. Возможно, отсутствие корреляции со способностью понимать чужие эмоции связано с тем, что служба офицеров данной категории в основном носит технический характер, а не межличностный. У офицеров двух групп отсутствует взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и когнитивным контролем. Это можно объяснить тем, что деятельность офицеров регламентирована, на службе они достигают внешне заданные цели и задачи, действуют по алгоритму.

Отмечены положительные взаимосвязи между компонентами субъектных и личностных характеристик. На основе выявленных данных мы отметили, что способность управлять своими эмоциями, понимать и распознавать чувства курсантов, настойчивость и самообладание, умение находить индивидуальный подход к каждому человеку необходимы офицерам курсового звена для успешного психолого-педагогического сопровождения курсантов. При развитии данных характеристик у офицеров первой группы жизнь становится более осмысленной. Также отмечено, что офицерам необходимо демонстрировать соблюдение уставного порядка взаимодействия с помощью таких качеств, как самообладание и настойчивость. Это связано с тем, что поведение офицера первой группы является примером для курсантов. У офицеров, организующих служебный процесс, выявлена положительная взаимосвязь только между эмоциональным интеллектом и осмысленностью жизни. У офицеров второй группы также есть подчиненные, но в меньшем количестве, чем у второй. При возрастании способности понимать чувства подчиненных, контролировать свои эмоции повышается ощущение осмысленности жизни.

На основе выявленных корреляционных связей между субъектными характеристиками мы сделали следующие выводы: у офицеров курсового звена для преодоления препятствий применяется контроль над эмоциями, способность находить контакт с подчиненным, у офицеров со второй группы — осознанный контроль, переосмысление ситуаций и т.д. Так как перед офицерами курсового звена стоят задачи, связанные с человеческими отношениями, самообладание и настойчивость проявляется через контроль эмоций, понимание чувств курсантов, умение находить индивидуальный подход к подчиненному. У офицеров второй группы деятельность носит технический характер, они применяют усилие воли путем планирования, оценки ситуации и т.д.Обнаружены положительные взаимосвязи между личностными особенностями только у офицеров курсового звена. Для офицеров первой группы важно быть положительным примером для курсантов, поэтому их жизнь ощущается более осмысленной и наполненной, если повышается способность к соблюдению уставного порядка взаимодействия.

Итак, мы подтвердили, что субъектно-личностные характеристики офицеров выступают в качестве предикторов эмоционального выгорания. Отдельные компоненты субъектно-личностных характеристик находятся в тесной взаимосвязи. При этом связи отмечаются как между компонентами внутри каждого элемента системы (личность, субъект), так и между компонентами разных элементов системы, что определяет психологическую зрелость офицеров.Выявлены различия у офицеров с разным родом деятельности по некоторым субъектно-личностным качествам. Отмечена специфика взаимосвязей между субъектно-личностными характеристиками и эмоциональным выгоранием у офицеров с разным родом деятельности.

Теоретическая новизна исследования заключается в том, что впервые изучены взаимосвязи между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными характеристиками у офицеров. Особенности офицеров рассмотрены с точки зрения системно-субъектного подхода.

Практическое значение исследования состоит в том, что полученные данные можно использовать для профилактики эмоционального выгорания у офицеров в военном вузе, а также других служащих со схожими условиями деятельности.

В дальнейшей перспективе предполагается изучение особенностей взаимосвязей между эмоциональным выгоранием и субъектно-личностными характеристиками у офицеров военного вуза с разным стажем служебной деятельности. Также планируется разработка методических рекомендаций для профилактики эмоционального выгорания офицеров военного вуза.

ВЫВОДЫ

1. Выявлены обратные корреляционные связи между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными характеристиками офицеров. Фазы “Напряжение” и “Резистенция” имеют корреляционные связи со всеми выделенными субъектно-личностными характеристиками, за исключением взаимосвязи с когнитивным самоконтролем. У фазы “Истощение” отсутствуют корреляционные связи только с волевым и эмоциональным контролем, с осмысленностью жизни.

2. Между компонентами субъектных и личностных характеристик, внутри субъектных личностных характеристикотмечены тесные положительные взаимосвязи, что определяет психологическую зрелость офицеров.

3. У офицеров курсового звена лучше развиты моральная нормативность, поведенческая регуляция, эмоциональный интеллект, выше уровень осмысленности жизни, чем у офицеров, организующих служебный процессы.

4. У офицеров в зависимости от рода деятельности выявлены специфические взаимосвязи между фазами эмоционального выгорания и субъектно-личностными характеристиками, между субъектными и личностными компонентами и внутри.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бойко В.В.* Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2010. 416 с.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 299 с.
3. *Зверков А.Г., Эйдман Е.В.* Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 116–126.
4. *Карпов А.В.* Метакогнитивные детерминанты психического выгорания в профессиональной деятельности // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 322–337.
5. *Китченко С.В.* Взаимосвязь эмоционального выгорания и личностного адаптационного потенциала у офицеров-сотрудников в военном вузе // Вестник факультета психологии и педагогики: Выпуск 21 “Студент и научно-технический прогресс” / под общ. ред. С.А. Репина. Челябинск: Сити Принт, 2017. С. 175–182.
6. *Корехова М.В., Соловьев А.Г., Киров М.Ю.* Особенности синдрома профессионального выгорания у врачей анестезиологов-реаниматологов // Психологические исследования, 2018. Т. 11. № 61. С. 2. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 20.07.2021).
7. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 18 с.
8. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
9. *Маклаков А.Г.* Человек в экстремальных условиях деятельности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 4. С. 165–180.
10. *Минин Д.С.* Эмоционально-личностные предикторы психического выгорания адвокатов в различных видах судопроизводства: дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. 230 с.

11. *Моросанова В.И., Бондаренко* И.*Н.* Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.

12. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 330 с.

13. *Павлова Н.С., Сергиенко Е.А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.

14. *Польская Н.А., Мухаметзянова М.Н.* Особенности эмоциональной регуляции в связи со стрессом и выгоранием // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 10. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.06.2021).

15. *Пряжников Н.С., Ожогова Е.Г.* Эмоциональное выгорание и личностные деформации в психолого-педагогической деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 4. С. 33–43.

16. *Сергиенко Е.А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.

17. *Сергиенко Е.А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 5–18.

18. *Фетискин Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Саратов: Вузовское образование, 2018. 720 с.

19. *Alessandri G.*, *Perinelli E.*, *De Longis E.* Job burnout: The contribution of emotional stability and emotional self-efficacy beliefs // Journal Of Occupational and Organizational Psychology. 2018. V. 91 (4). P. 823–851.

20. *Dierendonck D.V., Schaufeli W.B., Sixma H.J.* Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory // Journal of social and clinical psychology. V. 13 (1). 1994. P. 86–100.

21. *Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P.* Maslach Burnout Inventory: Third edition / In C.P. Zalaquett, R.J. Wood (Eds.).Evaluating stress: A book of resources, 1997. P. 191–218.

22. *Perlman B., Hartman E.A.* "Burnout": summary and future and research // Journal of Human relations. 1982. V. 35. № 4. P. 283–305.

23. *Pines A., Aronson E.* Career burnout: causes and cures. New York, 1988. 321p.

24. *Zhao J.-L., Li X.-H., Shields J.* Managing job burnout: The effects of emotion-regulation ability, emotional labor, and positive and negative affect at work // International Journal of Stress Management, 2019. V. 26 (3). P. 315–320.

25. *Zysberg L.*, *Orenshtein C.*, *Gimmon E.* Emotional intelligence, stress, and burnout among educators // International Journal of Stress Management. 2017. V. 24 (1). P. 122–136.

THE SUBJECT-PERSONAL CHARACTERISTICS OF MILITARY UNIVERSITY OFFICERS AS PREDICTORS OF BURNOUT

S. V. Mikhailova[1,*], V. S. Krasnik[2,]**

[1]A branch of Military Training Scientific Center of Military Air Forces "Military Air Academy";
454015, Chelyabinsk, Town-11, 1, Russia.
[2]Chelyabinsk State University;
454001, Chelyabinsk, Bratiev Kashirinykh st., 129, Russia.
[*]Master of Psychology, junior research associate.
E-mail: Kitchenko27@mail.ru
[**]Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.
E-mail: Krasnikvadim@rambler.ru

Received 29.10.2018

A*bstract.*The results of the study of the subject-personal characteristics of military university officers (hereinafter officers) as predictors of burnout are represented. 73 officers (men) at the age of 23 to 51 years were examined. Negative relationships between phases of burnout and subjective (cognitive, volitional, emotional control, behavioral regulation, communicative potential) and personal (meaningfulness of life, moral normality) characteristics among officers have been revealed. Individual components of subject-personal characteristics are in close interrelation, which indicates that we are dealing with a complex system organization. There are significant differences among officers with various kinds of activity in terms of indicators of subject-personal

characteristics. There are specific interrelations between subject-personal characteristics and phases of burnout of officers, depending on the type of official activity.

Keywords: subjective-personal approach, burnout, subjective-personal characteristics, officers, military university.

REFERENCES

1. *Boiko V.V.* Psikhoenergetika. St. Petersburg: Piter, 2010. 416 p.
2. *Vodop'yanova N.E.*, *Starchenkova E.S.* Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika. 3-e izd., ispr. idop. Moscow: Yurayt, 2020. 299 p. (In Russian)
3. *Zverkov A.G., Eydman E.V.* Diagnostika volevogo kontrolya (oprosnik VSK). Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii. Moscow: Izd-vo MGU, 1990. P. 116–124.(In Russian)
4. *Karpov A.V.* Metakognitivnye determinant psikhicheskogo vygoraniya v provessinalnoy deyatel'nosti. Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 6 (42). P. 322–337. (In Russian)
5. *Kitchenko S.V.* Vzaimosvyaz' emotional'nogo vygoraniya ilichnostnogo adaptatsionnogo potentsiala u ofitserov-sotrudnikov v voyennom vuze. Vestnik fakul'teta psychologii i pedagogiki: Vypusk 21 "Student inauchnotekhnicheskiy progress". Ed. S.A. Repin. Chelyabinsk: Sity Print, 2017. P. 175–182. (In Russian)
6. *Korekhova M.V., Solov'ev A.G., Kirov M.Yu.* Osobennosti sindroma professional'nogo vygoraniya u vrakheyanesteziologov-reanimatologov. Psikhologicheskie issledovaniya. 2018. V. 11. № 61. P. 2. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 20.07.2021).(In Russian)
7. *Leont'ev D.A.* Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO). Moscow: Smysl, 2006. 18 p.(In Russian)
8. *Maklakov A.G.* Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: ego mobilizatsiya I prognozirovanie v ekstremal'nyk husloviyakh. Psikhologicheskii zhurnal. 2001. № 1. P. 16–24. (In Russian)
9. *Maklakov A.G.* Chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh deyatel'nosti.Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushina. 2020. № 4. P. 165–180. (In Russian)
10. *Minin D.S.* Emotional'no-lichostnye prediktory psikhicheskogo vygoraniya advokatov v razlichykh vidakh sudoproizvodstva: diss. ... kand. psikhol. nauk. Saint-Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2016. 230 p. (In Russian)
11. *Morosanova V.I., Bondarenko I.N.* Diagnostika samoregulyatsii cheloveka. Moscow: Kogito-tsentr, 2015. 304 p. (In Russian)
12. *Orel V.E.* Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti. Moscow: Institut psichologii RAN, 2005. 330 p. (In Russian)
13. *Pavlova N.S., Sergienko E.A.* Sub"ektnaya ilichostnaya regulyatsiya povedeniya kak proyavlenie individual'nosti cheloveka. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 2. P. 43–46. (In Russian)
14. *Pol'skaya N.A., Mukhametzyanova M.A.* Osobennosti emotsional'noy regulyatsii v svyazi so stressom i vygoraniem. Psykhologicheskie issledovaniya, 2018. V. 11. № 61. P. 10. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 25.06.2021).(In Russian)
15. *Pryazhnikov N.S., Ozhogov E.G.* Emotsional'noe vygoranie i lichnostnye deformatsii v psikhologo-pedagogicheskoi deyatel'nosti. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 14. (In Russian)
16. *Sergienko E.A.* Problema sootnosheniya ponyatiy sub"yekta i lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 2. P. 5–16.(In Russian)
17. *Sergienko E.A.* Realizatsia prinzhipa razvitiya v issledovaniyak hpsikhologii sub"yekta. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 2. P. 5–18.(In Russian)
18. *Fetiskin N.P.* Social'no-psichologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2018. 720 p.(In Russian)
19. *Alessandri G.*, *Perinelli E.*, *De Longis E.* Job burnout: The contribution of emotional stability and emotional self-efficacy beliefs. Journal Of Occupational and Organizational Psychology. 2018. V. 91 (4). P. 823–851.
20. *Dierendonck D.V., Schaufeli W.B., Sixma H.J.* Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory. Journal of social and clinical psychology. V. 13 (1). 1994. P. 86–100.
21. *Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P.* Maslach Burnout Inventory: Third edition / In C.P. Zalaquett& R.J. Wood (Eds.). Evaluating stress: A book of resources, 1997. P. 191–218.
22. *Perlman B., Hartman E.A.* "Burnout": summary and future and research. Journal of Human relations. 1982. V. 35. № 4. P. 283–305.
23. *Pines A., Aronson E.* Career burnout: causes and cures. New York, 1988. 321p.
24. *Zhao J.-L., Li X.-H., Shields J.* Managing job burnout: The effects of emotion-regulation ability, emotional labor, and positive and negative affect at work. International Journal of Stress Management. 2019. V. 26 (3). P. 315–320.
25. *Zysberg L.*, *Orenshtein C.*, *Gimmon E.* Emotional intelligence, stress, and burnout among educators. International Journal of Stress Management. 2017. V. 24 (1). P. 122–136.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 70–82

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:61

ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА[1]

© 2021 г. Н. Е. Харламенкова[1,*], О. С. Зайцев[2,], Д. А. Никитина[1,***], А. Н. Копосова[2,****]**

[1]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.
[2]НМИЦ Нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
125047, г. Москва, 4-я Тверская-Ямская ул., д. 16, Россия.
[*]Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора.
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com
[**]Доктор медицинских наук, профессор, врач-психиатр. E-mail: ozaitsev@nsi.ru
[***]Аспирантка. E-mail: d.a.nikitina@yandex.ru
[****]Врач-психиатр. E-mail: kormilicyna.anna@mail.ru

Поступила 05.12.2020

Аннотация. Проведено теоретико-эмпирическое исследование базисных убеждений и их связи с уровнем посттравматического стресса, личностными особенностями, представлениями о психологической безопасности у людей с тяжелым соматическим заболеванием. Базисные убеждения представлены как эмпирические маркеры переживания человеком экзистенциального опыта. На выборке людей с диагнозом "менингиома" (n = 60) проверены гипотезы об индивидуально-психологических различиях в отношении человека к себе и миру в условиях переживания тяжелого жизненного события. Доказано, что люди с позитивным отношением к себе и миру имеют высокие оценки по Шкале базисных убеждений (ШБУ) и таким субшкалам, как доброжелательность, справедливость, убеждение о контроле, Образ Я и убеждение в удаче. Показано, что позитивное отношение к себе и миру соотносится с определенной конфигурацией личностных черт по Фрайбургскому личностному опроснику, включая общительность, уравновешенность, маскулинность; представление о психологической безопасности соотносится субъектом с внутренними ресурсами (компетентностью, жизненным опытом, контролем и др.). Люди с негативным отношением к себе и миру, т.е. с низкими оценками по ШБУ, характеризуются такими личностными особенностями, как невротичность, депрессивность, застенчивость, эмоциональная лабильность; их представления о психологической безопасности соотносятся с потребностью в социальной поддержке. В группе со средними значениями по ШБУ личностный профиль практически идентичен профилю субъектов с низкими оценками по ШБУ, за исключением депрессивности и феминности; психологическая безопасность ассоциируется с внешними и внутренними ресурсами. Результаты исследования обсуждаются в контексте анализа проблемы экзистенциального опыта человека.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт; менингиома; базисные убеждения; позитивное отношение к миру и себе; негативное отношение к миру и себе; личностные особенности; посттравматический стресс; психологическая безопасность.

DOI: 10.31857/S020595920017739-8

Экзистенциальные вопросы, согласно Мартину Хайдеггеру, формулируются ученым-философом, методологом в том случае, когда возникает познавательная потребность в понимании сущности, "существа" человека: "Этот вопрос мы обычно ставим одинаково непродуманным образом и тогда, когда хотим знать, что такое человек, и тогда, когда задумываемся, кто он такой" [19, с. 200]. Несомненно, время от времени подобные размышления (стихийные и последовательные) бывают свойственны не только ученому; жизненные неурядицы и проблемы, различные испытания "извлекают" практически любого человека из потока повседневной жизни и нередко привносят в нее новые смыслы.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00324).

Случается, однако, и так, что смысл жизни утрачивается, теряется понимание того, как строить отношения с миром дальше, возникает безразличие, апатия, бессилие. Новый жизненный опыт невольно заставляет обращаться к вопросам Жизни и Смерти, Любви и Справедливости и др., сопоставимым с "экзистенциальными проблемами человека" [3]. Переживаемый экзистенциальный опыт приобретается субъектом благодаря переосмыслению и переоценке своей жизни и ее изменению, реализации экзистенциальных функций, которые "связаны с осознанным построением человеком своей личности, конструированием истории жизни" [4, с. 162].

Экзистенциальный опыт остро переживается в ситуациях, непосредственно связанных с угрозой жизни. Н.А. Бердяев писал, что в таких обстоятельствах возникает "древний страх", "страх-ужас", когда человек стоит перед бездной и "от страдания наталкивается на непреодолимую стену, за которой небытие, пустота, ничто" [1, с. 287]. В таких обстоятельствах возникает ощущение "раздвоенности между физикой и метафизикой нашего бытия и нашего небытия", а также ставшее очевидным понимание неразрывности связи между общим представлением о смертности (например, смерти другого человека) и представлением о *собственной* смерти [18]. В этих трагических обстоятельствах может показаться, что проблема смерти, вызывающая тревогу и отчаяние, не имеет удовлетворительного решения, по крайней мере, на уровне ее принятия в контексте индивидуального опыта. Однако, как это ни парадоксально звучит, "проблема смерти, проблема страха смерти и страха небытия" может быть пережита человеком, открыта ему не только в ее трагическом звучании. *Отношение к смерти* существенно меняется в зависимости от *отношения к своей жизни*, в зависимости от "наполнения нашего настоящего жизнью, наполнения настоящей жизни настоящей жизнью" [там же, с. 75].

Несмотря на то, что экзистенциальный опыт рассматривается через призму изменения внутреннего мира человека, его жизненных установок, смыслов, представлений о себе, подобные ситуации влияют и на систему отношений Я–Другой, Я–Человечество, Я–Мир, и требуют "от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия" [4, с. 165]. Обстоятельства вынуждают изменять жизненные ориентиры и установки, при этом не следует отрицать и того факта, что психологическое пространство во многом определяется самими субъектом, ведь "основа бытийности человека лежит в нем самом" [11, с. 444].

Экзистенциальный опыт с трудом поддается операционализации; его сложно представить в виде суммы конкретных показателей, характеристик, параметров. Использование феноменологического метода для изучения экзистенциального пространства человека, как писал Н.А. Бердяев, допустимо, но "экзистенции при этом исчезают, и происходит объективация, которая закрывает тайну жизни человека, мира и Бога" [1, с. 254]. Несмотря на строгость оценки данного метода, исследование переживания человеком трудных жизненных ситуаций и понимания природы его отношения к себе и миру оказывается проблематичным.

Попытки понять, что такое экзистенциальный опыт, и рассмотреть его особенности (например, по сравнению с жизненным опытом), определить его компоненты и формы, обсудить причины переживания такого опыта, предпринимаются представителями разных областей науки; доказывается, что непостижимость некоторых событий и ситуаций "не означает принципиальной невозможности понимания" [5, с. 133].

Принимая во внимание философско-психологические интерпретации экзистенциального опыта как переживания, которое "отражает контакт субъекта с миром и связано с обнаружением данностей существования, во многом трагических, с наполнением этих данностей формами творческого отношения к миру" [там же, с. 124], мы склонны (достаточно обобщенно) выделять в экзистенциальном опыте две составляющие: *отношение к себе* и *отношение к миру*. Заметим при этом, что отношение представлено не только эмоциональной (оценка), но и когнитивной (знание об объектах отношения) характеристиками [15]. В настоящей статье основное внимание предполагается уделить изучению когнитивных аспектов переживаемого человеком опыта, а именно анализу *убеждений*, которые "имеют отношение не только к конкретным жизненным ситуациям, но и к мировоззренческой личностно-смысловой позиции субъекта" [5, с. 168]. Операционализация экзистенциального опыта человека посредством изучения его убеждений, прежде всего базисных, допустима, с нашей точки зрения, лишь в случае принятия к сведению еще одного фактора: переживания человеком тревоги, "страха-ужаса" по поводу актуальной жизненной ситуации.

Согласно М.А. Падун и А.В. Котельниковой, понятие "базисные убеждения" возникло на пересечении когнитивной, социальной, клинической психологии и практики [13] и используется для

понимания особенностей конструирования личностью представлений о мире и о себе. Базисные убеждения — это "имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека" [13, с. 98]. В рамках когнитивной парадигмы многие исследователи ссылаются на работы Р. Янофф-Бульман, которая утверждала, что для поддержания субъективной картины мира люди стремятся таким образом интерпретировать происходящие с ними события, чтобы сохранить чувство безопасности [28].

Имплицитные представления о мире включают в себя убеждения о *доброжелательности* мира (убеждения индивида относительно безопасной возможности доверять окружающему миру), его *справедливости* (убеждение в том, что в мире действуют законы справедливости, и убеждение в возможности контролировать происходящие в жизни события), а также *представления о собственном Я* (убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек и убеждение в собственной удачливости и везении) [13, с. 99]. Базисные убеждения остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни человека, однако, как полагают М.А. Падун и А.В. Котельникова, ссылаясь на Р. Янофф-Бульман, могут меняться в особых (травматических) жизненных ситуациях. При совладании "с травмой базисные убеждения качественно отличаются от "дотравматических"... Картина мира индивида, пережившего психическую травму и успешно совладавшего с ней, примерно такова: "Мир доброжелателен и справедлив ко мне. Я обладаю правом выбора. Но так бывает не всегда"" [14, с. 31].

Как показывают многочисленные исследования, угрожающие жизни события (природные и техногенные катастрофы, войны, физическое, эмоциональное, сексуализированное насилие, опасные заболевания и др.) с определенной долей вероятности приводят к негативным последствиям: депрессии, тревожности, стигматизации и самостигматизации и др. [22; 30]. Известно, что в стабильных условиях диспозициональная суверенность помогает человеку решать возрастные и экзистенциальные задачи, "сопряжена с системой активации поведения, продвижением к целям и предпочтением целей усиления", тогда как в экстремальных условиях жизни может усиливаться чувство депривированности, сопряженное с "системой подавления поведения" [9, с. 81]; наблюдается нарушение границ психологического пространства личности, теряется вера в доброжелательность и справедливость мира, вера в себя [8], возникают чувства страха и ужаса и другие признаки посттравматического стресса (ПТС), которые, как отмечалось выше, могут (в зависимости от степени их переживания) поразному влиять на отношение к себе и миру, способствовать или препятствовать актуализации новых личностных ресурсов.

Тяжелые соматические *заболевания* (например, онкология, сердечно-сосудистые, генетические и др.) являются для человека серьезным испытанием, непосредственно связанным с угрозой жизни. Осознание этого факта может сопровождаться глубокими переживаниями, ощущением потери смысла жизни [16], тревогой, раздражительностью, возрастающей агрессий, либо астенизацией, эмоциональной холодностью, безразличием, уходом в себя. Часто наблюдается снижение мотивации, самообвинение и аутоагрессия, склонность к социальной изоляции, подозрительность; мир оценивается как враждебный и несправедливый [24; 25; 27; 29]. Конечно, возможны не только негативные последствия переживания тяжелой болезни.

Специфика опасного для жизни заболевания состоит в том, что оно является так называемым внутренним стрессором, и именно поэтому в некоторых случаях может рассматриваться человеком как неслучайное событие, произошедшее вследствие нарушения экологии жизни во всех ее проявлениях: физическом, социальном, психологическом. Поиск ответов на экзистенциальные вопросы о Жизни и Смерти, Добре и Зле, Справедливости и Несправедливости выступает в качестве маркера изменения отношения субъекта к себе и миру вследствие болезни и является актуальной научной задачей, решение которой позволяет ответить на запросы общества о механизмах и путях реабилитации человека после перенесенного заболевания и его интеграции в социум.

По данным наших исследований, диагностирование *доброкачественной опухоли* паутинной оболочки головного мозга (менингиомы) может со временем приводить к развитию посттравматического стресса, появлению признаков депрессии, эмоциональной лабильности, невротичности, страха и тревоги по поводу своего будущего [10; 21; 31]. При этом нами показано, что психологические последствия влияния стрессора высокой интенсивности разнообразны по своей степени и особенностям проявления. Можно предположить, что степень вариативности психологических последствий психотравматизации обусловлена тяжестью заболевания, сопутствующими соматическими проблемами, а также тем, какие внешние и внутренние ресурсы доступны человеку [2; 23; 25].

При постановке диагноза, связанного с опухолью головного мозга, человек склонен испытывать специфические для данного типа заболевания эмоции: страх потери идентичности и появления когнитивных дисфункций, тревогу по поводу снижения критичности. Подобные эмоции свидетельствуют о том, что известие о наличии опухоли в головном мозге, которая рассматривается в качестве показателя дисфункции органа, соотносится человеком, в том числе, с угрозой потери способности быть и оставаться личностью. Осмысление пациентом возможных последствий заболевания ставит перед ним проблему выбора, которая заключается в принятии собственного состояния либо как безнадежного, безвыходного, либо как временного, при котором сохраняется надежда на восстановление, появляется возможность субъекта изменить свою жизнь, например, иначе посмотреть на приоритеты целей, жизненных стратегий и др. Можно предположить, что постановка диагноза, вызывающего эмоциональные переживания, связанные со страхом потери собственной личности (страхом-ужасом), сопровождается экзистенциальным кризисом, который, с одной стороны, соотносится с переживаниями по поводу своей смертности, а с другой — со смыслом, осмысленностью собственного существования. Экзистенциальная ситуация переживания такой болезни затрагивает отношение человека к себе и косвенно — его взаимоотношения с миром. При наличии интенсивных эмоциональных переживаний, вызванных стрессором, появляется застенчивость, неуверенность в себе, чувство неполноценности. Данный настрой отражается на установках субъекта по поводу того, как его воспринимают окружающие: может нарастать чувство дискомфорта, появиться страх стигматизации. С учетом специфики экзистенциальной ситуации, переживаемой людьми с диагностированной опухолью головного мозга, выход из кризисного состояния во многом связан с качеством восприятия субъектом себя в болезни, его возможностью рационального обращения к внутренним и внешним ресурсам.

Цель исследования — анализ базисных убеждений и сопряженных с ними уровня посттравматического стресса, личностных особенностей у людей, имеющих в анамнезе опасное для жизни заболевание.

Гипотезы исследования:

1. Различия в базисных убеждениях у людей с диагнозом “менингиома” сопоставимы с различиями в уровне посттравматического стресса как одного из психологических последствий переживания субъектом травматического события.

2. Базисные убеждения тесно связаны с личностными особенностями и представлениями человека о своей безопасности, выступающими в качестве показателей его ресурсности в трудной жизненной ситуации.

МЕТОДИКА

Участниками исследования стали пациенты, оперированные по поводу менингиомы (доброкачественная опухоль паутинной оболочки головного мозга). Исследовательская база — Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко. 60 человек (55 жен. и 5 муж.) в возрасте от 30 до 70 лет ($M = 54$, $\sigma = 11.9$). Для участия в исследовании выборка подбиралась в соответствии с критерием “минимальная степень когнитивного дефицита”. Данный показатель контролировался группой психиатров учреждения. Перед началом исследования все респонденты подписывали информированное согласие.

Методики исследования

Шкала базисных убеждений (*ШБУ*) (*World assumptions scale*, *WAS*) в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой применялась для выявления особенностей субъективной картины мира и отдельных показателей: Доброжелательности окружающего мира, Справедливости, Образа Я, Удачи, Убеждения о контроле [12].

Фрайбургский многофакторный личностный опросник (*Freiburg Personality Inventory*, *FPI*), модифицированная форма опросника В, разработанная А.А. Крыловым с коллегами. Опросник был применен для анализа отдельных личностных черт (невротичности, депрессивности, раздражительности, застенчивости, открытости, эмоциональной лабильности, маскулинности–феминности и др.) исследуемых групп с разной субъективной картиной мира [7].

Анкета психологической безопасности, разработанная сотрудниками лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН. Анкета была использована для анализа особенностей представлений о психологической безопасности исследуемых групп с разной субъективной картиной мира. Респондентам предлагалось оценить степень близости 60 слов-дескрипторов к своему представлению о безопасности по шкале от +2 (абсолютно соответствует) до –2 (совершенно не соответствует) [20].

Шкала оценки влияния травматического события (*ШОВТС*) (*Impact of Event Scale IES-R*) в адаптации Н.В. Тарабриной. Шкала использовалась для контроля дополнительного отягощающего фактора: психологических последствий воздействия стрессора высокой интенсивности у пациентов, оперированных по поводу менингиомы. В качестве одного из таких последствий анализировался посттравматический стресс [17].

При статистическом анализе данных применялся программный пакет STATISTICA 10: описательная статистика (LQ и UQ — нижний и верхний квартили, M — среднее значение, Me — медиана), коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s), U-критерий Манна—Уитни на уровне значимости $p < 0.05$; кластерный анализ — метод K-средних.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для проверки выдвинутых предположений выборка была разделена на группы; использовался кластерный анализ. Процедура кластеризации проводилась на основе данных, полученных с применением методики “Шкала базисных убеждений” (ШБУ) на выборке n = 60 по пяти показателям: Доброжелательность окружающего мира, Справедливость, Образ Я, Удача, Убеждение о контроле. Был применен метод K-средних и выделено три кластера (табл. 1).

Предварительный анализ данных показал, что результаты второго кластера (2-я группа, $n = 14$) выше показателей остальных двух кластеров: 1-й ($n = 31$) и 3-й ($n = 15$) групп. Наименьшие показатели методики ШБУ выявлены в третьей группе.

Статистически значимые различия между группами по показателям ШБУ оценивались с помощью U-критерия Манна–Уитни (табл. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что три исследуемые группы различаются между собой по всем шкалам методики ШБУ. Наиболее высокие значения отмечены во второй, а самые низкие — в третье группе. В первое группе все показатели методики ШБУ имеют среднее значение.

Доброжелательность мира и ощущение справедливого отношения к себе и другим людям сочетаются у респондентов *второй группы* с позитивным образом Я и уверенностью в достижимости поставленных целей. Несмотря на тяжелое заболевание и необходимость восстановления после операции, респонденты сохраняют душевное равновесие и веру в себя. Не имея возможности сравнивать данные пациентов до и после заболевания, мы можем только предполагать, что в том случае, если базисные убеждения были не только сохранены, но и претерпели изменения, эти изменения в данной группе респондентов произошли в сторону более *позитивного отношения* к себе и миру, предположительно вследствие переоценки своих взглядов на жизнь после влияния интенсивного стрессора. Можно сказать, что в данном случае экзистенциальный опыт связан с позитивными переживаниями, с *надеждой* на лучшее и “утверждением собственного бытия” [6].

Анализ результатов показал, что *третья группа* респондентов характеризуется *негативным*

Таблица 1. Средние значения показателей методики ШБУ в трех кластерах

Субшкалы методики “Шкала базисных убеждений”	1 кластер M ($n = 31$)	2 кластер M ($n = 14$)	3 кластер M ($n = 15$)
Доброжелательность окружающего мира	34.2	41.9	29
Справедливость	21.9	25.6	18.8
Образ Я	29.1	33.3	25.1
Удача	33.3	41.7	24.6
Убеждения о контроле	26.8	30.2	21.7

Таблица 2. Анализ различий по шкалам методики “Шкала базисных убеждений” в трех исследуемых группах

Субшкалы методики “Шкала базисных убеждений”	Медианы (Me)			Значения U-критерия Манна–Уитни		
	1-я группа $n = 31$	2-я группа $n = 14$	3-я группа $n = 15$	1-я и 2-я группы	1-я и 3-я группы	2-я и 3-я группы
Доброжелательность окружающего мира	35	42	31	54.5**	115.5**	11.5**
Справедливость	21	26	18	106**	108.5**	19.5**
Образ Я	30	34	25	91**	109.5**	16.5**
Удача	32	41	24	35**	27.5**	1.0**
Убеждения о контроле	27	29	21	102**	59.5**	10.5**

Примечание. ** — различия на уровне значимости $p < 0.01$.

отношением к окружающему миру, проявляет настороженность, склонна к избеганию. В ситуации чрезвычайных событий (в частности, ситуаций, связанных с опасным для жизни заболеванием) такие люди могут испытывать дополнительный эмоциональный дискомфорт, который выражается в бессилии, т.е. в ощущении невозможности изменить негативный ход событий, неспособности влиять на ситуацию. Ощущение того, что человек стал жертвой обстоятельств, крушение надежд и неверие в справедливый мир, а также негативное отношение к себе, самообвинение, мысли о собственной неудачливости, никчемности, дополняют психологический портрет личности с низкими показателями по методике ШБУ. Экзистенциальный опыт данной группы респондентов связан с сомнениями, тревогами, ощущением потери и недоверием и в целом с *отчаянием*, "чувством экзистенциального одиночества" [там же, с. 60].

Респонденты *первой группы* характеризуются *амбивалентным отношением* к себе и окружающему миру. Мы полагаем, что средние показатели по ШБУ в данной группе могут указывать на наличие сильных эмоциональных переживаний по поводу психотравмирующей ситуации и одновременно на достаточность ресурсов для ее преодоления. Сочетание позитивного и негативного модуса экзистенциального опыта, "сомнений и утверждения, тревоги и возможности, потери и приобретения, смерти старого и рождения нового" [там же, с. 65] характерно для респондентов данной группы.

В целом можно отметить, что базисные убеждения людей, имеющих в анамнезе опасное для жизни заболевание, различаются по показателямотношения не только к себе, но и к миру. По всей видимости, переживание ситуации, связанной с опасным для жизни заболеванием, затрагивает всю систему базисных убеждений, в том числе сферу социального взаимодействия, и указывает на единство личности и ее бытия.

Для проверки *первой гипотезы* о том, что различия в базисных убеждениях у людей с диагнозом "менингиома" сопоставимы с различиями в уровне посттравматического стресса как одного из психологических последствий переживания субъектом травматического события, исследовался общий уровень ПТС и отдельных симптомах (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость). Использовалась методика ШОВТС (табл. 3).

Анализ показал, что респонденты с амбивалентными (1 группа) и низкими (3 группа) показателями по ШБУ сходны между собой по уровню ПТС: обе группы испытывают сильные эмоциональные переживания по поводу постановки диагноза "менингиома", склонны отрицать серьезность своего положения, избегать ситуаций, напоминающих о болезни. Выявлено лишь одно различие по симптому "вторжение", показатели которого оказались выше в третьей, самой проблемной группе респондентов с негативным отношением к себе и миру. Гипербдительность, повышенное внимание к своему здоровью, ипохондрия, неспособность довериться специалистам и близкому окружению, попросить о поддержке и одновременно неприятие ситуации создают условия для интенсивного и продолжительного переживания этого события как актуального.

Показатели психологического благополучия в группе с позитивным отношением к миру и себе (2 группа) обнаруживаются в способности совладать с травмирующей ситуацией, используя внешние и внутренние ресурсы. Несмотря на этот факт, мы допускаем, что часть респондентов данной группы склонна переоценивать свое состояние, характеризовать его как более благоприятное, чем оно есть на самом деле. Можно ожидать, что при умеренных значениях переоценка своего состояния не столько ухудшает, сколько улучшает ситуацию, выступает дополнительным ресурсом успешной реабилитации после операции.

Результаты исследования позволяют верифицировать *первую* гипотезу исследования о том, что различия в базисных убеждениях у людей с диагнозом "менингиома" сопоставимы с различиями в уровне ПТС как одного из психологических последствий переживания субъектом травматического события:

Таблица 3. Анализ различий в уровне ПТС и отдельных симптомов в трех исследуемых группах (методика ШОВТС)

Субшкалы методики ШОВТС	Медианы (Me)			Значения U-критерия Манна–Уитни		
	1-я группа $n = 31$	2-я группа $n = 14$	3-я группа $n = 15$	1-я и 2-я группы	1-я и 3-я группы	2-я и 3-я группы
Вторжение	9	4	15	106.5**	146.5*	32**
Избегание	12	5.5	18	124**	174.5	36.5**
Физиологическая возбудимость	6	1	9	76.5**	194.5	36.5**
ИТ	27	10.5	34	90**	163	25.5**

Примечание. * — различия на уровне значимости $p < 0.05$; ** — различия на уровне значимости $p < 0.01$.

при позитивном отношении к себе и миру риск развития ПТС уменьшается; неспособность справиться с высоким уровнем напряжения, отрицание ситуации болезни, а также фиксация на своих переживаниях, мыслях, действиях при недоверии социальному окружению создают риск развития клинических признаков ПТС, корреспондирующих с ПТСР.

Для проверки *второй гипотезы* о том, что базисные убеждения тесно связаны с личностными особенностями и представлениями человека о своей безопасности, выступающими в качестве показателей его ресурсности в трудной жизненной ситуации, были проанализированы личностные характеристики (Фрайбургский многофакторный личностный опросник) и представления о психологической безопасности (Анкета психологической безопасности) в каждой из выделенных групп респондентов.

В табл. 4 представлены результаты сравнения трех групп респондентов по показателям Фрайбургского многофакторного личностного опросника.

Анализ личностных характеристик показал, что для респондентов с *позитивным отношением* к себе и миру, т.е. с высокими значениями по ШБУ (2-я группа), не типичны такие особенности, как невротичность, депрессивность, раздражительность, застенчивость и эмоциональная лабильность. По сравнению с респондентами со средними показателями по ШБУ они менее склонны к проявлению спонтанной агрессивности, более общительны, однако чаще выбирают социально желательные ответы (показатель шкалы “Открытость” ниже по сравнению с первой группой). При сравнении групп с высокими (2 группа) и низкими (3 группа) показателями по ШБУ оказалось, что такие личностные черты, как общительность, уравновешенность и маскулинность присущи людям с позитивным отношением к себе и миру, а невротичность, депрессивность, раздражительность, застенчивость и эмоциональная лабильность — людям с негативным отношением, т.е. с низкими показателями по ШБУ. Обобщая эти данные, можно утверждать, что базисные убеждения эмоционально и поведенчески проявляются в том числе в отдельных личностных чертах и установках человека. Люди с позитивным отношением к себе и миру характеризуются более стабильным эмоциональным фоном, социально контактны, им свойственна определенная конфигурация личностных черт (например, маскулинность, общительность, уравновешенность и др.), которая в тяжелых жизненных обстоятельствах позволяет проявлять наиболее адаптивные формы поведения.

Респондентам с *негативным отношением* к себе и миру (3-я группа), как было показано выше, свойственно проявление целого спектра личностных характеристик: склонности к депрессии и неуравновешенности, частой смене состояния апатии вспышками раздражительности. В отношениях с другими людьми может возникать настороженность, подозрительность, недоверие; межличностное общение становится формальным. Подозрительность сменяется проявлением враждебных форм поведения либо агрессией, направленной на себя, которая подкрепляется чувством вины и типичными для этой группы респондентов зависимостью, эмоциональностью, нерешительностью.

Отметим, что респонденты первой группы с *амбивалентным отношением* к себе и миру, т.е. со

Таблица 4. Анализ различий по шкалам методики “Фрайбургский многофакторный личностный опросник” в трех исследуемых группах

Шкалы методики “Фрайбургский многофакторный личностный опросник”	Медианы (Me)			Значения U-критерия Манна–Уитни		
	1-я группа $n = 31$	2-я группа $n = 14$	3-я группа $n = 15$	1-я и 2-я группы	1-я и 3-я группы	2-я и 3-я группы
Невротичность	7	4	9	135*	190.5	54**
Спонтанная агрессивность	3	1	2	121**	196.5	83.5
Депрессивность	4	0	8	75.5**	122**	15.5**
Раздражительность	3	1	4	100**	198.5	31**
Общительность	6	9	7	135*	217.5	60.5*
Уравновешенность	5	5	4	183.5	173.5	52.5**
Реактивная агрессивность	3	2	3	149.5	218	78,5
Застенчивость	5	1	6	65**	170	20.5**
Открытость	9	7	8	106**	195	64.5
Экстраверсия — интроверсия	6	6	5	191.5	163	83
Эмоциональная лабильность	6	3	8	104**	151	27**
Маскулизм — феминизм	7	8	5	192	138**	44.5**

Примечание. * — различия на уровне значимости $p < 0.05$; ** — различия на уровне значимости $p < 0.01$.

средними значениями по ШБУ, отличаются от респондентов с высокими показателями и характеризуются выраженной невротичностью, спонтанной агрессивностью, депрессивностью, раздражительностью; они более застенчивы и эмоционально лабильны, менее общительны, не склонны давать социально желательные ответы. Сходство этих групп обнаруживается в признаках уравновешенности и маскулинности как показателях умения регулировать эмоции и проявлять независимость в общении. Интересно отметить, что по сравнению с респондентами с низкими значениями по ШБУ, данная группа оказывается менее депрессивной и более независимой в своих решениях. Из этого следует, что в сохранении и поддержании позитивного образа Я и образа мира существенную роль играют такие личностные особенности, как умение регулировать свои эмоции, быть пластичным и принимать самостоятельные решения.

Наличие тесной связи между базисными убеждениями и личностными особенностями, несомненно, подтверждает предположение о том, что позитивный или негативный модусы экзистенциального опыта находят воплощение в эмоциональных, мотивационных и поведенческих особенностях личности. Проведенный нами корреляционный анализ сопряженности данных, полученных с помощью Фрайбургского многофакторного личностного опросника и Шкалы базисных убеждений (критерий ранговой корреляции Спирмена), показал, что личностные особенности в большей степени сопряжены с такими базисными убеждениями, как образ Я (отношение к себе) и убеждение о контроле (отношение к миру) ($p < 0.01$). Показано, что деструктивные личностные черты (например, депрессивность, застенчивость и др.) и базисные убеждения связаны между собой по принципу обратной, а адаптивные (например, общительность, уравновешенность и др.) — по принципу прямой зависимости. Особое внимание привлекает такая личная особенность, как депрессивность, которая, во-первых различается во всех исследуемых группах, а во-вторых, тесно сопряжена со всеми базисными убеждениями. Следует предположить, что именно депрессивность играет существенную роль в установлении негативного образа себя и мира, а также в проявлении дезадаптивных эмоциональных и поведенческих стратегий как в повседневной жизни, так и в драматических жизненных обстоятельствах.

Для проверки второй части гипотезы о связи базисных убеждений с личностными особенностями и представлениями человека о безопасности как показателями его ресурсности в трудной жизненной ситуации, дескрипторы Анкеты психологической безопасности были оценены по степени предпочитаемости в каждой из обследуемых групп респондентов. По каждому дескриптору были найдены суммы наиболее высоких оценок (4 и 5 баллов, умноженное на количество выборов) отдельно в первой, второй и третьей группах. По полученным суммам баллов были вычислены значения верхнего и нижнего квартилей и медиана: 1-я группа Me = 97; LQ = 78; UQ = 118; 2-я группа Me = 54; LQ = 44.5; UQ = 60; 3-я группа Me = 56.5; LQ = 48; UQ = 64.5. Значения дескрипторов, которые попали в верхний квартиль, и дескрипторов, которые разместились в межквартильном пространстве, были проранжированы таким образом, что наиболее предпочитаемому дескриптору присваивался первый ранг. После этого ранги каждой группы были прокоррелированы между собой попарно (ранговая корреляция Спирмена (r_s)): 1-я и 2-я группа $r_s = 0.67$, $p < 0.01$; 1-я и 3-я группа $r_s = 0.59$, $p < 0.01$; 2-я и 3-я группа $r_s = 0.35$ $p > 0.05$. Выявлено, что предпочтение определенных ассоциаций совпадает в группах с высокими и средними, а также средними и низкими показателями по ШБУ. В контрастных группах — с негативным (низкие показатели по ШБУ) и позитивным (высокие показатели по ШБУ) экзистенциальным опытом представления о безопасности (предпочтения в выборе дескрипторов) различаются.

При анализе респондентов с положительным отношением к себе и миру (2 группа) было выявлено, что дескрипторы, которые указывают на собственные ресурсы, занимают более высокие ранговые места. Это опытность (компетентность, ум, жизненный опыт), информированность (владение информацией, контроль), тема собственного здоровья (самосохранение, здоровье).

Респонденты с амбивалентным отношением к себе и миру (группа 1) соотносят психологическую безопасность как с внутренними — опытность (компетентность, ум, жизненный опыт, опытность), собственное здоровье (самосохранение, здоровье), — так и с внешними ресурсами (надежное окружение, в частности надежные друзья, спутник, опора, дом, жилье).

Группа с наименее благополучным отношением к себе и миру (3 группа) в большей степени ориентирована на фактор социальной поддержки, а не на собственные ресурсы. Предпочтение отдается социальному окружению (надежные друзья, верность, поддержка, помощь, надежность, позитивное окружение, надежный спутник, опора). Другая особенность, характерная для этой группы: наличие тем, которые могут указывать на отчуждение

респондентов этой группы от собственного психотравмирующего опыта (свобода, мир в стране и др.).

В целом следует подчеркнуть, что чем более положительным представляется отношение человека к себе и миру, тем более выраженным становится ориентация на собственные ресурсы при оценке психологической безопасности. Вторая гипотеза о том, что базисные убеждения тесно связаны с личностными особенностями и представлениями человека о своей безопасности, выступающими в качестве показателей его ресурсности в трудной жизненной ситуации, подтверждается.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Переживание особых экзистенциальных состояний происходит в тех жизненных обстоятельствах, которые заставляют субъекта пересмотреть свое отношение к жизни. Эти обстоятельства хорошо известны практически каждому человеку либо по собственному опыту их переживания, либо по опыту их переживания другими людьми. Они характеризуются выраженной угрозой жизни и одновременно (как это ни парадоксально звучит) подчеркивают ценность, важность, значимость жизни, но только тогда, когда человек готов принять весь трагизм своего существования. “Прими смерть, пойми ее, потому что в качестве этой цены, в качестве границы и меры жизни, в качестве неотъемлемого ее элемента она есть величайшее из благ, равное и тождественное равному и тождественному ей благу жизни, потому что только она способна сообщить жизни ее истинную стоимость...” [18, с. 52].

В тяжелых жизненных обстоятельствах человек способен сохранять самообладание, поддерживать конструктивные отношения с миром и даже оказывать поддержку другим людям, остро нуждающимся в ней. *Опасные для жизни заболевания* оставляют человеку меньше шансов на реализацию позитивного отношения к себе и миру, однако не исключают их вовсе. Болезнь, истощающая силы человека, может влиять на его внутренние и внешние ресурсы по-разному, исчерпывая или восполняя их. Однако, во многом это зависит от самого человека, его установок и эмоционального состояния: “Истина творится в субъекте, она не дается объективно извне. Мир представляется иным, в зависимости от того, молоды ли мы или стары, здоровы или больны, радостны или печальны...” [1, с. 255].

Позитивный взгляд на себя, окружающий мир способствует успешному совладанию с психотравмирующим событием, вселяет надежду. Допустимо и обратное: успешное совладание человека с ситуацией болезни является причиной изменения отношения к себе и миру в лучшую сторону. При таких условиях субъект способен актуализировать собственные личностные ресурсы и одновременно, не испытывая смущения или раздражения, обращаться за социальной поддержкой. Использованию собственных ресурсов способствует эффективная эмоциональная саморегуляция.

Иная картина наблюдается у людей, имеющих психологические затруднения или проблемы, препятствующие конструктивному совладанию с воздействием стрессора высокой интенсивности. Дискуссионным остается вопрос о том, является ли наличие высоких показателей посттравматического стресса причиной негативного отношения к себе и миру, либо более ранний опыт формирования базисных убеждений выступает основой несовладания с травмирующими событиями жизни. Думается, что в данном случае корректнее обсуждать эту проблему не в терминах формулировки причинно-следственных закономерностей, а с позиции анализа системы связей между такими компонентами, как отсроченные переживания по поводу психотравмирующего события (ПТС), базисные убеждения, личностные характеристики, представление о психологической безопасности.

При высоком уровне посттравматического стресса ситуация переживания опасного для жизни заболевания воспринимается человеком как экзистенциальный кризис, проявляющийся в эмоциональной оценке жизни в категориях тревоги, страха, отчаяния; происходит слом дотравматической картины мира: мир представляется враждебным и неконтролируемым; события, произошедшие с человеком, кажутся несправедливыми; отношение к себе меняется с позитивного на негативное. Образ Я нагружается иными смыслами, а связанная с ним мотивация и эмоции описываются в терминах аутоагрессии, вины, напряжения и раздражения, отвержения социальной поддержки. В других случаях может наблюдаться тенденция к проявлению деструктивных форм жалости к себе (вторичная выгода от болезни), обвинение в случившемся третьих лиц, жалобы на упадок сил, отсутствие психологических ресурсов для борьбы с заболеванием, повышенная тревожность. Данная картина свидетельствует о влиянии установок личности, ее эмоционального настроя на мотивацию выздоровления, которая проявляет себя негативно, способствуя развитию симптоматики ПТС, в том числе вследствие сопротивления принятию социальной поддержки.

Интересными оказались данные, полученные в группе с амбивалентным отношением к себе и окружающему миру. Несмотря на высокий уровень дистресса, вызванного психотравмирующим событием, респонденты данной группы используют иные формы адаптивного поведения, близкие по своей направленности и валентности людям с позитивным отношением к миру и себе. Рациональный взгляд на трудную жизненную ситуацию, гибкая система эмоционального копинга, адекватная оценка собственных ресурсов, а также поиск внешней опоры способствуют успешному и, возможно, более качественному проживанию психотравмирующего опыта. Данное предположение нуждается в специальной проверке, однако уже первые полученные в настоящем исследовании результаты говорят о том, что по сравнению с людьми с позитивным отношением к себе и миру данная группа избегает давать социально одобряемые ответы и более откровенна в работе с интервьюером.

Открытое, искреннее общение позволяет быть честным по отношению к самому себе, что при переживании экстремальных жизненных ситуаций выступает дополнительным и крайне важным ресурсом, обеспечивающим человека возможностями справиться с травматическим стрессом и обрести новые смыслы жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
2. *Вассерман Л.И., Трифонова Е.А.* Дискуссионные вопросы концептуализации и методологии исследования качества жизни в медицине // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 112–119.
3. *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 109–116.
4. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.
5. *Знаков В.В., Касавина Н.А., Синеокая Ю.В.* Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137.
6. *Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт: отчаяние и надежда // Философские науки. 2016. № 10. С. 54–67.
7. *Крылов А.А., Куликов Л.В.* Опыт применения Фрайбургского личностного опросника в диагностике психических состояний // Теоретические и прикладные вопросы психологии. 1995. № . 1. С. 5–12.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.
9. *Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В.* Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
10. *Никитина Д.А.* Особенности жизненной перспективы у пациентов с диагнозом “менингиома” // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 3. С. 108–111.
11. *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
12. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 23.
13. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
14. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Психическая травма и картина мира. Теория, эмпирия, практика. М.: Институт психологии РАН, 2012.
15. *Позняков В.П.* Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 167–174.
16. *Полетаева А.В.* Смысловые компоненты психологических механизмов переживания травматического события // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 197–203.
17. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. С. 146–181.
18. *Трубников Н.Н.* О смысле жизни и смерти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
19. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.
20. *Харламенкова Н.Е.* Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 51–60.
21. *Харламенкова Н.Е., Зайцев О.С., Никитина Д.А., Кормилицына А.Н.* Эмоционально-личностные особенности пациентов с диагнозом менингиома при выраженном посттравматическом стрессе // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 150–167. doi:10.17759/cpse.2018070409.
22. *Birk J.L., Kronish I.M., Moise N., Falzon L., Yoon S., Davidson K.W.* Depression and multimorbidity: Considering temporal characteristics of the associations between depression and multiple chronic diseases // Health Psychology. 2019. Vol. 38 (9). P. 802–811. https://doi.org/10.1037/hea0000737
23. *Carboon I., Anderson V.A., Pollard A., Szer J., Seymour J.F.* Posttraumatic Growth following a cancer diagnosis: Do world assumptions contribute? // Traumatology. 2005. Vol. 11(4). P. 269–283. https://doi.org/10.1177/153476560501100406

24. *Chen J., Zebrack B., Embry L., Freyer D.R., Aguilar C., Cole S.* Profiles of emotional distress and growth among adolescents and young adults with cancer: A longitudinal study // Health Psychology. 2020. Vol. 39(5). P. 370–380. https://doi.org/10.1037/hea0000843

25. *Cook S.A., Salmon P., Dunn G., Holcombe C., Cornford P., Fisher P.* The association of metacognitive beliefs with emotional distress after diagnosis of cancer // Health Psychology. 2015. Vol. 34 (3). P. 207–215. https://doi.org/10.1037/hea0000096

26. *Hagger M.S., Koch S., Chatzisarantis N.L.D., Orbell S.* The common sense model of self-regulation: Meta-analysis and test of a process model // Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143 (11). P. 1117–1154. https://doi.org/10.1037/bul0000118

27. *Hopko D.R., Clark C.G., Cannity K., Bell J.L.* Pretreatment depression severity in breast cancer patients and its relation to treatment response to behavior therapy // Health Psychology. 2016. Vol. 35 (1). P. 10–18. https://doi.org/10.1037/hea0000252

28. *Janoff-Bulman R.* Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. N.Y.: Oxford University Press, 1992.

29. *Kangas M., Henry J.L., Bryant R.A.* Predictors of posttraumatic stress disorder following cancer // Health Psychology. 2005. Vol. 24 (6). P. 579–585. https://doi.org/10.1037/0278-6133.24.6.579

30. *Mittal D., Drummond K.L., Blevins D., Curran G., Corrigan P., Sullivan G.* Stigma associated with PTSD: Perceptions of treatment seeking combat veterans // Psychiatric Rehabilitation Journal. 2013. Vol. 36 (2). P. 86–92. https://doi.org/10.1037/h0094976

31. *Nikitina D., Kharlamenkova N.* Psychopathological symptomatology and personality characteristics of patients diagnosed with "meningioma" with different post-traumatic stress rates // ESTSS2019 Rotterdam Poster Abstract Book. European Journal of Psychotraumatology, 2019. P. 26. https://doi.org/10.1080/20008198.2019.1613837

SERIOUS DISEASE AS AN EXISTENTIAL PROBLEM[2]

N. E. Kharlamenkova[1,*], O. S. Zaitsev[2,], D. A. Nikitina[1,***], A. N. Koposova[2,****]**

[1]Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
[2]Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Ministry of Health of The Russian Federation;
125047, Moscow, 4th Tverskaya-Yamskaya str.,16, Russia.
[*]ScD (Psychology), Professor, Chief Research Officer, Laboratory of Psychology of Person Development in Normal and Post-traumatic States, Deputy Director.
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com
[**]ScD (Medicine), Professor, Psychiatrist. E-mail: ozaitsev@nsi.ru.
[***]Postgraduate Student. E-mail: d.a.nikitina@yandex.ru
[****]Psychiatrist. E-mail: kormilicyna.anna@mail.ru

Received 05.12.2020

Abstract. The results of a theoretical and empirical study of basic beliefs and their relationship with the level of post-traumatic stress, personal characteristics, and psychological safety represenrarions in people with severe somatic disease ("meningioma" (n=60)) are analysed. Basic beliefs are presented as empirical markers of a person's experience of an existential experience. Hypotheses about individual psychological differences in a person's attitude to himself and the world in the conditions of experiencing a difficult life event are tested. It is proved that people with a positive attitude towards themselves and the world have high rates on the World Assumption Scale (WAS) and such subscales as benevolence of the world, controllability, justice, self-worth and luck. It is shown that a positive attitude towards oneself and the world correlates with a certain configuration of personality traits on Freiburg Personality Inventory (FPI), including sociability, poise, masculinity; the representations about psychological safety are related to the orientation of the person towards internal resources (competence, life experience, control, etc.). The people with negative attitudes towards themselves and the world, i.e. with low rates on the WAS, are characterized as neurotic, depressive, irritable, emotionally labile on FPI; their representations about psychological safety are related with the need in social support. In a group

[2]This work is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project № 18-013-00324 "Emotional and personality changes in patients with meningioma during postoperative period").

with averages on the WAS, personality profile is similar to the profile of the people with low rates on the WAS in exception of depression and femininity; the psychological safety is associated with internal and external resources. The results are discussed in the context of existential experience problem.

Keywords: existential experience; meningioma; basic beliefs; positive attitude to the world and oneself; negative attitude to the world and oneself; personality traits; post-traumatic stress; psychological safety.

REFERENCES

1. *Berdyaev N.A.* O naznachenii cheloveka. Moscow: Respublika, 1993. (In Russian)
2. *Vasserman L.I., Trifonova E.A.* Diskussionnye voprosy konceptualizacii i metodologii issledovanija kachestva zhizni v medicine. Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2007. № 26. P. 112–119. (In Russian)
3. *Grishina N.V.* Jekzistencial'nye problemy cheloveka kak zhiznennyj vyzov. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika. 2011. № 4. P. 109–116. (In Russian)
4. *Znakov V.V.* Psihologija ponimanija mira cheloveka. Moscow: Publ. of Institute of Psychology RAS, 2016. (In Russian)
5. *Znakov V.V., Kasavina N.A., Sineokaja Ju.V.* Jekzistencial'nyj opyt: tainstvo i problema. Filosofskij zhurnal. 2018. V. 11. № 2. P. 123–137. (In Russian)
6. *Kasavina N.A.* Jekzistencial'nyj opyt: otchajanie i nadezhda. Filosofskie nauki. 2016. № 10. P. 54–67. (In Russian)
7. *Krylov A.A., Kulikov L.V.* Opyt primenenija Frajburgskogo lichnostnogo oprosnika v diagnostike psihicheskih sostojanij. Teoreticheskie i prikladnye voprosy psihologii. 1995. № 1. P. 5–12. (In Russian)
8. *Nartova-Bochaver S.K.* Psihologija suverennosti: desjat' let spustja. Moscow: Smysl, 2017. (In Russian)
9. *Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V.* Psihologicheskie granicy lichnosti: vzroslenie i kul'tura. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2018. (In Russian)
10. *Nikitina D.A.* Osobennosti zhiznennoj perspektivy u pacientov s diagnozom "meningioma". Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2019. № 3. P. 108–111. (In Russian)
11. *Nikitin E.P.* Duhovnyj mir: organichnyj kosmos ili razbegajushhajasja vselennaja? Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. (In Russian)
12. *Padun M.A., Kotel'nikova A.V.* Metodika issledovanija bazisnyh ubezhdenij lichnosti. Moscow: Publ. of Institute of Psychology RAS, 2007. P. 23. (In Russian)
13. *Padun M.A., Kotel'nikova A.V.* Modifikacija metodiki issledovanija bazisnyh ubezhdenij lichnosti R. Janoff-Bul'man. Psihologicheskij zhurnal. 2008. V. 29. № 4. P. 98–106. (In Russian)
14. *Padun M.A., Kotel'nikova A.V.* Psihicheskaja travma i kartina mira. Teorija, jempirija, praktika. Moscow: Publ. of Institute of Psychology RAS, 2012. (In Russian)
15. *Poznjakov V.P.* Psihologicheskie otnoshenija sub'ektov sovmestnoj zhiznedejatel'nosti. Znanie. Ponimanie. Umenie 2013. № 1. P. 167–174. (In Russian)
16. *Poletaeva A.V.* Smyslovye komponenty psihologicheskih mehanizmov perezhivanija travmaticheskogo sobytija. Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2007. № 25. P. 197–203. (In Russian)
17. *Tarabrina N.V.* Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa. Saint-Petersburg: Piter, 2001. P. 146–181. (In Russian)
18. *Trubnikov N.N.* O smysle zhizni i smerti. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 1996. (In Russian)
19. *Hajdegger M.* Vremya i bytie. Moscow: Respublika, 1993. (In Russian)
20. *Harlamenkova N.E.* Polovye i gendernye razlichija v predstavlenijah o psihologicheskoj bezopasnosti. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2015. V. 6. № 2. P. 51–60. (In Russian)
21. *Harlamenkova N.E., Zajcev O.S., Nikitina D.A., Kormilicyna A.N.* Jemocional'no-lichnostnye osobennosti pacientov s diagnozom meningioma pri vyrazhennom posttravmaticheskom stresse. Klinicheskaja i special'naja psihologija. 2018. V. 7. № 4. P. 150–167. doi:10.17759/cpse.2018070409. ISSN: 2304–0394. (In Russian)
22. *Birk J.L., Kronish I.M., Moise N., Falzon L., Yoon S., Davidson K.W.* Depression and multimorbidity: Considering temporal characteristics of the associations between depression and multiple chronic diseases. Health Psychology. 2019. V. 38 (9). P. 802–811. https://doi.org/10.1037/hea0000737
23. *Carboon I., Anderson V.A., Pollard A., Szer J., Seymour J.F.* Posttraumatic Growth following a cancer diagnosis: Do world assumptions contribute? Traumatology. 2005. V. 11 (4). P. 269–283. https://doi.org/10.1177/153476560501100406
24. *Chen J., Zebrack B., Embry L., Freyer D.R., Aguilar C., Cole S.* Profiles of emotional distress and growth among adolescents and young adults with cancer: A longitudinal study. Health Psychology. 2020. V. 39 (5). P. 370–380. https://doi.org/10.1037/hea0000843
25. *Cook S.A., Salmon P., Dunn G., Holcombe C., Cornford P., Fisher P.* The association of metacognitive beliefs with emotional distress after diagnosis of cancer. Health

Psychology. 2015. V. 34(3). P. 207–215. https://doi.org/10.1037/hea0000096

26. *Hagger M.S., Koch S., Chatzisarantis N.L.D., Orbell S.* The common sense model of self-regulation: Meta-analysis and test of a process model. Psychological Bulletin. 2017. V. 143 (11). P. 1117–1154. https://doi.org/10.1037/bul0000118
27. *Hopko D.R., Clark C.G., Cannity K., Bell J.L.* Pretreatment depression severity in breast cancer patients and its relation to treatment response to behavior therapy. Health Psychology. 2016. V. 35 (1). P. 10–18. https://doi.org/10.1037/hea0000252
28. *Janoff-Bulman R.* Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. New York: Oxford University Press,1992.
29. *Kangas M., Henry J.L., Bryant R.A.* Predictors of posttraumatic stress disorder following cancer. Health Psychology. 2005. V. 24 (6). P. 579–585. https://doi.org/10.1037/0278–6133.24.6.579
30. *Mittal D., Drummond K.L., Blevins D., Curran G., Corrigan P., Sullivan G.* Stigma associated with PTSD: Perceptions of treatment seeking combat veterans. Psychiatric Rehabilitation Journal. 2013. V. 36 (2). P. 86–92. https://doi.org/10.1037/h0094976
31. *Nikitina D., Kharlamenkova N.* Psychopathological symptomatology and personality characteristics of patients diagnosed with “meningioma” with different post-traumatic stress rates. ESTSS2019 Rotterdam Poster Abstract Book. European Journal of Psychotraumatology, 2019. P. 26. https://doi.org/10.1080/20008198.2019.1613837

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 83–91

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.019

ПЕДОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

© 2021 г. О. Г. Носкова

ФГБОУВ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии.
E-mail: nog4813@mail.ru

Поступила 11.06.2021

Аннотация. В статье рассматривается становление и ликвидация педологии и психотехники в России 1920–1930-х гг. Обсуждаются общее и отличное в практических задачах и научных проблемах педологии, психотехники и общей психологии, обозначена позиция Л.С. Выготского по вопросу о связях педологии и психотехники. Кризис педологии и психотехники и их ликвидация после Постановления ЦК ВКП(б) о педологии (1936 г.) соотносятся с ошибками представителей этих дисциплин, а также изменением социально-экономических и идейно-политических условий жизни общества в СССР реконструктивного периода, а также с обострением политического противостояния коммунизма и национал-социализма в предвоенной Европе. Сделаны выводы об ответственности прикладной психологии перед обществом при ее вмешательстве в задачи социальной практики.

Ключевые слова: педология, психотехника, прикладная психология, общая психология, кризис педологии, практические задачи, научные проблемы, социальная практика, государственное управление наукой.

DOI: 10.31857/S020595920017741-1

В 2021 году исполняется 85 лет со дня издания печально известного Постановления ЦК ВКП (б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов” (от 4 июля 1936 г.) [15]. Цель настоящей статьи состоит в анализе связей педологии с отечественной прикладной психологией, (психотехникой). Эта тема рассматривалась в монографиях [9; 11; 12], была предметом ряда журнальных публикаций [13; 14 и др.], но интерес к ней сохраняется, ибо речь идет о периоде становления основ теории и практики отечественной психологической науки. Термин *“психотехника”* будем понимать вслед за В. Штерном [26] в самом широком значении, как направление прикладной психологии, представители которого берут на себя задачи предсказания и направленного изменения сознания и поведения людей в интересах общества. Попытаемся кратко ответить на вопросы о том, как педология была связана с разными направлениями прикладной психологии, с общей психологией; почему была ликвидирована психотехника во второй половине 1930-х годов, хотя она непосредственно не упоминалась в Постановлении ЦК ВКП (б) о педологии?

ПЕДОЛОГИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Педология, как известно, возникла в конце XIX века в США, ее пионером принято считать С. Холла, обозначившего этим термином научную дисциплину о развитии ребенка, объединяющую достижения возрастной анатомии и физиологии, педиатрии, детской психологии и дефектологии, педагогики и педагогической психологии. В России педология нашла своих адептов среди врачей-психоневрологов, педагогов и психологов. Отечественные педологи продолжали традиции целостного изучения ребенка, заложенные К.Д. Ушинским [18]. Предмет педологии как междисциплинарной науки, может быть определен как поиск взаимосвязей разного рода воздействий, факторов, объясняющих закономерные изменения с возрастом всех систем ребенка, включая его психику и личность. Такого рода интегративные научные течения можно считать признаком рефлексии ученых, изучающих объекты, системные по своей природе, генезу и функционированию. Рубеж XIX и XX веков — это эпоха оформления основ системной методологии в научном познании (примером может служить

Таблица 1. Области применения прикладной психологии в СССР [22]

	Изучение (области воздействия) I	Профподбор и распределение II	Рационализация труда III	Психология воздействия IV
Педология	1	2	3	4
Хозяйство	5	6	7	8
Военное дело	9	10	11	12
Партия	13	14	15	16

“Тектология” А.А. Богданова). Педология в России не была неким единым научным направлением, но охватывала ученых, разных по своим философским установкам, по уровню их научной подготовки, педагогического опыта, что демонстрируют материалы дореволюционных съездов по педагогической психологии (1906, 1909 гг.) и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916 гг.). Труды многих деятелей педологии внесли весомый вклад в золотой фонд отечественной психологии (среди них — М.Я. Басов, В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, А.П. Болтунов, С.М. Василевский, Л.С. Выготский, П.Ф. Каптерев, А.Ф. Лазурский, А.П. Нечаев, Н.А. Рыбников, А.А. Смирнов и др.). Развитие педологических исследований поддерживалось в период новой экономической политики (НЭП) (1921–1929 гг.) руководителями государства, а именно, к этому течению позитивно относились руководитель Народного комиссариата просвещения, А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, другие видные деятели народного просвещения. В начале 1930-х гг.[2] оформилось разделение функций обучения и воспитания, которыми занимались педагоги, и функций всестороннего изучения детей разного возраста, порученных педологам[3], что было, вероятно, продуктом обобщения практики работы педагогов и педологов, сложившейся в годы НЭПа. Обязанности школьных педологов включали ““комплектование классов, организацию школьного режима, направление всего учебного процесса с точки зрения педологизации школы и педагога”, определение причин неуспеваемости школьников, контроль за политическими воззрениями, определение профессии оканчивающих школы, удаление из школы неуспевающих и т.д.” [15].

Педология и психотехника. Лидер *советской психотехники*, И.Н. Шпильрейн, наметил в начале 1920-х гг. основные направления прикладной психологии в Советской России, включив и вопросы педологии (табл. 1). По отношению к каждой из областей воздействия (педология, хозяйство, военное дело, партия) было выделено четыре направления работы психологов, имевших особые цели, методы исследования и технологии практического воздействия, предмет исследования, проблемное поле, совокупность понятий и объяснительных схем.

I. Исследование. Объектом анализа оказывались — человек и формы его активности, ее особые средства и условия. Единицами анализа выступали целенаправленные действия работника. Исследование профессионального поведения обозначалось термином “профессиография”, результатом его являлись профессиограмма и психограмма личности работника.

II. Профподбор и распределение. Здесь обсуждались психологические вопросы теории и практики оценки имеющихся кадров, а также прогнозирования успешности их будущей работы, консультирования с позиции дифференциальной психологии и психофизиологии. Профотбор применялся в армии, в гражданской и военной авиации, при поступлении кандидатов в школы ФЗУ, техникумы и вузы [11, с. 119–187].

III. Рационализация труда. Предполагалось, что в любой намеченной области могут выполняться работы по психофизиологической рационализации труда. Практика рационализации деятельности опиралась на объяснительные модели работающего человека, источников его активности, закономерностей изменения работоспособности.

IV. Психология воздействия. Исследовались психологические способы воздействия на сознание, эмоциональную сферу, поведение человека, группы людей в интересах общества. Психологи изучали эффективность труда пропагандистов, плакатов по технике безопасности как способов профилактики травматизма и аварийности, новые варианты стимулирования труда, социалистического соревнования, вопросы психологии воздействия в кино, на радио, в СМИ и пр. [11, с. 220–228].

К 1930 г. психотехники работали в системе здравоохранения, в лабораториях крупных предприятий и научных институтов НК труда, на транспорте, в системе народного просвещения, в подразделениях ВСНХ РСФСР, в НК по военным и морским делам СССР [11]. Подготовка кадров

[2] С 1929 по 1937 гг. Наркомпрос РСФСР возглавлял А.С. Бубнов — О.Н.

[3] Постановление Наркомпроса РСФСР и Постановление СНК РСФСР от 1 марта 1931 г. “Об организации педологической работы в республике” — О.Н.

педологов осуществлялась с 1921 г. в педологических отделениях двух крупных вузов страны (в Педагогическом институте имени А.И. Герцена в Ленинграде и 2-м Московском государственном университете). В 1927 г. было организовано "Всероссийское Общество Психотехники и Прикладной Психофизиологии" (ВОП и ПП), в 1930 г. оно получило статус всесоюзного; общество издавало журнал[4], проводило конференции и съезды. Функции методологического центра "ВОП и ПП" выполнял сектор психотехники Московского Гос. НИИ экспериментальной психологии.

Вершиной деятельности прикладных психологов СССР стала VII-я Международная психотехническая конференция (сентябрь 1931 г., г. Москва), в которой участвовали свыше 100 зарубежных делегатов и гостей, включая ведущих европейских психологов (таких как Эдуард Клапаред, Отто Липман, Жан-Мари Ляй, Карл Марбе, Вальтер Мёде, Анри Пьерон, Вильям Штерн и др.).

Л.С. Выготский и психотехника. Выдающийся педолог и психолог Л.С. Выготский участвовал в организации психотехнического движения, а именно: в 1930 г. он был избран заместителем председателя правления "ВОП и ПП", входил в состав редакционной коллегии журнала "Советская психотехника". Осенью 1930 г. на совместном заседании секции психотехники Комакадемии и "ВОП и ПП" Л.С. Выготский выступил с докладом на тему "Педология и психотехника" [3], где представил свое понимание термина "педология" как комплексной науки о развитии ребенка, данные которой полезно использовать в учебно-воспитательной работе с конкретным ребенком; показал соотношение педологии и детской психологии, психологической науки в целом, психотехники и педагогики. Ученый выделил группу новых для психотехники задач (политехнического обучения и воспитания подрастающего поколения, совершенствования трудового и профессионального воспитания подростков, содействия их профессиональной ориентации, консультации в выборе профессионального учебного заведения, в трудоустройстве и др.); соответствующую дисциплину Выготский предложил назвать "*педологической психотехникой*".

В известной рукописи 1927 г. Л.С. Выготский обращался к психологической практике, как одной из главных детерминант открытого кризиса в психологии начала XX века [2]. Он отмечал, что именно психотехника способствовала созданию "железной методологии" научной психологии будущего, так как ответственная социальная практика позволяла сравнивать разные методы исследования и воздействия, их результаты, сопоставлять эффективность прогнозов, опирающихся на разные концепции [2, с. 390]. Именно в практике использования тестов был сделан важный методический прорыв в психологии, ибо эта практика позволила преодолеть постулат непосредственности в изучении психики человека. Ведь тесты были косвенными методами, позволявшими судить о психике другого человека, преодолевая ограничения метода интроспекции.

Содержательная связь педологии и психотехники основывалась на общности прикладных задач, представлений о теоретических основах их решения, обусловленных обращением к природе объектов воздействия (в частности, к *вопросам изменчивости*, *развития* психических качеств людей разного возраста под влиянием упражнения) и методам их исследования.

КРИЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПОИСКИ НОВЫХ НАУЧНЫХ ОСНОВ ПСИХОЛОГИИ В СССР

В работах лидеров советской психологии 1920–1930-х гг. — С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского и их единомышленников — представлены итоги критического анализа ведущих зарубежных и отечественных психологических концепций, результаты поиска новых стратегий исследования, совместимых с философией марксизма. Так А.Р. Лурия выделил следующие подходы и концепции, требовавшие критического пересмотра [10]:

— биологизаторский подход, соединенный с механистической трактовкой главных детерминант человеческого поведения;

— понимание социальной среды как совокупности внешних стимулов, определяющих поведение человека;

— учение о конвергенции факторов наследственности и среды, где человек продолжал оставаться пассивным объектом воздействия двух факторов;

— идеалистические концепции личности (персонализм В. Штерна и др.), пытавшиеся объяснить природу самодвижения, источники активности личности.

Наиболее социально рискованной формой биологизаторского подхода в понимании психики

[4] Журнал менял название: "Психофизиология труда и психотехника" (1928–1929 гг.); "Психотехника и прикладная психофизиология" (1930–1931 гг.); "Советская психотехника" (1932–1934 гг.) — О.Н.

человека стали идеи представителей генетики человека (евгеники). Как известно, в 1920 г. было организовано *Русское евгеническое общество*, издававшее научный журнал, позже действовали евгенические подразделения в институтах АН СССР.

Объективная сложность познания феноменов соотношения биологических и психических процессов, явлений наследственности у живых организмов (и человека, в том числе) оказалась удобной почвой для околонаучных спекуляций и мифов, использованных политиками капиталистических стран. В Западной Европе начала 1930-х гг. идеи евгеники трансформировались в расовые теории, которые были взяты на вооружение национал-социалистами, немецкими и итальянскими фашистами в качестве "научного" обоснования человеконенавистнической, преступной социальной политики. Национал-социалисты Германии, пришедшие к власти в 1933 г., планировали и внедрили в дальнейшем практическую реализацию прав представителей "высшей" расы (арийцев) на управление людьми, относящимися к "второсортным" расам (славянам и пр.). В СССР же в это время поддерживались все народы, в школах обучение детей проводилось на семидесяти языках. Расистские идеи не могли быть приняты советскими коммунистами, что вполне объясняет обострение критики биологизаторских идей в отечественной педологии, педагогике и психологии с начала 1930-х гг.

Советским психологам и педологам тридцатых годов удалось наметить контуры построения научной психологии, преодолевающей недостатки вышеуказанных теоретических подходов на основе марксистской философии и социологии, в частности, положений К. Маркса о ведущей роли труда, как базовой движущей силе цивилизационного развития. Коллективная трудовая деятельность в истории человечества представлялась принципиальной эволюционной новацией, постоянно трансформирующейся по мере совершенствования техники, а также производственных отношений и способов координации совместной активности людей. Овладевая новыми орудиями деятельности и формами взаимодействия в процессе труда, люди перестраивали и свои собственные функциональные ресурсы. Главным основанием, движущей силой развития психики человека, как в филогенезе, так и в онтогенезе, была признана не любая активность человека, но высшая ее форма, активность сознательно регулируемая, обозначенная термином "деятельность", активность, имеющая структурно-функциональные признаки трудовой деятельности. Разработка психологической категории деятельности человека позволила интегрировать влияния на его психическое развитие социальной среды и накопленного в обществе культурного потенциала, понять главные механизмы присвоения личностью общественных достижений и эти идеи составили ядро "культурно-исторической теории психики" Л.С. Выготского. Изменилась трактовка роли биологических, в том числе и наследственных процессов в организме человека, которые из главных факторов его психического развития и функционирования перешли в статус внутренних условий, затрудняющих или облегчающих социализацию личности и эффективность ее целенаправленной деятельности [17]. Оформление марксистской теории деятельности в отечественной психологии потребовало многолетних усилий психологов-теоретиков. Е.А. Будилова проницательно отметила в этой связи, что общие психологи, поставив проблему деятельности как центральную в теории психологии в середине 1930-х гг., не могли воспользоваться опытом профессиографирования, так как психотехника с 1933 г. уже рассматривалась как отрасль науки и практики, не вполне адекватная задачам социализма [1][5].

Проблемы теории и методологии в советской психотехнике. Слабость и односторонность как отечественных, так и зарубежных общепсихологических концепций, школ начала 1920-х гг. вполне осознавалась лидерами прикладной психологии, психотехники. В частности, И.Н. Шпильрейн утверждал, что психотехника является всего лишь собранием методов и технологий практики, дисциплиной внеклассовой и политически нейтральной [24 и др.]. Другими словами, отрыв психотехники от общей психологии в начале 1920-х гг. был закономерным следствием слабости сложившейся общепсихологической теории, ее неадекватности новым задачам практики. Реальной теоретической основой многих работ как зарубежных, так и отечественных прикладных психологов оказалась *функциональная психология*, как научное течение, эклектически соединившее достижения разных психологических школ. В России начала XX века в рамках отечественной функциональной психологии можно выделить, с одной стороны, упоминавшуюся выше рефлексологию В.М. Бехтерева и его учеников (А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева и др.), труды представителей эмпирической психологии (Г.И. Россолимо, А.П. Нечаев и др.); с другой стороны, — функциональную психологию В. Штерна, концепцию его дифференциальной психологии [26], составившую теоретическую основу советской

[5] Сектор психотехники в составе Государственного института психологии в Москве был ликвидирован по итогам очередной "чистки" уже в 1933 г. [7, с. 164].

психотехники. В отличие от бихевиоризма (зарубежного или российского) или классической интроспекционистской школы, представители функциональной психологии рассматривали в качестве единиц своих исследований *целенаправленные действия* человека (любого возраста). Они пытались объединить достоинства понятийного и методического аппарата, накопленные в исследовании феноменов сознания, и в изучении форм поведения, доступных объективному наблюдателю [25, с. 322]. Именно функциональная психология с ее достижениями и принципиальными ограничениями оказалась научной основой прикладной психологии в начале XX века, как в России, так и за рубежом [там же, с. 329]. В отечественной истории психологии функционализм рассматривается вслед за М.Г. Ярошевским, прежде всего, как течение, сложившееся на рубеже XIX–XX века именно в США, но, как нам представляется, стоило бы выделять и европейский функционализм. Именно европейские психологи-функционалисты вошли в состав Международной психотехнической ассоциации, организованной в 1920 г. по инициативе Э. Клапареда. М.Г. Ярошевский указывал на полезные достижения функционализма в качестве основы прикладной психологии и одновременно оценивал это направление психологии, как теоретически несостоятельное, слабое, сменившееся в США бихевиоризмом [там же, с. 329]. Однако мы склонны думать, что функциональная психология не исчезла с оформлением бихевиоризма ни в США, ни в Европе. Функциональная психология продолжала играть роль интегрирующей научной платформы, объединяющей разные ветви прикладной психологии вплоть до начала Второй мировой войны и в послевоенное время. Возможно, трансформированная и обновленная, она жива и в наши дни, примером может служить творчество нашего современника В.К. Шабельникова [19].

К началу 1930-х гг. политическая и теоретическая нейтральность советской психотехники сменилась осознанием важности разработки теоретических основ психотехники, увязанных с положениями общей психологии и других психологических дисциплин. Была обоснована неизбежность классовой ориентации психотехника, действующего в условиях классового общества [20–21], подчеркивалась важность рефлексии выбранных психотехником философских позиций. Этому способствовал накопленный психотехниками собственный опыт, а также изменение социально-политической обстановки в стране, развернутые философские дискуссии, направленные на освоение деятелями всех наук положений диалектического материализма. Эти перемены не были только декларациями; была осуществлена полезная критическая переоценка накопленного научно-методического и практического опыта, обозначены заблуждения прикладных психологов, пересмотрена и скорректирована программа задач психотехников в реконструктивный период [5; 23]. Проведено исследование тестов оценки интеллекта, наиболее распространенных в стране, доказано, что все они не позволяют различать диспозиционно обусловленных способностей и успешности теста, порожденной влиянием культурной среды существования обследуемых лиц [21]. Психотехникам рекомендовалось вместо задач сортировки и подбора кадров — сконцентрировать свои усилия на проблемах развития профессионально-важных качеств, совершенствовании методов профессионального обучения. Если в начале 1920-х гг. психотехники принимали идею о существовании биологически обусловленного “предела” в развитии способностей, то в 1930 годы ими подчеркивалась социальная природа труда, а “предел” понимался как творческая пауза в процессе упражнения [11, с. 194]. Предлагалось учесть, что “*профпригодность можно не только установить, ее можно также развить, во многих случаях даже создать*” [23, с. 282]. При этом указывалась также важность построения предмета научного исследования адекватно выбранному психологом объекту воздействия с учетом своеобразия конкретной ситуации, задач практики [5 и др.].

Итак, нельзя не признать, что в работах психотехников были намечены линии конструктивной разработки научной теории о психике человека, ее развитии и функционировании, тем самым, можно говорить о вкладе прикладной психологии в развитие фундаментальных оснований психологической науки. Но в распоряжении психотехников не было достаточного времени для научной работы по реализации новых программ; кардинально изменились геополитические условия (о чем шла речь выше), а также внутриполитическая и социально-экономическая обстановка в стране.

Изменение социально-экономических и политических условий в СССР в начале 1930-х гг. В эпоху НЭПа страна переживала переходный период, когда были частично восстановлены дореволюционные формы общественной и экономической жизни, для которых были характерны многоукладность экономики**,** пестрота идейных течений. Все это в условиях недостатка квалифицированных кадров способствовало применению в социальной практике работы с детьми методов и технологий, опирающихся на недостаточно проверенные научные идеи, получившие распространение за рубежом.

Революция, голод, дезорганизация жизни общества способствовали введению спорных социальных технологий, объектом которых оказались тысячи детей и подростков.

Каковы же были новые задачи в эпоху социалистической реконструкции? Речь шла о создании основ социализма в стране в условиях враждебного окружения и ожидаемой неизбежной войны. Первые пятилетки (с 1929 г.) были направлены на создание базы социалистической индустрии, способной обеспечить оборонный потенциал страны. Массовая коллективизация в деревне проводилась в целях централизации государственного управления ресурсами питания городского населения, преодоления его зависимости от капризов рынка. С 1930 г. в стране была ликвидирована безработица, биржи труда, поставлена задача устранения неграмотности населения, произведен переход от управления предприятиями на принципах хозяйственного расчета к военно-бюрократическим принципам планирования и единоличного руководства предприятиями. Подобный переход сопровождался отказом от идей научной организации труда и производства, были подвергнуты малообоснованной критике идеи и практика гигиены и охраны труда, технического нормирования труда; заодно с ними и индустриальная психотехника рассматривалась как порождение некритического заимствования буржуазной науки, не адекватной политике реконструктивного периода. Решение новых задач социалистического строительства ликвидировало социальную основу профессионального отбора кадров в промышленности, на первый план выступила задача обучения кадров, и это изменение социального заказа было учтено психотехниками [21; 23 и др.]. Практики профессиональной консультации и профориентации молодежи в интересах личности будущего работника стали рассматриваться как политически неадекватные новой политике партии, ибо каждый гражданин в условиях предвоенной мобилизации должен был сознательно выбрать то дело, которое требовалось стране, оставив свои мечты, как мелкобуржуазные пережитки.

Одновременно с планами технического перевооружения советского общества во весь рост встала задача воспитания и перевоспитания граждан в духе идеалов коммунизма, задача создания нового человека. На достижение этих целей были направлены усилия деятелей искусства, культуры, образования [4; 6]. Успешное перевоспитание малолетних правонарушителей под руководством А.С. Макаренко стало классическим примером самой возможности эффективного управляемого педагогического воздействия. В качестве научной основы выполнения намеченных задач партийное руководство страны использовало положения марксистской философии, учения о том, что развитие общества и все компоненты его “надстройки” определяются “базисом” (материальными ресурсами, трудовой активностью людей). Это положение было распространено и на развитие каждого отдельного человека. Содержание сознания личности рассматривалось, как следствие ее гражданской позиции и общественно-трудовой деятельности. Указанные положения противоречили сложившейся в период НЭПа социальной практике педологов и психотехников, первоначально принятым ими теоретическим основам, базирующимся на понимании биологических свойств человека как главных детерминант его поведения.

Кризис педологии и прикладной психологии в СССР. 4 июля 1936 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов”; исторический контекст причин и условий подготовки этого документа был тщательно исследован с использованием архивных документов [16] и посему оставим эту тему за рамками нашего обсуждения. В данном документе указывались направления практической деятельности педологов в общеобразовательных школах и их идеи, не совместимые с задачами страны эпохи первых пятилеток [15]. Здесь вполне справедливо были отмечены недостатки в сфере народного образования, которые следовало осмыслить и преодолеть, в частности, осуждалась чрезмерно широкая практика организации специальных школ для воспитания и обучения детей, имеющих дефекты здоровья, или трудновоспитуемых, причины которых педологи видели в плохой наследственности, и/или негативном социальном окружении ребенка. Таких детей и специальных школ было слишком много, а их выпускники оказывались дополнительным бременем для общества, но не трудоспособными и полезными гражданами именно потому, что в этих спецшколах, как правило, *не проводилось адекватное воспитательно-образовательное воздействие*, получалось, что воспитанник такой школы обречен на второсортную судьбу, дети оказывались жертвами педологических обследований. Практику педологической сортировки детей требовалось устранить, что и было сделано, однако это было решением, перекладывающим проблемы воспитания трудных подростков и детей с ограничениями по здоровью на рядовых школьных работников — педагогов массовой школы. Сокращение спецшкол, как нам представляется, могло бы и не сопровождаться ликвидацией педологии как отрасли науки, профессии. Можно

было бы, на наш взгляд, наполнить деятельность педологов другим содержанием, поставить перед ними задачи помощи педагогам и родителям в воспитании трудных детей.

Прекращение подготовки педологов, изъятие всех публикаций по педологии, устранение исследований одаренности, способностей и качеств человека методом тестов — все это было проявлением управления наукой и социальными процессами с помощью бюрократических методов. Огульная критика трудов всех педологов нанесла большой вред отечественной науке и практике, так как подобная критика не была конструктивной, "с грязной водой выплеснули ребенка".

Осенью 1936 г. после статьи В.Н. Колбановского "Так называемая психотехника", опубликованной в газете "Известия" [7], были организованы заседания региональных отделений ВОП и ПП, где были приняты решения о самороспуске этой организации[6]. Была запрещена практика тестирования, закрыты практически все психотехнические и психофизиологические лаборатории в стране, прекращена подготовка кадров педологов и психотехников. В течение последующих 20 лет прикладные исследования проводились преимущественно в порядке частной инициативы отдельных психологов и лабораторий.

Восстановление в правах прикладной психологии (психологии труда, социальной психологии, медицинской психологии, юридической, авиационной и военной психологии и пр.) в СССР стало возможным лишь после XX съезда КПСС в 1956 г., на котором был осужден культ личности И. Сталина.

ВЫВОДЫ

1. Постановление ЦК ВКП (б) о педологии можно рассматривать как использование бюрократических методов в государственной регламентации наук о человеке и обществе, проводившееся в обстановке предвоенной мобилизации в условиях политики чрезвычайных мер, сопровождавших построение социализма в стране, а также неоправданных массовых политических репрессий, жертвой которых стал лидер психотехники.

2. Постановление о педологии касалось области слабо исследованных научных проблем. Речь шла о теориях биологических, наследственных детерминант развития психики, поведения людей, представителей разных народов, рас, оказавшихся в центре идеологического противостояния СССР и стран Европы с фашистскими режимами. Риск фашизации общества, фашизации наук и социальной практики возрастает в условиях экономического и политического кризиса.

3. Для современной прикладной психологии — судьба отечественной педологии и психотехники — иллюстрация положения о том, что возникновение, существование или ликвидация научного течения, дисциплин прикладной психологии определяется не только творческой энергией (или злой волей) отдельных людей. Важно учитывать также условия жизни общества и способы государственного управления наукой.

4. Внутринаучными факторами ликвидации психотехники вслед за педологией можно считать общность педологии и психотехники в области теории, методов исследования и воздействия. Общими были концепции дифференциальной психологии, тестологии, функциональной психологии.

5. Кризис педологии и психотехники в России может служить историческим уроком, напоминанием об ответственности представителей социогуманитарных наук и деятелей, занимающихся социальной практикой, перед обществом. История психологии свидетельствует о необходимости научного обоснования вариантов социального проектирования, прогнозирования возможных рисков, совершенствования разновидностей социально-гуманитарной экспертизы, управления социальными процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
2. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса (рукопись 1927 г.) // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 293–436.
3. *Выготский Л.С.* Психотехника и педология // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 2–3. С. 173–181.
4. *Выготский Л.С.* Социалистическая переделка человека // Фронт науки и техники. ВАРНИТСО и СНР. 1930. № 9–10. С. 36–44.

[6] Это решение инициировали руководители психологических учреждений, члены "ВОП и ПП"; этим решением они ограждали себя и своих коллег от ареста по обвинению в контрреволюционной деятельности, ибо в январе 1935 г. был арестован лидер этого общества, И.Н. Шпильрейн (по статье 58 Уголовного кодекса, принятого в 1926 г.). И.Н. Шпильрейн был расстрелян в 1937 г., полностью реабилитирован в 1957 г. [8]. — О.Н.

5. *Геллерштейн С.Г.* Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки // Советская психотехника. 1932. № 1–2. С. 7–36.

6. *Залкинд А.Б.* Основные вопросы педологии. М.: Работник просвещения, 1927.

7. *Колбановский В.Н.* Так называемая психотехника (Газета “Известия” от 23 октября 1936 г.) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 162–165.

8. *Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н.* И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 111–133.

9. *Курек Н.С.* История ликвидации педологии и психотехники. СПб.: Алетейя, 2004.

10. *Лурия А.Р.* Кризис буржуазной психологии // Психология. 1932. № 1–2. С. 63–88.

11. *Носкова О.Г.* История психологии труда в России (1917–1957). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

12. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.

13. *Петровский А.В.* Непрочитанные страницы истории психологии — тридцатые годы // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 125–138.

14. *Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П.* Мифическое и реальное в судьбе советской педологии // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 123–136.

15. Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. “О педологических извращениях в системе Наркомпросов” // Сборник руководящих материалов о школе. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1952. С. 95–99.

16. *Родин А.М.* Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 92–98.

17. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. (1 изд. — — 1940).

18. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1881. 5 изд. Т. 1, Т. 2.

19. *Шабельников В.К.* Функциональная психология. (Формирование психологических систем). М.: Академический проект, 2004.

20. *Шпильрейн И.Н.* К вопросу о теории психотехники // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 156–169.

21. *Шпильрейн И.Н.* Классовые различия в тестовых испытаниях интеллекта // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 1. С. 3–8.

22. *Шпильрейн И.Н.* Научная организация психотехники // Время. 1924. № 4. С. 19.

23. *Шпильрейн И.Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 247–285.

24. *Шпильрейн И.Н.* Предисловие к книге Э. Штерна “Прикладная психология. Методы и результаты”. М.: Красная новь, 1924. С. 3–5.

25. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976. С. 318–329.

26. *Stern W.* Die differentielle Psychology in ihren methodischen. Grundlagen. Bern-Göttingen-Toronto-Seattle: Verlag Hans Hüber, 1921.

PEDOLOGY AND APPLIED PSYCHOLOGY IN RUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

O. G. Noskova

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
Doctor of Psychological Sciences, the Professor, Professor of Department of Psychology of Work and Engineering Psychology.
E-mail: nog4813@mail.ru

Received 11.06.2021

Abstract. The article examines the formation and liquidation of pedology and psychotechnics in Russia in the 1920s-1930s. The general and the different in practical tasks and scientific problems of pedology, psychotechnics and general psychology are discussed the position of L.S. Vygotsky on the relationship between pedology and psychotechnics.The crisis of pedology and psychotechnics and their elimination after the Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) on pedology (1936) correlates with the mistakes of the representatives of these disciplines, as well as the change in the socio-economic and ideological-political conditions of society in the USSR during the reconstruction period, as well as with the aggravation political confrontation

between communism and national socialism in pre-war Europe.Conclusions are drawn about the responsibility of applied psychology to society when it intervenes in the tasks of social practice.

Keywords: pedology, psychotechnics, applied psychology, general psychology, crisis of pedology, practical tasks, scientific problems, social practice, public administration of science

REFERENCES

1. *Budilova E.A.* Filosofskie problemy v sovetskoj psihologii. Moscow: Nauka, 1972 (In Russian).
2. *Vygotsky L.S.* Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa (rukopis' 1927 g.). Vygotsky L.S. Sobranie sochinenij v 6 t. Moscow: Prosveshcheniye, 1982. V. 1. P. 293–436. (In Russian).
3. *Vygotsky L.S.* Psihotekhnika i pedologiya. Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda. 1931. 2–3. P. 173–181. (In Russian).
4. *Vygotsky L.S.* Socialisticheskaya peredelka cheloveka. Front nauki i tekhniki VARNITSO i SNR. 1930. 9–10. P. 36–44. (In Russian).
5. *Gellerstein S.G.* Problemy psihotekhniki na poroge vtoroj pyatiletki. Sovetskaya psikhotekhnika. 1932. 1–2. P. 7–36. (In Russian).
6. *Zalkind A.B.* Osnovnye voprosy pedologii. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1927. (In Russian).
7. *Kolbanovsky V.N.* Tak nazyvaemaya psihotekhnika (Izvestia. October 23, 1936). Psikhologicheskii zhurnal. 1992. V. 13. № 3. P. 162–165. (In Russian)
8. *Koltsova V.A., Noskova O.G., Oleinik Yu.N.* I.N. Shpil'rejn i sovetskaya psihotekhnika. Psikhologicheskii zhurnal. 1990. V. 11. 2. P. 111–133. (In Russian).
9. *Kurek N.S.* Istoriya likvidacii pedologii i psihotekhniki. Saint Petersburg: Aleteyya, 2004. (In Russian).
10. *Luria A.R.* Krizis burzhuaznoj psihologii. Psikhologiya. 1932. № 1–2. P. 63–88. (In Russian)
11. *Noskova O.G.* Istoriya psihologii truda v Rossii (1917–1957). Moscow: Izd-vo. Mosk. un-ta, 1997. (In Russian)
12. *Petrovsky A.V.* Istoriya sovetskoj psihologii. Formirovanie osnov psihologicheskoj nauki. Moscow: Prosveshcheniye, 1967. (In Russian)
13. *Petrovsky A.V.* Neprochitannye stranicy istorii psihologii — tridcatye gody. Psikhologicheskii zhurnal. 1988. V. 9. № 4. P. 125–138. (In Russian)
14. *Piskoppel A.A., Shchedrovitsky L.P.* Mificheskoe i real'noe v sud'be sovetskoj pedologii. Psikhologicheskii zhurnal. 1991. V. 12. № 6. P. 123–136. (In Russian)
15. Postanovlenie CK VKP (b) ot 4 iyulya 1936 g. "O pedologicheskih izvrashcheniyah v sisteme Narkomprosov". Sbornik rukovodyashchikh materialov o shkole, 1952. Moscow: Izd-vo APN RSFSR. P. 95–99. (In Russian)
16. *Rodin A.M.* Iz istorii zapreta pedologii v SSSR. Pedagogika. 1998. № 4. P. 92–98. (In Russian)
17. *Rubinstein S.L.* Osnovy obshchej psihologii. Moscow: Piter, 1999 (1-e izd. — 1940). (In Russian)
18. *Ushinsky K.D.* Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoj antropologii. Saint Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva. 5 izd. 1881. V. 1, V. 2. (In Russian)
19. *Shabelnikov V.K.* Funkcional'naya psihologiya. (Formirovanie psihologicheskih sistem). Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2004. (In Russian)
20. *Shpilrein I.N.* K voprosu o teorii psihotekhniki. Psikhologicheskii zhurnal. 1998. V. 19. № 3. P. 156–169. (In Russian)
21. *Shpilrein I.N.* Klassovye razlichiya v testovyh ispytaniyah intellekta. Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda. 1930. № 1. P. 3–8. (In Russian)
22. *Shpilrein I.N.* Nauchnaya organizaciya psihotekhniki. Vremya. 1924. № 4. P. 19. (In Russian)
23. *Shpilrein I.N.* O povorote v psihotekhnike. Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda. 1931. № 4–6. P. 247–285. (In Russian)
24. *Shpilrein I.N.* Predislovie k knige E. Shterna "Prikladnaya psihologiya. Metody i rezul'taty". Moscow: Krasnaya nov', 1924. P. 3–5. (In Russian)
25. *Yaroshevsky M.G.* Istoriya psihologii. Moscow: Mysl', 1976. P. 318–329. (In Russian)
26. *Stern W.* Die differentielle Psychology in ihren methodischen Grundlagen. Bern-Göttingen-Toronto-Seattle: Verlag Hans Hüber, 1921.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 92–98

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9:331.101.3

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. БОДРОВА)[1]

© 2021 г. А. Л. Журавлев*, А. А. Обознов, Ю. В. Бессонова*****

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.
**Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
***Доктор психологических наук, главный научный сотрудник, там же.*
E-mail: aao46@mail.ru
****Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, там же.*
E-mail: farandi@mail.ru

Поступила 11.09.2021

Аннотация. Рассматриваются ключевые понятия и основные результаты исследований психофизиологического и психолого-педагогического направлений психологии профессиональной деятельности — раздела психологической науки, который предложил и разрабатывал В.А. Бодров. Анализируется его понимание основных понятий, таких как: работоспособность, профессиональная и функциональная надежность человека, профессиогенез. Описывается профессиогенетический подход применительно к становлению специалиста. Обсуждаются возможности формирования у профессионала мотивации его деятельности.

Ключевые слова: психология профессиональной деятельности, направления исследований, работоспособность человека, профессиональная и функциональная надежность, профессиогенез, профессиогенетический подход.

DOI: 10.31857/S020595920017746-6

Имя Вячеслава Алексеевича Бодрова (01.10.1931–06.02.2012), Заслуженного деятеля науки и техники Российской Федерации, лауреата Премии РАН в области психологии имени С.Л. Рубинштейна, профессора психологии труда, доктора медицинских наук имеет широкую известность. Его фундаментальные труды, посвященные проблемам работоспособности человека, профессиональной пригодности и надежности, развития личности профессионала, психологического стресса и утомления, психологического отбора, стали классическими. Главные результаты своих многолетних и плодотворных" исследований Бодров обобщил в книге "Психология профессиональной деятельности", вышедшей в свет в 2006 году [8]. В ней изложены основы психологии профессиональной деятельности — раздела психологической науки, предметом изучения которого являются психологические закономерности трудового процесса, особенности личности субъекта труда во взаимосвязи со средствами труда, процессом, условиями и организацией профессиональной деятельности. При изложении понятийного аппарата психологии профессиональной деятельности Бодров использовал термин "категория" как понятие высшего уровня обобщения, не сводимого к понятиям монодисциплинарного уровня, используемым в психологии и смежных научных дисциплинах — физиологии и медицине труда, эргономике и других науках, изучающих человека в мире профессий. В психологии профессиональной деятельности основополагающими стали категории работоспособности, профессиональной пригодности, функциональных состояний, надежности, стрессоустойчивости и некоторых других социально-биологических свойств человека как субъекта трудовой деятельности.

Бодров выделил 4 основных направления отечественных исследований по психологии про-

[1] Статья подготовлена по госзаданию № 0138-2021-0010.

фессиональной деятельности, проводившихся начиная с 60-х годов прошлого века [там же]. В исследованиях *психофизиологического* направления изучались свойства человека, определявшие его работоспособность и ее зависимость от уровня функциональных резервов; анализировались процессы психической регуляции профессиональной деятельности, а также функциональные состояния, методы их контроля и управления ими; рассматривалось влияние индивидуально-психологических различий на эффективность и качество деятельности; выявлялись психофизиологические механизмы адаптации к условиям деятельности. В исследованиях *системотехнического* направления изучались инженерно-психологические вопросы построения систем "человек–машина", разрабатывались принципы проектирования деятельности человека-оператора и методы инженерно-психологической экспертизы систем "человек–машина", решались задачи распределения функций между человеком-оператором и автоматикой. Изучались проблемы надежности и эффективности операторской деятельности при автоматизации управления системами "человек-машина", влияния компоновки рабочего места человека-оператора на управление этими системами и целый ряд других вопросов. В исследованиях *эксплуатационного* направления рассматривались психологические и психофизиологические вопросы влияния человеческого фактора на надежность функционирования технических систем, разрабатывались методы контроля функционального состояния человека, способы оптимизации режимов труда и отдыха, нормирования рабочей нагрузки и т.п. В исследованиях *психолого-педагогического* направления разрабатывались проблемы психологии профессиональной пригодности, в том числе, психологический профессиональный отбор специалистов и комплектование рабочих групп, принципы и методы профессиональной подготовки специалистов, математические модели их обучения и тренировки, требования к адаптивным тренажерам [там же].

Бодров и его сотрудники проводили экспериментальные и эмпирические исследования профессиональной деятельности по всем указанным направлениям, но главными стали психофизиологическая и психолого-педагогическая линии, основные результаты которых анализируются в данной статье.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данном направлении базовыми являются категории работоспособности и функциональных состояний человека, а центральными служат понятия профессиональной и функциональной надежности. *Работоспособность* рассматривается в исследованиях Бодрова "как одно из основных социально-биологических свойств человека, отражающих его возможность выполнять конкретную работу в течение заданного времени и с требуемыми эффективностью и качеством" [8, с. 37]. Свойство работоспособности образуется вследствие включения человека в профессиональную деятельность, проявляется и оценивается в его деятельности [2]. В структуре работоспособности им выделялись 3 компонента:

— профессиональный опыт и подготовленность, определявшиеся уровнем развития, пластичностью и устойчивостью специальных (профессиональных) знаний, навыков и умений;

— направленность личности специалиста, определявшаяся характером и степенью выраженности потребностей, психологических установок и мотивов деятельности;

— функциональные состояния организма и величина его резервных возможностей, определявшиеся состоянием здоровья, наличием у человека утомления (переутомления), нервно-психического напряжения, "трудных" психических состояний.

Уровень и динамика работоспособности зависели от множества других факторов и условий, в том числе: психологических, физиологических и физических особенностей человека как субъекта профессиональной деятельности; эргономических характеристик рабочего места и рабочей среды; содержания и организации деятельности и др. Категория работоспособности рассматривалась в 2-х аспектах. Во-первых, как ее актуальный уровень в текущий период времени. Данный аспект рассмотрения был основным при эмпирических исследованиях работоспособности в конкретных видах профессиональной деятельности. Главными показателями работоспособности считались результаты деятельности и психофизиологические затраты человека (психофизиологическая "цена" деятельности). Во-вторых, работоспособность могла рассматриваться и как потенциальная возможность (способность) субъекта труда выполнять конкретную работу с определенной эффективностью и качеством [8].

Содержание категории *функционального состояния* субъекта труда во многом совпадало с содержанием третьего компонента работоспособности. В работах Бодрова наибольшее внимание уделялось изучению двух видов функциональных состояний — стресса и утомления. Результаты этих исследований отражены в его монографиях [9; 10] и не рассматриваются в данной статье.

Понятие *функциональной надежности* предложено В.А. Бодровым для отражения роли состояния психических и физиологических функций человека в обеспечении профессиональной надежности. Функциональная надежность понимается как "свойство функциональных систем человека-оператора обеспечивать его динамическую устойчивость при выполнении профессиональной задачи в течение времени и с заданным качеством" [15, с. 36]. Функциональная надежность позволяет за счет мобилизации резервных возможностей организма поддерживать требуемый уровень энергетического и информационного обеспечения устойчивой работоспособности субъекта труда. Таким образом, содержание понятия функциональной надежности также соотносится с содержанием третьего компонента работоспособности. Специального рассмотрения требует вопрос о характере связей между показателями состояния психических и физиологических функций (функциональная надежность), с одной стороны, и устойчивостью показателей профессиональной деятельности, ее безошибочностью (профессиональная надежность), с другой. Как отмечал Бодров, между функциональной и профессиональной надежностью может существовать причинно-следственная связь, однако, она не всегда является прямой и непосредственной [3].

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данном направлении базовыми являются категории профессиональной пригодности и профессиогенеза. К основным относятся понятия профессиональной адаптации, профессионального обучения и подготовки личности профессионала, профессиональной мотивации и др. Категория профессиональной пригодности выражает степень соответствия между возможностями человека освоить и успешно выполнять определенную профессиональную деятельность, с одной стороны, и требованиями этой деятельности к человеку, с другой. Достижение такого соответствия означает решение проблемы профессиональной пригодности и сводится к взаимной адаптации человека и профессиональной деятельности. Взаимная адаптация и достижение указанного соответствия реализуется в двух встречных направлениях:

— "от человека к профессии", т.е. за счет адаптации профессиональной деятельности, ее требований, содержания и организации, а также условий рабочей среды в зависимости от возможностей человека;

— "от профессии к человеку", т.е. за счет адаптации свойств, установок, отношений и других характеристик человека в зависимости от требований, содержания и организации профессиональной деятельности, а также условий рабочей среды и других профессиональных факторов [7].

Основным в исследованиях В.А. Бодрова было направление "от профессии к человеку". Данный выбор был, на наш взгляд, обоснованным. Цели, средства и способы профессиональной деятельности, ее ожидаемые результаты выступают перед человеком как задаваемое обществом рабочее задание, которое должно быть выполнено. Исходя из положения А.Н. Леонтьева о том, что "в обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приноравливать свою деятельность, ...что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы; словом, что общество производит деятельность образующих его индивидов" [17, с. 83], профессиональная деятельность содержит еще и указания на мотивы, которые определяются общественным предназначением деятельности, а также ее содержанием и которыми должен руководствоваться субъект профессиональной деятельности при всем многообразии своих личных устремлений. Профессиональная деятельность, результаты которой не соответствуют общественным запросам, перестает существовать, а ее участники становятся невостребованными. Поэтому в исследованиях профессиональной пригодности требования профессии к человеку должны рассматриваться как исходные и неизменные, которые человеку надлежит выполнять и к которым он должен адаптироваться. При этом профессиональная пригодность достигается не только за счет освоения и применения субъектом профессиональных знаний, умений и компетенций, но и посредством активного развития своих психических и личностных свойств, установок и отношений для адаптации к требованиям конкретных профессий. Совокупность проблем становления профессионала обозначается Бодровым термином *профессиогенез*, а соответствующий методологический подход к развитию профессионала — как *профессиогенетический*. Данный подход основывается

на изучении закономерностей психологического и социального развития человека как субъекта конкретной профессии, предусматривает возможность активного формирования профессиональной пригодности и развития личности профессионала. Кроме того, профессиогенетический подход ориентирован не только на развитие личности профессионала, но и психологический анализ существующих и перспективных видов деятельности, процессов адаптации субъекта профессиональной деятельности к ней, согласования его ресурсных возможностей и требований профессии [4–8].

Профессиогенетический подход был реализован Бодровым через исследования процесса *профессионализации* субъекта труда, который рассматривался в таких аспектах, как:

— процесс развития личности, проявляющийся, прежде всего, в формировании профессиональных способностей, профессионально-важных качеств и мотивов, специфичных для определенной деятельности;

— процесс социализации, проявляющийся в усвоении субъектом деятельности социальных норм, преобразовании социального опыта в собственные профессионально ориентированные личностные установки и ценности, принятии социальных ролей и общественных задач;

— профессиональное самоопределение и самореализация субъекта труда с использованием умений самопознания, самоконтроля и саморегуляции [7].

Под руководством и при участии Бодрова проведен цикл многолетних исследований разных сторон процесса профессионализации, прежде всего, представителей экстремальных профессий — летчиков, подводников, спасателей. Особенности формирования специфичных профессиональных мотивов деятельности рассматривались применительно к профессионализации спасателей. Показано, что специфика целей и содержания их рабочих задач в ходе профессионализации трансформируется в ментальную структуру в виде профессионально специфичного для работы спасателя содержания вектора “мотив–цель” [11]. Изучение процесса формирования специфичных профессиональных мотивов для конкретной деятельности потребовало модификации используемых методических приемов, в частности, методики репертуарных решеток Дж. Келли. Результаты исследований мотивации и личности спасателей с применением модифицированного варианта данной методики показали возможность ее использования для прослеживания процесса формирования профессиональных мотивов, характерных для работы спасателей [12].

Возможность формирования профессионально-важных качеств в ходе профессионализации изучалась на примере курсантов летных училищ (более 650 человек) в течение четырехлетнего обучения. По результатам ежегодных исследований когнитивных (мыслительных, имажинитивных, аттенционных, мнемических) и сенсомоторных профессионально-важных качеств было показано, что в процессе профессионализации возрастала степень их структурированности, т.е. усиление связей между отдельными качествами и их объединение в структуры, типичные для больших массивов курсантов. Полученные результаты позволили доказать, что процесс профессионализации курсантов сопровождался формированием у них специфичных для летной профессии структур профессионально-важных качеств. При этом выявлена взаимосвязь особенностей этих структур на каждом этапе измерения с успешностью летного обучения. Между хорошо и слабо подготовленными курсантами установлены различия в темпе структуризации профессионально-важных качеств и уровне развития некоторых из них [16]. Важным следствием специфичности формируемых в процессе профессионализации структур профессионально-важных качеств стали выявленные различия между совокупностями этих качеств у курсантов на этапах обучения и последующего профессионального выполнения летной деятельности. Представленные результаты объясняют, почему успешное освоение деятельности человеком еще не означает ее эффективное выполнение в последующем [1; 5; 14].

В ходе профессионализации отчетливо проявляется активная роль субъекта деятельности в адаптации своих личностных качеств к требованиям профессии. В работе В.А. Бодрова и Н.Ф. Лукьяновой приведены результаты зарубежных исследований, позволивших установить личностный профиль летчиков-аварийщиков, который включал двенадцать качеств личности, в том числе: легкомыслие, недисциплинированность, рассеянность, нерешительность, ожидание неблагоприятных событий и др. Однако как показали авторы работы, теснота прямых связей между личностными качествами летчиков-аварийщиков и их предрасположенностью к ошибочным действиям, приводившим к летным происшествиям, как правило, была невысокой и находилась в пределах $r = 0{,}2 \div 0{,}3$. Кроме того, эти связи часто носили противоречивый характер. Например, одна и та же личностная характеристика могла быть как связанной, так и не связанной с ошибочными действиями. Далее, большая группа летчиков

и курсантов летных училищ с профессионально неблагоприятными личностными качествами сумела успешно адаптироваться к условиям и требованиям летной деятельности за счет частичной компенсации и коррекции, а также развития профессионально благоприятных черт личности [13]. Поэтому при оценке профессиональной пригодности человека необходимо учитывать его инициативные возможности компенсировать проявления профессионально неблагоприятных личностных качеств и вырабатывать у себя требуемые личностные и профессионально важные качества [5; 7].

Профессиогенетический подход получил развитие в исследовании профессиональной переориентации лиц зрелого возраста. Показано, что проблема профессионализации личности у них приобрела новое содержание, что связано с наличием уже имевшегося профессионального опыта, устойчивыми ценностными ориентациями, определенными жизненными планами, социальными, психологическими и экономическими установками. Процесс профессионализации зависел от ситуации переориентации (добровольная или вынужденная), демографических и профессиональных особенностей контингента лиц зрелого возраста, содержания предыдущей работы, а также от личностных особенностей этих лиц, в том числе, интернальности/экстернальности, интровертированности/экстравертированности, уровня тревожности, успешности адаптации к новой деятельности и др. [18].

Таким образом, в работах Бодрова и его сотрудников профессиональная пригодность субъекта деятельности понималась и как процесс, и как результат взаимной адаптации его возможностей и требований профессии. При этом становление и достижение профессиональной пригодности рассматривались с позиции профессиогенетического подхода, т.е. как процесс формирования профессионала, его личности под активным социально-педагогическим воздействием. Профессиогенетический подход предполагал развитие у субъекта деятельности стремления к встречной активности по приобретению своих возможностей для эффективного и надежного выполнения общественно востребованной миссии — достижения ожидаемых обществом результатов профессиональной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное наследие В.А. Бодрова охватывает практически все разделы психологии применительно к профессиональной деятельности человека. Это можно объяснить тем, что в профессиональную деятельность включены не отдельные психические процессы, а в целом обладающий психикой человек. Чтобы выявить влияние психических процессов и личностных свойств на показатели качества и надежности профессиональной деятельности, эти процессы и свойства необходимо рассматривать как взаимосвязанные и объединенные в определенные структуры. Другими словами, исследователю необходим системный взгляд, предполагающий включенность в деятельность, по сути, всех психических процессов, личностных свойств и феноменов сознания. Именно такой взгляд характерен для исследований Бодрова. В наибольшей мере системность рассмотрения психики проявилась в содержании монографий последнего десятилетия его жизни, в которых он изложил основы психологии профессиональной деятельности. В них анализировались интегральные социально-биологические свойства человека как субъекта профессиональной деятельности — работоспособность, функциональные состояния, профессиональная пригодность и др. Конкретные психические процессы и личностные качества рассматривались как составляющие интегральных социально-биологических свойств. Представляется, что данный методологический подход является перспективным и заслуживает дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодров В.А.* Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 2. С. 85–94.
2. *Бодров В.А.* Работоспособность человека-оператора и пути ее повышения // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 3. С. 107–117.
3. *Бодров В.А.* Проблема профессиональной и функциональной надежности оператора // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 142–149.
4. *Бодров В.А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы личности профессионала / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1991. С. 3–26.
5. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001.
6. *Бодров В.А.* Профессиогенетический подход к проблеме формирования профессионала // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Брушлинского и А.В. Карпова. М.-Ярославль: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2001. С. 54–72.
7. *Бодров В.А.* Методологические и теоретические вопросы изучения проблемы профессиональной

пригодности субъекта труда // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004. С. 10–27.

8. *Бодров В.А.* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
9. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
10. *Бодров В.А.* Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009.
11. *Бодров В.А., Бессонова Ю.В.* Развитие профессиональной мотивации спасателей // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 45–56.
12. *Бодров В.А., Бессонова Ю.В., Сыркина А.Л.* Исследование содержательных характеристик ценностно-смысловой сферы профессионала методом репертуарных решеток // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 353–373.
13. *Бодров В.А., Лукьянова Н.Ф.* Личностные особенности пилотов и профессиональная эффективность // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 51–65.
14. *Бодров В.А., Малкин В.Б., Покровский Б.Л., Шпаченко Д.И.* Психологический отбор летчиков и космонавтов // Проблемы космической биологии. Т. 48. М.: Наука, 1984.
15. *Бодров В.А., Орлов В.Я.* Психология и надежность человека в системах управления техникой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1998.
16. *Бодров В.А., Писаренко Ю.Э.* Исследование структуры и динамики развития летных способностей // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3. С. 65–77.
17. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
18. *Ратникова М.А.* Исследование психологических особенностей профессиональной переориентации в зрелом возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999.

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY: PSYCHOPHYSIOLOGICAL AND PSYCHO-PEDAGOGICAL DIRECTIONS OF RESEARCH (ON THE 90-TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. A. BODROV)[2]

A. L. Zhuravlev*, A. A. Oboznov, Yu. V. Bessonova*****

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
**Academic of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
***Doctor of Psychology, Chief Researcher.*
E-mail: aao46@mail.rul
****PhD in Psychology, Senior Researcher.*
E-mail: farandi@mail.ru

Received 11.09.2021

Abstract. The article presents the key ideas and the main results of the psychophysiological and psycho-pedagogical studies in the psychology of professional activity — a direction of psychological research created and developed by V.A. Bodrov. Some key concepts has been analyzed — work performance, work and functional reliability, professiogenesis. The professiogenetic approach to the professional development have been described. The ability of work motivation development is discussed.

Keywords: psychology of professional activity, direction of research, work performance, professional and functional reliability, professiogenesis, professiogenetic approach.

[2] The article was prepared according to state assignment No. 0138-2021-0010.

REFERENCES

1. *Bodrov V.A.* Problemy professional'nogo psihologicheskogo otbora. Psikhologicheskii zhurnal. 1985. V. 6. № 2. P. 85–94. (In Russian)
2. *Bodrov V.A.* Rabotosposobnost' cheloveka-operatora i puti eyo povysheniya. Psikhologicheskii zhurnal. 1987. V. 8. № 3. P. 107–117. (In Russian)
3. *Bodrov V.A.* Problema professional'noj i funkcional'noj nadezhnosti operatora. Psikhologicheskii zhurnal. 1989. V. 10. № 4. P. 142–149. (In Russian)
4. *Bodrov V.A.* Psihologicheskie issledovaniya problemy professionalizacii lichnosti. Psihologicheskie issledovaniya problemy lichnosti professionala. Ed. V.A. Bodrov. Moscow: In-t psihologii AN SSSR, 1991. P. 3–26. (In Russian)
5. *Bodrov V.A.* Psihologiya professional'noj prigodnosti: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: PER SE, 2001. (In Russian)
6. *Bodrov V.A.* Professiogeneticheskij podhod k probleme formirovaniya professionala. Psihologiya sub"ekta professional'noj deyatel'nosti. Eds.: A.V. Brushlinskij i A.V. Karpov. Moscow.-Yaroslavl': Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2001. P. 54–72. (In Russian)
7. *Bodrov V.A.* Metodologicheskie i teoreticheskie voprosy izucheniya problemy professional'noj prigodnosti sub"ekta truda. Professional'naya prigodnost': sub"ektno-deyatel'nostnyj podhod. Ed. V.A. Bodrov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2004. P. 10–27. (In Russian)
8. *Bodrov V.A.* Psihologiya professional'noj deyatel'nosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2006. (In Russian)
9. *Bodrov V.A.* Psikhologicheskii stress: razvitie i preodolenie. Moscow: PER SE, 2006. (In Russian)
10. *Bodrov V.A.* Professional'noe utomlenie: fundamental'nye i prikladnye problemy. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
11. *Bodrov V.A., Bessonova Yu.V.* Razvitie professional'noj motivacii spasatelej. Psikhologicheskii zhurnal. 2005. V. 26. № 2. P. 45–56. (In Russian)
12. *Bodrov V.A., Bessonova Yu.V., Syrkina A.L.* Issledovanie soderzhatel'nyh harakteristik cennostno-smyslovoj sfery professionala metodom repertuarnyh reshetok. Problemy fundamental'noj i prikladnoj psihologii professional'noj deyatel'nosti. Eds. V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2008. P. 353–373. (In Russian)
13. *Bodrov V.A., Luk'yanova N.F.* Lichnostnye osobennosti pilotov i professional'naya effektivnost'. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 2. P. 51–65. (In Russian)
14. *Bodrov V.A., Malkin V.B., Pokrovskij B.L., Shpachenko D.I.* Psikhologicheskii otbor lyotchikov i kosmonavtov. Problemy kosmicheskoj biologii. V. 48. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
15. *Bodrov V.A., Orlov V.Ya.* Psihologiya i nadyozhnost' cheloveka v sistemah upravleniya tekhnikoj. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998. (In Russian)
16. *Bodrov V.A., Pisarenko Yu.E.* Issledovanie struktury i dinamiki razvitiya lyotnyh sposobnostej. Psikhologicheskii zhurnal. 1994. V. 15. № 3. P. 65–77. (In Russian)
17. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow: Politizdat, 1975. (In Russian)
18. *Ratnikova M.A.* Issledovanie psihologicheskih osobennostej professional'noj pereorientacii v zrelom vozraste: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 1999. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 99–110

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 316.47

ОБРАЗ РОССИИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО КОДА КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ[1]

© 2021 г. Л. В. Матвеева*, Т. Я. Аникеева, Ю. В. Мочалова***, О. Б. Степанова******

Московский государственный университет;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии.*
E-mail: matweewa-com@yandex.ru
***Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии.*
E-mail: anikeeva-07@mail.ru
****Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории инженерной психологии кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии.*
E-mail: vassom@mail.ru
*****Кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии.*
E-mail: psy_stob@mail.ru

Поступила 08.02.2021

Аннотация. Изучение культурных представлений о России, ее образа у молодежи из различных регионов страны, в соотнесении с имеющимися у нее образами других стран, является важной исследовательской проблемой. В исследовании, проведенном методом психосемантического шкалирования, объектами оценки выступали образы “Россия — страна”; “Будущая Россия”, “США”, “Китай”. Участниками являлись молодые люди и девушки из Москвы, Перми и Тюмени. Категориальные структуры представлений молодежи о стране, выявленные в трех регионах, имеют содержательно сопоставимые факторы. Наиболее значимые из них “Благосостояние, прогрессивность страны”, “Уровень субъективной социальной дистанции” по отношению к стране (шкала “родная”/”чужая”) и “Цивилизационная соотнесенность страны” (ее принадлежность к западной или восточной цивилизации). Ценностно-смысловая составляющая культурных кодов российской цивилизации, представлена категориями “красота”, “щедрость”, “милосердие”, “доброта”, “духовность”, “нравственность”.

Ключевые слова: ценностно-смысловые коды, российская молодежь, категориальная структура представлений о стране, образ России, образы стран Восточной и Западной цивилизации.

DOI: 10.31857/S020595920017076-9

Образ страны является одним из важнейших культурных представлений человека, с которым он соотносит образ себя, своей семьи и социального окружения в настоящем и в будущем. В основу образа страны, сложившегося как у ее жителей, граждан, так и у представителей других стран, заложены представления о ее географической уникальности, природных ресурсах, истории народа, населяющего эту территорию, символического капитала культуры, а также представления о будущей судьбе страны во времени [2; 7; 8; 15; 26]. Актуальными носителями таких перспективных представлений являются, прежде всего, молодые жители страны. Поэтому изучение культурных представлений о России, ее образа у молодежи, проживающей в различных регионах страны, в соотнесении с имеющимися у нее образами других стран и цивилизаций, является важной исследовательской проблемой.

В 2011 г. один из первых исследователей в области “мягкой силы” Джозер С. Най [24] описал “два великих перехода XXI века”: вертикальный переход или “диффузия власти”, который осуществляется через доступ к информации как инструменту власти большого числа пользователей. Второй переход, названный “горизонтальным”, реализуется в связи с появлением новых центров власти и мирового развития на Востоке, благодаря росту

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01156.

Китая и Индии. Россия в этой ситуации становится геополитическим "мостом" между двумя центрами силы Запада и Востока, а ее молодежь попадает под перекрестный информационный поток "мягкой силы" Запада и "мягкого обаяния" Востока, в котором стратегии влияния базируются на морально-этических основах конфуцианства и ведических учений [6; 11].

Всякое общество в интересах своей устойчивости и выживания транслирует своим членам, и в первую очередь, подрастающему поколению требования и правила своей культуры для воспитания и воспроизведения людей данной культуры (так называемых "культурных индивидов"), идентифицирующих себя с бытовой, семейной, политической, художественной и духовной традициями этого общества [1; 3; 20–23].

С. Московичи рассматривал традиции с точки зрения понятия социальных представлений [14]. Устойчивость социальных представлений в обществе фиксируют культурные традиции. Традиция — это основной социальный капитал народа, который обеспечивает сохранность его исторической судьбы [19]. А исторические традиции взращивают, воспитывают моральный национальный характер, менталитет народа, обеспечивая его уникальность и самобытность [18].

Выражение традиций и идеалов, целей и ценностей культуры в ритуалах, обрядах, пословицах, в знаках и символах представляет собой культурные коды конкретного общества. Л.Г. Свитич [17, с. 76] проанализировала более 30 тысяч пословиц и поговорок, собранных и опубликованных В.И. Далем [4], и систематизированных ею по смыслу, с использованием метода частотного анализа. Основные характеристики и ценности русского народа расположились на основе статистических закономерностей следующим образом: сначала ценности общинности — от семьи, через род к Родине (6155 пословиц). Затем ценности труда и его плодов, уважение ремесла, трудолюбия, земли-кормилицы и работы на ней (5658). Третий блок — это вера, как православная, так и остатки языческой, традиции и праздники которой как бы "сплавились" с православными (2803). Но самое большое место по степени частотности (15516 пословиц) занимают нравственные ценности или, если говорить в терминах В.И. Даля: "добродетели и пороки". Также большой ценностью для русского народа является уважение к уму человека, стремление к познанию, просвещению.

Необходимо отметить, что, по мнению российских аналитиков [10], в настоящее время представителями иностранных СМИ ведется "информационная атака на символические области и убеждения россиян, — через образы восприятия". При этом "под прицелом" оказываются ценности, традиционные для нашей страны.

Исходя из вышеизложенного, сформулирована **цель исследования**: изучение психосемантическим методом представлений молодежи различных регионов страны об образе России в сопоставлении с образами других стран, принадлежащих к западной цивилизации (США) и восточной цивилизации (Китай), а также анализ ценностно-смысловой составляющей в структуре представлений молодежи.

МЕТОДИКА

Исследование проводилось методом семантического дифференциала [16, 25], что позволяет изучать категориальную структуру индивидуального и группового сознания, выявлять иерархию и динамику смысловых представлений и личностно значимых ценностей. В нашу задачу входило построить частные семантические пространства представлений о России и других странах у молодежи Москвы (европейская часть страны), Перми (уральский регион) и Тюмени (западно-сибирский регион страны). Критериями выбора регионов были географический и цивилизационный. Основанием послужили результаты наших более ранних исследований [13].

Для проведения исследования нами была специально создана и апробирована психосемантическая шкала из 49 оппозиций, имеющая семибалльную градацию и описывающая образ страны с точки зрения ее силы и авторитета на международной арене, активности в преобразованиях, а также различных аспектов оценки: опасности/безопасности, патриотизма, самобытности, режима управления, духовных и нравственных ценностей, когнитивного компонента восприятия, уровня субъективной социальной дистанции (родная/чужая) и цивилизационной принадлежности (восточная цивилизация/западная цивилизация). Объектами оценки выступали образы "Россия — страна" (Россия сегодня); "Будущая Россия" (Россия в будущем), "США" (Западная цивилизация), "Китай" (Восточная цивилизация). Полученные данные подвергались математической обработке: факторный анализ, с дальнейшим вращением VARIMAX (SPSS, версия 20). На следующем этапе проверялась статистическая значимость различий выявленных образов стран с использованием однофакторного дисперсионного анализа (F-критерий Фишера) и множественных попарных сравнений (с поправкой Бонферрони).

В исследовании участвовали представители молодежи Москвы (98 человек), Перми (116 человек) и Тюмени (104 человека). Всего 318 респондентов, 44% юношей и 56% девушек в возрасте от 18 до 25 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Категориальная структура представлений об образе страны (см. табл. 1).

На первом этапе выявлена категориальная структура представлений респондентов об образе России.

***Регион*: *Москва*.**

Первый фактор категориальной структуры представлений респондентов проинтерпретирован как "Благосостояние и прогрессивность страны'', обеспечиваемые как властью, уважающей закон и способствующей стабильному и прогрессивному развитию страны, так и ответственностью, трудолюбием и образованностью жителей страны.

Второй фактор "Уровень субъективной социальной дистанции по отношению к стране'' по критерию "свой (родной) — чужой". Положительный полюс фактора включает пространственные и временные характеристики существования страны, нравственно-этические параметры ее поведения по отношению к индивидуальным и групповым субъектам, а также эстетический компонент восприятия образа.

Третий фактор "Цивилизационной соотнесенности страны" относит Восточную и Западную цивилизации к противоположным полюсам и включает нравственные критерии поведения, политическое устройство, жизненный уклад населения страны, а также самобытность и патриотизм. Четвертый фактор "Авторитетность страны в мире" описывает могущество и независимость страны, и уважение к ней как со стороны ее жителей, так и на международной арене. Пятый фактор "Эмоциональная привлекательность страны" описывает эмоциональное восприятие образа страны респондентами.

***Регион*: *Пермь*.**

Выявлено четыре фактора, аналогичные полученным в Москве: "Благосостояние, прогрессивность страны", "Уровень субъективной социальной дистанции", "Авторитетность страны", "Цивилизационная соотнесенность". В то же время выявлены дополнительные факторы: "Миролюбие страны" (в противоположность ее воинственности) и "Религиозность жителей страны" (апелляция к религиозным, духовным и нравственным ценностям).

***Регион*: *Тюмень*.**

Здесь обнаружены три фактора, аналогичные выявленным в Москве и Перми: "Благосостояние, прогрессивность страны", "Уровень субъективной социальной дистанции", "Цивилизационная соотнесенность". Еще два фактора совпадают с выявленными в Перми: "Миролюбие страны", "Религиозность жителей страны". И выявлен еще один оригинальный фактор "Открытость, демократичность страны".

2. Соотношение образов стран в пространстве значимых факторов.

Для осуществления анализа изучаемых объектов-образов стран: "Сегодняшняя Россия", "Будущая Россия", "США" и " Китай" в категориальном семантическом пространстве предварительно была произведена процедура выявления различий этих объектов: сравнивались средние значения каждого объекта по каждому фактору, с использованием однофакторного дисперсионного анализа (F-критерий Фишера) и множественных попарных сравнений (с поправкой Бонферрони), см. табл. 2–4. Полученная статистика позволяет нам рассматривать образы Сегодняшней и Будущей России, а также США и Китая как математически независимые объекты, подлежащие содержательной интерпретации и сравнительному анализу.

По первому наиболее значимому фактору "Благосостояние, прогрессивность" образы "Россия — страна" и "Будущая Россия" в сопоставлении с образами США и Китая получают следующие значения:

У респондентов из г. Москвы образ сегодняшней России занимает максимально негативную позицию (–1.01). Образ США близок к нулевой отметке, но расположен выше нее (0.08). Образ Будущей России расположен в положительном пространстве фактора (0.43), а образ Китая занимает максимальную позицию (0.55). То есть для московской молодежи Китай является в большей степени положительным примером развития, чем США.

У респондентов из г. Перми лидирующее значение занимает образ Китая (0.5). Образ США (0.15) уступает по значению образу "Будущая Россия" (0.2). Образ Сегодняшней России расположен в отрицательном семантическом пространстве фактора, причем со значимым противопоставлением (–0.87).

У респондентов из г. Тюмени в отрицательном семантическом пространстве расположен образ

Таблица 1. Категориальная структура представлений молодежи Москвы, Перми и Тюмени об образах “Россия сегодня”, “Будущая Россия”, “США” и “Китай”

Регион: Москва					
Фактор 1. “Благосостояние, прогрессивность страны” 20.9% объясняемой дисперсии данных		Фактор 2. “Уровень субъективной социальной дистанции” 9.1%		Фактор 3. “Цивилизационная соотнесенность” 7.1%	
Содержание фактора	Вес	Содержание фактора	Вес	Содержание фактора	Вес
Прогрессивная — отсталая	0.78	Родная — чужая	0.82	Восточная цивилизация — Западная цивилизация	0.72
Уважающая закон власть — коррумпированная власть	0.77	Просторная — тесная	0.74	Целомудренная — развратная	0.63
Стабильная — неустойчивая	0.77	Щедрая — скупая	0.67	Общинная — индивидуалистичная	0.63
Преумножающая — расточительная	0.75	Добрая — злая	0.53	Самобытная — похожая на других	0.55
Обустроенная — неустроенная	0.74	Милосердная — жестокая	0.51	Монолитная — разобщенная	0.50
Надежная — ненадежная	0.72	Открытая — замкнутая	0.49	Тоталитарная — демократическая	0.49
Ответственная — безответственная	0.72	Компромиссная — принципиальная	0.44	Нравственная — безнравственная	0.49
Трудолюбивая — ленивая	0.71	Вечная — временная	0.43	Патриотичная — космополитичная	0.44
Богатая — бедная	0.69	Прекрасная — уродливая	0.42		
Образованная — невежественная	0.67				
Фактор 4. “Авторитетность в мире” 6,8%		Фактор 5. “Эмоциональная привлекательность” 5.6%			
Авторитетная — неавторитетная	0.71	Теплая — холодная	0.66		
Сильная — слабая	0.67	Веселая — грустная	0.61		
Могущественная — обессилевшая	0.60	Яркая — тусклая	0.50		
Уважаемая в мире — неуважаемая в мире	0.50	Добрая — злая	0.45		
Прекрасная — уродливая	0.44				
Возрождающаяся — деградирующая	0.43				
Независимая — зависимая	0.35				
Регион: Пермь					
Фактор 1. “Благосостояние, прогрессивность” 20%		Фактор 2. “Уровень субъект. соц. дистанции” 9%		Фактор 3. “Авторитетность в мире” 8%	
Прогрессивная — отсталая	0.77	Родная — чужая	0.78	Авторитетная — неавторитетная	0.68
Власть уважающая закон — коррумпированная власть	0.77	Просторная — тесная	0.76	Сильная — слабая	0.63
Возрождающаяся — деградирующая	0.74	Открытая — замкнутая	0.68	Могущественная — обессилевшая	0.63
Чистая — грязная	0.74	Щедрая — скупая	0.62	Уважаемая в мире — неуважаемая в мире	0.61
Яркая — тусклая	0.69	Милосердная — жестокая	0.61	Независимая — зависимая	0.52
Веселая — грустная	0.68	Добрая — злая	0.53	Расчетливая — непрактичная	0.46
Богатая — бедная	0.68	Демократическая — тоталитарная	0.46	Активная — пассивная	0.39
Стабильная — неустойчивая	0.67	Прекрасная — уродливая	0.45	Ответственная — безответственная	0.37

Окончание табл. 1

Образованная — невежественная	0.66				
Фактор 4. “Миролюбие” 6.3%		Фактор 5. “Цивилизационная соотнесенность” 4.5%		Фактор 6. “Религиозность жителей страны” 4%	
Простодушная — хитрая	0.73	Самобытная — похожая на других	0.75	Терпеливая — нетерпимая	0.60
Мирная — воинственная	0.70	Восточная цивилизация — Западная цивилизация	0.65	Ориентированная на чужие ценности — ориентированная на свои ценности	0.55
Простая — сложная	0.66	Духовная — материальная	0.46	Религиозная — атеистическая	0.40
Безопасная — опасная	0.62	Нравственная — безнравственная	0.43	Целомудренная — развратная	0.38
Компромиссная — принципиальная	0.50			Компромиссная — принципиальная	0.28
				Вечная — временная	0.21
				Восточная цивилизация — Западная цивилизация	0.20
Регион: Тюмень					
Фактор 1. “Благосостояние, прогрессивность” 21.7%		Фактор 2. “Миролюбие” 9.9%		Фактор 3. “Религиозность” 6.3%	
Прогрессивная — отсталая	0.80	Мирная — воинственная	0.76	Религиозная — атеистическая	0.78
Обустроенная — неустроенная	0.75	Безопасная — опасная	0.65	Духовная — материальная	0.63
Уважаемая в мире — неуважаемая	0.74	Простодушная — хитрая	0.64	Патриотичная — космополитичная	0.50
Богатая — бедная	0.74	Простая — сложная	0.64	Нравственная — безнравственная	0.50
Образованная — невежественная	0.72	Компромиссная — принципиальная	0.63		
Власть, уважающая закон — коррумпированная власть	0.72	Милосердная — жестокая	0.62		
Стабильная — неустойчивая	0.71	Добрая — злая	0.45		
Могущественная — обессилевшая	0.68				
Авторитетная — неавторитетная	0.67				
Фактор 4. “Уровень субъект. соц. дистанции” 5.7%		Фактор 5. “Цивилизационная соотнесенность” 3.8%		Фактор 6. “Открытость, демократичность” 3.7%	
Просторная — тесная	0.78	Общинная — индивидуалистичная	0.67	Открытая — замкнутая	0.64
Родная — чужая	0.74	Тоталитарная — демократическая	0.54	Западная цивилизация — Восточная цивилизация	0.37
Прекрасная — уродливая	0.40	Зависимая — независимая	0.38	Добрая — злая	0.33
		Восточная цивилизация — Западная цивилизация	0.35	Демократическая — тоталитарная	0.29

Таблица 2. Средние значения образов стран по каждому из пяти факторов с попарными сравнениями (однофакторный дисперсионный анализ (*F*-критерий Фишера) и множественные попарные сравнения (с поправкой Бонферрони). Регион Москва

Факторы	Объекты									
	1. Сегодняшняя Россия	2. Будущая Россия	3. США	4. Китай	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4
Благосостояние, прогрессивность	–1.01	0.43	0.08	0.55	+ уровень значимости (у./з.) 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.021	–	+ у./з. 0.001
Уровень субъективной социальной дистанции	0.56	0.81	–0.53	–0.88	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.007
Цивилизационная соотнесенность	–0.14	0.11	1.01	–1.00	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000
Авторитетность в мире	–0.02	–0.01	–0.08	0.11	–	–	–	–	–	–
Эмоциональная привлекательность	0.26	0.05	–0.50	0.19	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.001	–	+ у./з. 0.000

Примечания. “+” — значимые различия между оцениваемыми объектами по факторам есть; “–” — значимых различий нет.

Таблица 3. Средние значения образов стран по каждому из пяти факторов с попарными сравнениями (однофакторный дисперсионный анализ (*F*-критерий Фишера) и множественные попарные сравнения (с поправкой Бонферрони). Регион Пермь

Факторы	Объекты									
	1. Сегодняшняя Россия	2. Будущая Россия	3. США	4. Китай	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4
Благосостояние, прогрессивность	–0.87	0.21	0.15	0.51	+ уровень значимости 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.050	+ у./з. 0.009
Уровень субъективной социальной дистанции	–0.72	–0.57	0.43	0.89	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000
Авторитетность в мире	0.13	–0.00	–0.16	0.03	–	–	–	–	–	–
Миролюбие	–0.05	0.040	–0.46	0.11	+ у./з. 0.001	+ у./з. 0.006	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.000
Цивилизационная соотнесенность	–0.17	0.18	0.77	–0.80	+ у./з. 0.006	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.001	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000
Религиозность жителей	–0.18	0.03	0.48	–0.33	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.001	+ у./з. 0.023	+ у./з. 0.000

Примечания. “+” — значимые различия между оцениваемыми объектами по факторам есть; “–” — значимых различий нет.

Таблица 4. Средние значения образов стран по каждому из пяти факторов с попарными сравнениями (однофакторный дисперсионный анализ (*F*-критерий Фишера) и множественные попарные сравнения (с поправкой Бонферрони). Регион Тюмень

Факторы	Объекты									
	1. Сегодняшняя Россия	2. Будущая Россия	3. США	4. Китай	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4
Благосостояние, прогрессивность	0.81	–0.28	–0.18	–0.34	+ уровень значимости 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	–	–	–
Миролюбие	0.19	0.44	–0.66	0.04	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.000
Религиозность	–0.41	–0.19	0.63	–0.04	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.026	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.000
Уровень субъективной социальной дистанции	0.62	0.57	–0.29	–0.90	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000
Цивилизационная соотнесенность	–0.16	–0.30	–0.06	0.53	–	–	+ у./з. 0.000	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000
Открытость, демократичность	–0.08	0.09	0.43	–0.45	–	+ у./з. 0.001	+ у./з. 0.031	–	+ у./з. 0.000	+ у./з. 0.000

Примечания. “+” — значимые различия между оцениваемыми объектами по факторам есть; “–” — значимых различий нет.

Сегодняшней России (–0.8). Максимальное значение занимает образ Китая (0.35), и к нему в положительной семантической области приближается образ Будущей России (0.3). Образ США располагается несколько ниже, приближаясь к нулю, но находясь также в положительной области (0.16).

Кроме того, в каждой из выявленных категориальных структур представлений респондентов были проинтерпретированы факторы, содержащие бинарные оппозиции "родная (страна) — чужая". В различных регионах это разные по значимости факторы: в Москве и Перми данный фактор занимает второе место, а в Тюмени четвертое. Общим является присутствие характеристики "родная" (страна) на положительном полюсе фактора, наряду с такими характеристиками, как "просторная" и "прекрасная" (в трех регионах), "щедрая", "добрая", "милосердная", "открытая", (Москва, Пермь), "компромиссная" (Москва) и "демократическая" (Пермь). В трех регионах образы будущей России и сегодняшней России получают максимальные значения по данному фактору (см. табл. 2–4), являясь "родными" для респондентов. Образы США и Китая расположены в отрицательной полуплоскости семантического пространства и воспринимаются как "чужие" (максимально чужая страна — Китай).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ категориальных структур представлений молодежи трех регионов об образе страны показывает, что они содержательно сопоставимы с данными других авторов [5] и включают такие параметры как авторитет страны, ее могущество, стабильность, силу, активность и привлекательность. Это подтверждается и нашими более ранними исследованиями [12; 13]. Важным фактом является присутствие в структуре характеристик, фиксирующих "корневые ценности" [см.: 17] россиян: духовность, нравственность, щедрость, доброта, милосердие, целомудрие, терпеливость, религиозность, а также миролюбие, трудолюбие и образованность, входящих в трех случаях в значимые факторы.

В трех регионах обнаружены три содержательно сопоставимых фактора: "Благосостояние, прогрессивность страны" как наиболее значимый и отражающий богатство страны, ее стабильность, обустроенность, прогрессивный вектор развития, а также уважение к закону со стороны руководства страны и ответственность его перед гражданами. Также значимы факторы "Уровень субъективной социальной дистанции", описывающий отношение респондентов к оцениваемой стране как к "родной" или "чужой", и "Цивилизационной соотнесенности", обозначающий отнесение респондентами страны к западной или к восточной цивилизации.

Одновременно обнаружено частичное совпадение смыслового содержания дополнительных факторов: "Авторитетность страны в мире" выделяется в отдельный значимый фактор в Москве и Перми, тогда как в Тюмени он содержательно включен в первый значимый фактор. Фактор "Миролюбие", выделяется в отдельный значимый в Перми и Тюмени, у респондентов же из г. Москвы эта категория частично содержательно присутствует в первых двух значимых факторах. Не получила у респондентов из г. Москвы отдельной значимости и категория "Религиозность", представляющая собой отдельный фактор в регионах Перми и Тюмени. У пермских респондентов она связана с категорией терпения, а в Тюмени — с духовностью, нравственностью и патриотизмом, относящимся к ведущим ценностям русского народа, репрезентирующим культурный код российской цивилизации. Для респондентов из г. Москвы важна эмоциональная сторона восприятия образа страны, здесь присутствует отдельный, хотя и менее значимый фактор "Эмоциональность восприятия страны". Категория "патриотизм" практически не проявляет себя в картине мира пермяков, но входит в третий значимый фактор в Москве и Тюмени. В целом эта характеристика важна для российской молодежи, что было выявлено нами ранее [13].

Таким образом, в категориальной структуре представлений респондентов различных регионов выявлено как смысловое сходство трех основных категорий, так и различие дополнительных факторов, что является отражением своеобразия представлений респондентов выбранных регионов об образе страны, обусловленных как экономическими, так и социально-психологическими причинами.

Важно, что эстетическая ценность "красота" также значима для современной молодежи. А ее этический идеал составляют ценности щедрости, милосердия и доброты, которые могут быть отнесены к ценностно-смысловым культурным кодам российской цивилизации. Эти данные согласуются с тезисом Д.С. Лихачева о единстве прекрасного и доброго в российском менталитете [9]. Значимой в представлениях молодежи является и такая климатическая и одновременно эмоциональная характеристика страны, как "холодная — теплая", а также хронотопические характеристики "тесная — просторная", "временная — вечная" и "ритмичная — неритмичная". В то же время ценность

демократии — социально-политическая и идеологическая ценность западной цивилизации — также значима для молодых россиян.

Анализ расположения четырех образов стран в пространстве выделенных факторов, показывает, что образ Будущей России статистически значимо и положительно отличается от образа Сегодняшней России в пространстве первого фактора "Благосостояние, прогрессивность страны" у респондентов всех регионов. Это позволяет рассматривать динамику образа России во времени и, следовательно, ожидания респондентов в отношении развития России в будущем: образ "Будущей России" является для молодежи "идеальным" образом страны, ее перспективной моделью развития и совершенствования.

Анализируя цивилизационную соотнесенность образов стран в представлениях молодежи трех регионов, необходимо отметить, что налицо четкое разделение ими Восточной и Западной цивилизации. А образы Сегодняшней и Будущей России занимают по этому фактору обособленное место, что можно интерпретировать как "непохожесть" России в буквальном смысле ни на Восточную, ни на Западную цивилизацию. Это позволяет предположить, что у молодежи страны сформировано представление о том, что России присущ свой собственный путь развития (экономического, социального, культурного и т.д.), то есть фактически за Россией признается отдельный цивилизационный статус: существование в истории человечества российской цивилизации как таковой, наряду с Восточной и Западной.

ВЫВОДЫ

1. В категориальной структуре представлений о стране у молодежи из г. Москвы, Перми и Тюмени выявлено восемь факторов: 1) "Благосостояние, прогрессивность страны"; 2) "Уровень субъективной социальной дистанции по отношению к стране''; 3) "Цивилизационная соотнесенность страны"; 4) "Авторитетность страны в мире"; 5) "Миролюбие страны"; 6) "Эмоциональная привлекательность страны"; 7) "Религиозность жителей страны"; 8) "Открытость, демократичность страны". Обнаружено содержательное сходство первых трех значимых факторов, выявленных у молодежи исследуемых регионов. В то же время обнаружены семантические различия в дополнительных факторах, выявленных у молодежи отдельных регионов.

2. Ценностно-смысловая составляющая в структуре представлений молодежи, фиксирующая культурные коды российской цивилизации, представлена категориями "красота", "щедрость", "милосердие", "доброта", "духовность", "нравственность", "терпеливость", "патриотизм", "религиозность", а также "миролюбие", "трудолюбие" и "образованность". При подготовке материалов СМИ необходимо учитывать важность культивирования в стране отечественных традиционных ценностей, транслирующих сущностную составляющую самобытной российской цивилизации.

3. Соотношение объектов "Россия сегодня", "Будущая Россия", "США" и "Китай" по факторам "Уровень субъективной социальной дистанции" и "Цивилизационная соотнесенность" позволяет заключить, что в представлениях российской молодежи образ России идентифицируется с отдельным, собственным путем развития страны, — как относительно Восточной цивилизации, так и относительно Западной цивилизации. Расположение объектов "Россия сегодня" и "Будущая Россия" в категориальном пространстве представлений респондентов дает основание утверждать, что, с одной стороны, образ современной России для молодых людей является проблемным, с другой стороны, молодежь позитивно и с оптимизмом представляет себе будущее России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Будко Д.А.*, *Лукьянова Г.В.* Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 184–194.
2. *Васильева Г.М.*, *Ротмистрова О.В.* Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте: монография. СПб., 2011. 197 с.
3. *Глушакова М.А.*, *Тихомирова Д.А.* Имидж России в сознании современной российской молодежи // Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 27 ноября 2017 г. / кол. авторов; под ред. И.А. Василенко. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 146–154.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа / авт.-сост. В.И. Даль М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 430 с.
5. *Джгамадзе К.Б.* Политико-психологический анализ образа России: актуальное состояние // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 54–72.
6. *Емельянова Н.Н.* Индийское "личное обаяние" в контексте азиатского прочтения soft power // Имидж России в условиях новых вызовов XXI века:

материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 27 ноября 2017 г. / кол. авторов; под ред. И.А. Василенко. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 14–21.

7. Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга // под ред. И.А. Василенко. М.: Международные отношения, 2016. 288 с.
8. *Киселев А.И.* Национальное самосознание русских и национализм // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2016. № 2 (244).
9. *Лихачев Д.С.* Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. 448 с.
10. Лосев А.В., Шафран А. “Британия идёт в жёсткую вассальную зависимость от Штатов” // Вести ФМ. URL: https://radiovesti.ru/brand/63899/episode/1363425 (дата обращения: 27.01.2021).
11. *Лунин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015.
12. *Матвеева Л.В.* Образ России в информационном пространстве как основа межкультурного взаимодействия // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: Изд-во: СПбГУП, 2018. С. 437–439.
13. *Матвеева Л.В.*, *Аникеева Т.Я.*, *Мочалова Ю.В.*, *Петракова Е.Е.* Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография, Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. С. 64–112.
14. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
15. Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
16. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
17. *Свитич Л.Г.* Традиционные российские ценности на экране ТВ // Журналистика 21 века: исторический опыт и современное развитие. 2017. Вып. 13–15. С. 72–102.
18. *Степин В.С.* XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития. В сборнике: Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: Изд-во: СПбГУП, 2017. С. 186–187.
19. *Щипков А.В.* Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс, 2017. 320 с.
20. *Balidemaj A.*, *Small M.* The effects of ethnic identity and acculturation in mental health of immigrants: A literature review // Int. J. Soc. Psychiatry. 2019. Nov. № 65 (7–8). P. 643–655.
21. Millennial Socialism // The Economist. 2019. V. 430. № 9130. P. 9–10.
22. *Mitchell L.L.*, *Kathawalla U.K.*, *Ajayi A.A.*, *Fish J.*, *Nelson S.C.*, *et al.* Ethnic-racial typicality and its relation to ethnic identity and psychological functioning // Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2018. Jul. № 24 (3). P. 400–413.
23. *Moise R.K.*, *Meca A.*, *Schwartz S.J.*, *Unger J.B.*, *Lorenzo-Blanco E.I.*, *et al.* The use of cultural identity in predicting health lifestyle behaviors in Latinx immigrant adolescents // Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2019 Jul. № 25 (3). P. 371–378.
24. *Nye J.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
25. *Osgood C.E.*, *Suci G.J.*, *Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Oxford, England: Univer. Illinois Press, 1957.
26. *Syed M.*, *Walker L.H.M.*, *Lee R.M.*, *Umaña-Taylor A.J.*, *Zamboanga B.L.*, *et al.* A two-factor model of ethnic identity exploration: Implications for identity coherence and well-being // Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2013. Apr. № 19 (2). P. 143–154.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH: PECULIARITIES OF THE VALUE-SEMANTIC CODE OF CULTURAL REPRESENTATIONS[2]

L. V. Matveeva*, T. Ya. Anikeeva, Yu. V. Mochalova***, O. B. Stepanova******

Moscow state university;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
**ScD* (*Psychology*), *Professor of Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology.*
E-mail: matweewa-com@yandex.ru
***PhD* (*Psychology*), *Senior Researcher of the Department of General Psychology of the Faculty of Psychology.*
E-mail: anikeeva-07@mail.ru
****PhD* (*Psychology*), *Researcher of the Laboratory of Engineering Psychology the Department of Psychology of Labour and Engineering Psychology of the Faculty of Psychology.*
E mail: vassom@mail.ru
*****PhD* (*Psychology*), *Associate Professor of Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology.*
E-mail: psy_stob@mail.ru

Received 08.02.2021

Abstract. The study involved 98 representatives of Moscow youth; 116 of Perm youth and 104 of Tyumen youth. A total 318 respondents, 44% young men and 56% young girls, aged 18 to 25. The 49 bipolar psychosemantic scale of the study describes the image of the country in terms of its strength and authority in the international arena, activity in transformations and various aspects of assessment. Respondents evaluated the images of "Russia-country", "Future Russia", "USA", "China". The categorical structures of young people's social representations about the country's image, identified in all three regions, have three substantively comparable factors: 1) "Welfare, progressiveness of the country", 2) "Level of social distance", 3) "Civilizational attribution". The value-semantic component in the structure of young people's ideas fixes the cultural codes of Russian civilization: "beauty", "generosity", "mercy", "kindness", "spirituality", "morality".

Keywords: value-semantic codes, russian youth, categorical structure of ideas about the country, the image of Russia, the images of Eastern and Western civilizations countries.

REFERENCES

1. *Budko D.A., Luk'janova G.V.* Obraz ideal'noj Rossii v soznanii studencheskoj molodezhi. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija, 2019. Vol. 21. № 2. P. 184–194 (In Russian)
2. *Vasil'eva G.M., Rotmistrova O.V.* Kul'turno-geograficheskij obraz Rossii v lingvokul'turologicheskom aspekte: monografija. SPb., 2011. 197 p. (In Russian)
3. *Glushakova M.A., Tihomirova D.A.* Imidzh Rossii v soznanii sovremennoj rossijskoj molodezhi. Imidzh Rossii v uslovijah novyh vyzovov XXI veka: materialy nauchnoj konferencii kafedry rossijskoj politiki fakul'teta politologii MGU imeni M.V. Lomonosova 27 nojabrja 2017 g. Kol. avtorov; ed. I.A. Vasilenko. Moscow: RUSAJNS, 2017. 192 p. P. 146–154 (In Russian)
4. *Dal' V.I.* Poslovicy russkogo naroda. Avt.-sost. V.I. Dal' Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1989. V. 1. 430 p. (In Russian)
5. *Dzhgamadze K.B.* Politiko-psihologicheskij analiz obraza Rossii: aktual'noe sostojanie. Vestnik MGU. Serija 12. Politicheskie nauki. 2015. № 6. P. 54–72 (In Russian)
6. *Emel'janova N.N.* Indijskoe "lichnoe obajanie" v kontekste aziatskogo prochtenija soft power. Imidzh Rossii v uslovijah novyh vyzovov XXI veka: materialy nauchnoj konferencii kafedry rossijskoj politiki fakul'teta politologii MGU imeni M.V. Lomonosova 27 nojabrja 2017 g. Kol. avtorov; ed. I.A. Vasilenko. Moscow: RUSAJNS, 2017. 192 p. P. 14–21 (In Russian)
7. Imidzh regionov Rossii: innovacionnye tehnologii i strategii rebrendinga. Ed. I.A. Vasilenko. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2016. 288 p. (In Russian)
8. *Kiseljov A.I.* Nacional'noe samosoznanie russkih i nacionalizm. Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Obshhestvo. Kommunikacija. Obrazovanie, 2016. № 2 (244). (In Russian)
9. *Lihachev D.S.* Kul'turologija: izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture. Saint Petersburg.: Izd-vo SPbGUP, 2006. 448 p. (In Russian).

[2] The study was carried out with financial support of Russian Foundation for Basic Research within framework of scientific project No 18-013-01156.

10. *Losev A.V. Shafran A.* “Britaniya idyot v zhyostkuyu vassal’nuyu zavisimost’ ot SHtatov” // Vesti FM. URL: https://radiovesti.ru/brand/63899/episode/1363425/ (accessed: 27.01.2021). (In Russian)

11. *Lunin A.V.* Vozvyshajushhijsja Kitaj i budushhee Rossii. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2015. (In Russian)

12. *Matveeva L.V.* Obraz Rossii v informacionnom prostranstve kak osnova mezhkul’turnogo vzaimodejstvija. Kontury budushhego v kontekste mirovogo kul’turnogo razvitija: XVIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija. Saint Petersburg: Izd-vo: SPbGUP, 2018. P. 437–439. (In Russian)

13. *Matveeva L.V.*, *Anikeeva T. Ja.*, *Mochalova Ju.V.*, *Petrakova E.E.* Kategorial’naja struktura obraza Rossii i obrazov drugih stran v mentalitete zhitelej strany i sojuznogo gosudarstva Belorussii. Obrazy, tradicii i kul’tura mezhnacional’nogo mira i soglasija: monografija. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2014. P. 64–112. (In Russian)

14. *Moskovichi S.* Mashina, tvorjashhaja bogov. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii, 1998. 560 p. (In Russian)

15. Obrazy gosudarstv, nacij i liderov. Ed. E.B. Shestopal. Moscow: Aspekt Press, 2008. 288 p. (In Russian)

16. *Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki. Saint Petersburg: Piter, 2005. 480 p. (In Russian)

17. *Svitich L.G.* Tradicionnye rossijskie cennosti na jekrane TV. Zhurnalistika 21 veka: istoricheskij opyt i sovremennoe razvitie. Vyp. 13–15, 2017. P. 72–102. (In Russian)

18. *Stepin V.S.* XXI vek — radikal’naja transformacija tipa civilizacionnogo razvitija. V sbornike: Global’nyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushhego: XVII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUP, 2017. P. 186–187. (In Russian).

19. *Shhipkov A.V.* Social-tradicija. Moscow: AST-Press, 2017. 320 p. (In Russian)

20. *Balidemaj A.*, *Small M.* The effects of ethnic identity and acculturation in mental health of immigrants: A literature review. Int. J. Soc. Psychiatry. 2019. Nov. № 65 (7–8). P. 643–655.

21. Millennial Socialism. The Economist. 2019. Vol. 430. № 9130. P. 9–10.

22. *Mitchell L.L.*, *Kathawalla U.K.*, *Ajayi A.A.*, *Fish J.*, *Nelson S.C.*, *et al.* Ethnic-racial typicality and its relation to ethnic identity and psychological functioning. Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2018. Jul. № 24 (3). P. 400–413.

23. *Moise R.K.*, *Meca A.*, *Schwartz S.J.*, *Unger J.B.*, *Lorenzo-Blanco E.I.*, *et al.* The use of cultural identity in predicting health lifestyle behaviors in Latinx immigrant adolescents. Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2019 Jul. № 25 (3). P. 371–378.

24. *Nye J.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

25. *Osgood C.E.*, *Suci G.J.*, *Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Oxford, England: Univer. Illinois Press, 1957.

26. *Syed M.*, *Walker L.H.M.*, *Lee R.M.*, *Umaña-Taylor A.J.*, *Zamboanga B.L.*, *et al.* A two-factor model of ethnic identity exploration: Implications for identity coherence and well-being. Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol. 2013. Apr. № 19 (2). P. 143–154.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 111–120

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 316.62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К БЕЗРАБОТИЦЕ КАК СОЦИАЛЬНОМУ ЯВЛЕНИЮ[1]

© 2021 г. Ф. О. Семенова[1,*], Д.А. Китова[2,], О. В. Рунец[2,***]**

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева; 369202, Карачаево-Черкесская республика, г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29, Россия.

[2]Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

[*]Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии. E-mail: faizura66@mail.ru

[**]Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии. E-mail: j-kitova@yandex.ru

[***]Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии. E-mail: RunecOV@ipran.ru

Поступила 15.09.2021

Аннотация. Распространение коронавирусной инфекции создает сложные условия жизнедеятельности общества, оказывая негативное воздействие на многие социальные сферы. Показано, что трудовой кризис, вызванный пандемией COVID-19, может увеличить глобальную безработицу, а как следствие, оказать негативное влияние на развитие экономики в целом, что повышает актуальность проблемы исследования. Авторами проведен анализ публикаций, посвященных исследованиям безработицы в разных отраслях науки, который позволил выделить различные социальные уровни ее негативного воздействия (глобальный, общегосударственный и региональный). В отдельную группу выделены работы по социально-психологическим проблемам безработицы. Выявлено, что социально-экономические или личностные особенности переживания безработицы в условиях пандемии коронавируса пока не стали значимым предметом фундаментальных исследований. В частности, в научной литературе не представлены факты, отражающие структуру переживаний пользователей. Анализ сообщений с форумов безработных и из социальных сетей позволил авторам констатировать высокую частоту рассуждений, связанных с безработицей как социальным явлением, неподдельное сожаление о высоком уровне образования многих безработных и болезненные переживания о низком качестве жизни. Частотный и смысловой анализ сообщений позволили также продемонстрировать представления о факторах, обусловливающих безработицу, которые чаще всего связываются с условиями социальной среды. Произведенный в работе анализ эмоционального фона сообщений показал отсутствие нейтральных или позитивных оценок безработицы (все оценки негативные). Высокая эмоциональная напряженность в оценке безработицы и ее последствий свидетельствует о выраженном снижении психологического самочувствия пользователей, что становится основанием для негативных суждений, в том числе и политического содержания. В заключении отмечается, что исследование “цифровых следов” представляется весьма перспективным направлением изучения макропсихологических процессов.

Ключевые слова: пандемия, безработица, психологические факторы, содержательно-смысловые категории, эмоциональный фон.

DOI: 10.31857/S020595920017909-5

Объявленная 11 марта 2020 года Всемирной организацией здравоохранения пандемия коронавируса продолжается до сих пор и успела унести к концу августа 2021 года 4421383 жизней, а общее количество заболевших составляет более 211 миллионов человек [7]. Инфекционные заболевания исторически всегда становились причиной смерти большого количества людей: бубонная чума унесла около 25% населения Лондона; испанка погубила,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00541.

по данным некоторых источников, до 100 миллионов человек; азиатский грипп связан со смертью 1.1 миллиона человек [5]. Среди наиболее опасных респираторных болезней современного периода развития человечества можно указать на вспышки SARS (тяжелый острый респираторный синдром), птичьего гриппа, MERS (ближневосточный респираторный синдром) и лихорадки Эбола, которые в общей сложности унесли более 13000 жизней в разных частях планеты [там же].

Эпидемии создают сложные условия жизнедеятельности для большого количества людей и не только вызывают медицинские проблемы, но и оказывают негативное воздействие на многие социальные сферы развития общества. Так, в условиях пандемии коронавируса всеобщие карантинные меры привели к снижению общей преступности во многих странах мира [10], но одновременно с этим во всем мире произошло увеличение случаев домашнего насилия: во Франции на 30%, в Аргентине на 25%, на Кипре и в Сингапуре — на 30% и 33%, соответственно [3].

Если говорить непосредственно о безработице, то согласно последней оценке Международной организации труда (МОТ), экономический и трудовой кризис, вызванный пандемией COVID-19, может увеличить глобальную безработицу почти на 25 миллионов рабочих мест, еще от 8.8 до 35 миллионов человек в мире будут страдать в последующем от низкого уровня жизни и нищеты [18]. Падение занятости также означает снижение доходов для работающих сотрудников. В свою очередь, сложившаяся ситуация неизбежно приведет к снижению потребления товаров и услуг, а как следствие, негативно повлияет на перспективы развития экономики государства в целом [12].

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВЕДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Запрос публикаций по слову “коронавирус” *в РИНЦ*[2] позволил выявить 14613 работ, отражающих теоретические и прикладные проблемы пандемии, 6314 из них посвящены исследованиям проблем безработицы в различных отраслях науки. Непосредственный анализ работ, связанных с изучением проблем *безработных* в условиях пандемии коронавируса (их около 50), позволил выделить основную направленность, которая отражает различные социальные уровни негативного воздействия пандемии на занятость населения: *глобальный* (А.Б. Штриков, Д.Ф. Миназова, Е.В. Небольсина), *общегосударственный* (А.Ф. Габдуллина, Г.Д. Бабаян, Т.Н. Исмаилова, Е.А. Карлова, И.В. Фомичева, Л.В. Иванцова, Ю.Б. Коложвари, К.Б. Семенов), *региональный* (Н.Н. Фролова, А.А. Рассказова, О.А. Правдина, З.А. Арсаханова, Х.С. Вахаева, С.А. Олехнович, М.А. Буранкова). В отдельную подгруппу можно выделить крупный блок исследований сферы *государственной поддержки* безработных (Н.С. Сергиенко, И.В. Зайчикова, С. Кожейкин, Д.А. Каламбет, Е.М. Максимова, Л.С. Муталиева, Е. Гришина, Е. Цацура).

Если говорить о *социально-психологических* проблемах безработицы в целом, то важно обратить внимание на следующие исследования: психология безработицы (А.В. Шипунова, Л.К. Субракова), теоретические подходы к проблеме безработицы в зарубежной психологии (А.Н. Демин), психология безработицы как прикладное направление исследований в отечественной психологической науке, проблемы и перспективы изучения (М.А. Бендюков), проблемы молодежной безработицы в отечественной и зарубежной психологии (А.Н. Гладков). Вместе с тем социально-экономические и личностные особенности переживания безработицы в условиях пандемии коронавируса пока не стали заметным предметом фундаментальных или прикладных исследований, что *повышает актуальность* проблематики представленного исследования.

ПИЛОТНЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

В более ранних работах по специальному изучению ситуации с экономическими переживаниями людей, оказавшихся без работы в период распространения пандемии, мы обратились к анализу интернет-запросов, которые напрямую связаны с проблемами безработицы. Как оказалось, начиная с марта 2020 года, такие запросы резко возросли и превзошли запросы предыдущих 10 лет более чем в 5 раз (на конец апреля 2020 года). Наиболее популярными оказались запросы об оказании материальной поддержки безработным, такие как “выплаты” и “пособие по безработице”. На начальном этапе пандемии по количеству запросов выявлена следующая их иерархия: государственная поддержка семьи (1); социальная поддержка незащищенных слоев населения: малоимущих, пенсионеров, сирот, пожилых людей и т.д. (2); государственная поддержка семей с несовершеннолетними детьми (3); дополнительная

[2] Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских ученых.

государственная поддержка лиц, оказавшихся без работы (4). Наименьшее количество запросов связано с государственной поддержкой малого бизнеса (5). К специфическим особенностям данной ситуации можно отнести и тот факт, что интерес к видам материальной помощи существенно различается среди регионов РФ. В частности, наименьший интерес к мерам государственной поддержки безработных проявили пользователи из Москвы и Санкт-Петербурга [12].

Представленные результаты хотя и указывают на психологическую напряженность сложившейся в период пандемии ситуации, связанной с безработицей, в целом не отражают *структуру переживаний* пользователей и требуют дополнительного изучения.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Анализируемые далее сообщения извлекались из открытых источников в Интернете, в частности с форумов безработных (irecommend.ru, joblab.ru, b17.ru/forum, nn.ru/community и т.д.) и социальных сетей. Всего собрано 2835 сообщений. Основанием обращения к избранным информационным ресурсам стала высокая популярность данных форм общения среди пользователей интернета, а также небольшой текстовый объем такого рода сообщений, что является преимуществом при автоматизированном анализе текстов [15–17; 19].

Автоматизированный анализ сообщений производился с помощью нейросетевой модели Dostoevsky (разработчик программных инструментов М.А. Китов). В процессе обработки сообщений использовался качественный и количественный анализ слов, что включало в себя подсчет количества слов, изучение количества положительных и отрицательных сообщений, анализ их эмоционального фона (более подробно о методе см. [11]). В качестве искомого значения было использовано ключевое слово “безработица” (поиск произведен с учетом морфологии слова).

Обращение к анализу *эмоционального фона* высказываний связано с их значимостью в жизнедеятельности человека, т.к. эмоции выступают побудителями социального действия и поведения [1; 2; 4]. В научной литературе отмечается, что наличие *позитивного* эмоционального фона способствует развитию не только мотивации, но и способностей человека [8], а С.Л. Рубинштейн писал о том, что “эмоциональность, или аффективность, — это всегда лишь одна, специфическая сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем *познавательными* процессами, отражающими — пусть специфическим образом — действительность” [14, с. 552]. С *социально-психологической* точки зрения, эмоции сопровождают многие общественные процессы, закономерно проявляясь на качественных характеристиках социального взаимодействия, и имеют *социальный* (внеличностный) *смысл* (подробнее о теоретических основаниях обращения к феномену отношений см. [5]). Эмоциональный фон сообщений рассматривается в диапазоне от –1 до +1, с разделением данной шкалы на 20 позиций.

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К БЕЗРАБОТИЦЕ

В ходе исследования произведено структурно-содержательное (смысловое) группирование всех выявленных сообщений, что позволило выделить *семь* основных подгрупп тем, обсуждаемых в сообщениях пользователей (табл. 1). Ведущая позиция связана с обсуждением *безработицы* как социального явления. В частности, обсуждаются такие проблемы, как виды безработицы, ее причины, распространенность и пути преодоления. Далее проговаривается еще целый ряд тем:

— *человек* и его многочисленные проблемы, связанные с отсутствием возможности зарабатывать своим трудом, при этом используются такие категории слов, как человек, *население*, *народ*;

— проблемы *государства*, обусловливающие распространение безработицы и ее влияние на отношение людей к ситуации в стране, ее истории и характеру социального развития — представлена такими ключевыми словами, как *Россия*, *страна*;

— *тенденции протекания* социальных и психологических процессов также часто становятся важным аспектом при обсуждении проблем безработицы, ситуация отражена такими терминами, как *время*, *год*, *декада*;

— *политические процессы*, имеющие место в государстве, и оценка деятельности представителей органов государственной власти и должностных лиц привлекают серьезное внимание пользователей, находя свое отражение в таких концептах, как *политика*, *партия*, *капитализм*;

— *издержки государства*, связанные с неэффективным использованием экономического потенциала общества, снижением налоговых поступлений и уровня жизни людей, ухудшением

Таблица 1. Смысловые категории в сообщениях пользователей о безработице

Смысловые категории	Примеры сообщений из разных категорий
Безработица	... Спрос на труд в России по итогам пандемии коронавируса уже значительно вырос — но уровень *безработицы* в стране пока еще доходит до 30%. ...Расслоение по доходам колоссальное, фактически это скрытая *безработица*. ...Киселев сообщает, что в США голод и дикая *безработица*.
Человек, население, народ, жизнь	Кроме того, у нас сейчас коронавирус косит население, *безработица* и бездомность чудовищные, цены на жилье запредельные, здравоохранения и транспорта как не было, так и нет. Необходимо избавляться от *безработицы*, строить современную Россию, улучшать жизнь людей!!!
Россия, страна	*Безработица* в России вернулась к допандемийному уровню.
Время, год, декада	*Безработица* в России уже ниже допандемийного уровня. В июле она снизилась до 4.5% (в феврале прошлого года было 4.6%). — Вы забыли прикалькулировать повышенную смертность, через год *безработица* будет 2%.
Политика, партия. Капитализм	... Ну выборы же, понятно, тут и *безработица* сократилась до минимума 2019 года, и цены снижаются на овощи. На рыбу и икру тоже ждет снижение цен, и реальные доходы россиян растут, просто Рай, а не страна! Профсоюзы полностью ручные при капитализме, *безработица* диктует условия, а не стачка или забастовка. Что-то не припомню ни одной за 30 лет, может, напомните!
Проблемы, последствия, нищета, цены	А знаете, что еще воспитывает дух? *Безработица*, низкий уровень дохода, неблагополучный район, плохое питание и экология, но что-то я не встречал среди своих знакомых желающих переехать в Н-ев и пройти ШКОЛУ ЖИЗНИ.
Образование	... *безработные* в России в основном интеллигенты, с высшим образованием, высококлассные специалисты...

психологического самочувствия населения, представленные в сообщениях пользователей, объединены в подгруппу *“проблемы безработицы”* и маркируются такими словами, как *проблемы*, *последствия*, *нищета*, *цены*;

— массовой позицией становится обсуждение того, что безработными могут стать люди с хорошей профессиональной подготовкой и даже *высококвалифицированные специалисты*, обладающие уникальными навыками и значительным опытом успешной профессиональной деятельности. Наиболее часто в этом направлении обсуждается уровень *образования* безработных. По мнению пользователей, такая ситуация не находит своего отражения в странах с развитой экономикой, хотя с этой позицией трудно согласиться.

Далее представлены количественные показатели из смысловых категорий. Наибольшее количество

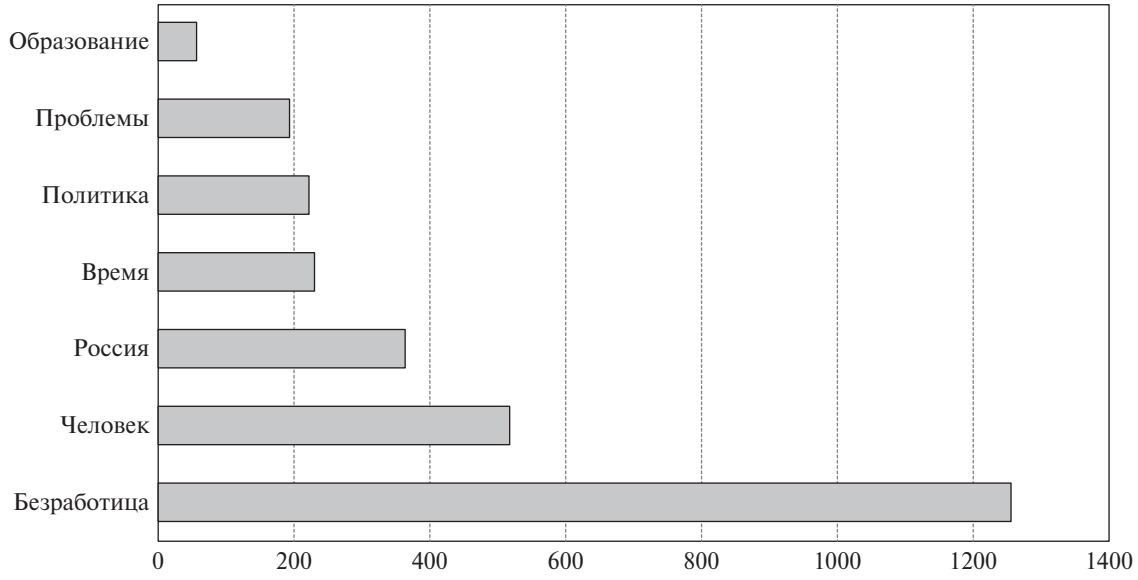


Рис. 1. Частота встречаемости смысловых категорий в текстах о безработных (кол-во)

сообщений посвящено обсуждению *безработицы* как системного экономического феномена (35.6%), далее активно обсуждаются проблемы *человека*, оказавшегося без работы (14.6%), оценивается исторические, социальные и географические особенности российского *государства*, обусловливающие складывающиеся в обществе ситуации (10.3%). Почти одинаковое внимание уделяется пользователями обсуждению экономических процессов и их характеристик, связанных с течением временем (6.5%), политическими событиями (6.3%) и социальными явлениями в обществе (5.5%), к примеру пандемией. Достаточно часто интерес пользователей вызывает непропорциональная связь между уровнем образования (объемом затраченного государством времени и средств на его подготовку) и профессиональной востребованностью человека (1.5%).

Можно обратить внимание и на наличие в высказываниях пользователей противоречивых мнений об одних и тех же явлениях (табл. 2).

Еще одной особенностью общения пользователей выступают сообщения, которые часто носят юмористический оттенок, полны сарказма или иронии, связанные с негативной оценкой сложившихся в стране социальных проблем и ситуаций (табл. 3).

В эмпирической части исследования внимание уделяется сходству и расхождению когнитивных и эмоциональных факторов, представленных в высказываниях. Из таблицы 4 очевидно, что в целом наиболее обсуждаемые пользователями позиции не всегда соотносимы с позициями, вызывающими наибольшие эмоциональные переживания, хотя многие из них достаточно четко представлены в обоих случаях.

К соотносимым позициям можно отнести наличие в обеих колонках таких слов, как “Россия”, “человек”, “страна”, “население”, “партия”, “проблема” (всего 6 позиций из 10). К частично сопоставимым можно отнести такие позиции, как “время” (частотный ряд) и “год” (эмоциональный ряд). Такие позиции, как “население” и “народ”, рассматриваются сопоставимыми между собой. К неидентичным можно отнести обсуждаемые в первой колонке слова “работа” и “капитализм”, которые в первом случае выступают прямым отражением обсуждаемой проблемы и не могут удивлять, а во втором могут соотноситься (хотя и косвенно) со словом “партия”, отражая политическую систему государства. Не сопоставимыми между

Таблица 2. Примеры дискуссий в текстах пользователей о безработице

Смысловые категории	Дискуссии
О качестве жизни	**Мнение 1.** Все они (либералы и коммунисты) уже были у власти, итог: война, разруха, *безработица*, детская наркомания, массовый исход населения. **Мнение 2.** Сегодня: ни войны, ни разрухи, ни *безработицы*, морды толстеют, иномарки вокруг, все строится и расширяется. Ноют только неудачники, халявщики и зажравшиеся
О социальных проблемах	**Мнение 1.** ... главные проблемы женщин в России — это игнорирование их прав и неравная оплата труда, а не *безработица*. **Мнение 2.** ...главные проблемы женщин в России — не *безработица*, а мода, платья, стрелки на колготках
Общественный прогресс	**Мнение 1.** ... в России вырос уровень бедности, стал развиваться национализм, растут олигархия и массовая *безработица*. **Мнение 2.** ...безработица в России уже ниже допандемийного уровня. В июле она снизилась до 4.5% (в феврале прошлого года было 4,6%)
Политическое приоритеты общества	**Мнение 1.** ... *безработица* — родимое пятно капитализма, неизбежность. **Мнение 2**. ...поднимете производство, стройте заводы и фабрики и не будете знать, что такое *безработица*... и без всяких там надуманных социалистических пятилеток
Зона ответственности	**Мнение 1.** ... люди не хотят развиваться, отсюда и *безработица*, и бедность. **Мнение 2.** ...будет ли в стране *безработица* или нет — это зависит от действий руководства страны

Таблица 3. Характер изложения мнений пользователей в текстах о безработице

Юмор	*Безработица*? — да во всем виноваты МУТИРУЮЩИЕ ШТАММЫ КОРОНАВИРУСА
Сарказм	... *Безработица* на минимуме, цены на нефть зашкаливают, санкций не существует, рубль в рекордсменах по крепости, инфляция практически не растет. Ситуация в стране стабильная, люди счастливы
Ирония	Все замечательно, но из страны стабильности и процветания, люди “рвут колючку” в ЕС (Евросоюз), где процветает аморалка и *безработица*. Все верно?

Таблица 4. Наиболее частые и наиболее эмоционально насыщенные факторы безработицы в представлениях пользователей

№ п\п	Существительные по частоте упоминаний	Частота повторов	Существительные по силе эмоциональной нагрузки	Эмоциональный фон переживаний
1	Россия	243	Нищета	–0.16079
2	Человек	204	Народ	–0.18223
3	Год	186	Время	–0.18426
4	Страна	151	Человек	–0.18982
5	Уровень	107	Население	–0.1907
6	Население	92	Страна	–0.22043
7	Работа	90	Партия	–0.25036
8	Проблема	81	Россия	–0.25103
9	Партия	61	Жизнь	–0.33852
10	Капитализм	55	Проблема	–0.35721

собой позициями можно назвать болезненно отражающуюся в обсуждениях пользователей проблему, представленную такими категориями, как “нищета”” (–0.16079), а также менее насыщенную, но входящую в первую десятку слов по эмоциональной нагрузке позицию “жизнь” (–0.33852). Важно, что в обоих случаях речь идет о негативном психологическом самочувствии человека, вызванном нерешенными материальными проблемами, т.е. проявляется феномен перехода объективных условий жизни на уровень субъективных переживаний.

Следующий этап исследования связан с оценкой отношения пользователей к факторам, обусловливающим безработицу (рис. 2а). В их представлении существует четыре таких фактора: традиционно сложившаяся ситуация в стране, исторический период, политические решения правящей элиты, а также психологические характеристики самого человека. Последняя позиция является самой малочисленной в ряду других факторов, выделенных пользователями. Если политические факторы “время” и “политика” объединить как ситуативные факторы, то получится, что уровень безработицы определяется внешними, не зависящими от человека причинами (рис. 2б). К такого рода неподвластных воле и действиям человека факторам можно отнести и позицию “страна”, в которой человек родился. Тогда можно говорить, что пользователи считают безработицу внешне детерминированным явлением, на которое они не в силах как-либо повлиять. И лишь 14 человек, что составляет чуть более 1% в общей совокупности перечисленных факторов, считают, что поиск и нахождение работы зависят от самого человека, а не от условий среды. *Эмоциональный анализ текстов пользователей*. Для удобства восприятия количественный диапазон эмоционального фона сообщений представлен шкалой из 20 равномерных частей (рис. 3). Из рисунка очевидно, что наиболее выражены *умеренно-негативные*, близкие к нейтральному, модальности (–0.00480 до –0.14721). Далее выделяются негативные значения (–0.14721 до 0.35729). Среди последних позиций наиболее резко выделяется выраженно негативный фон (–0.16011/–0.1907), который в целом по уровню насыщенности достигает практически последней части шкалы из 20 возможных позиций в то время, как первые 10 положительных позиций не нашли отклика ни у одного из пользователей.

ВЫВОДЫ

Представленное выше группирование обсуждаемых проблем безработицы и изучение эмоционального фона сообщений позволяют утверждать,

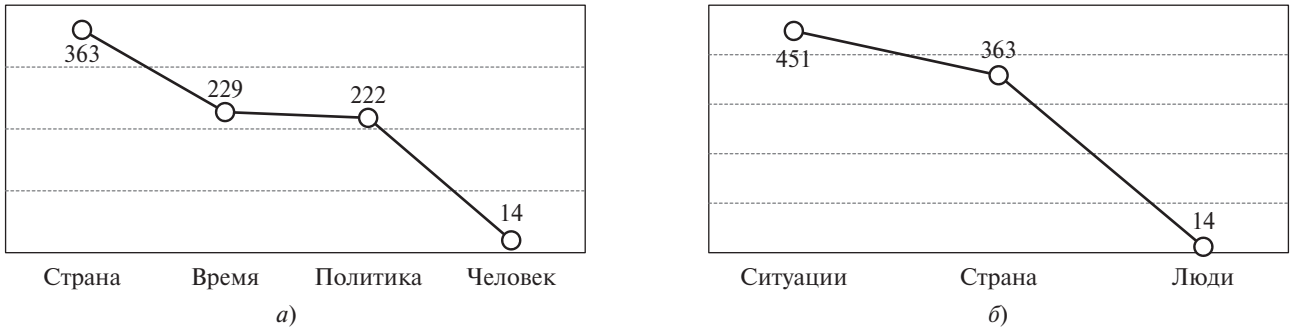


Рис. 2. Особенности представлений пользователей о факторах, обусловливающих безработицу (кол-во)

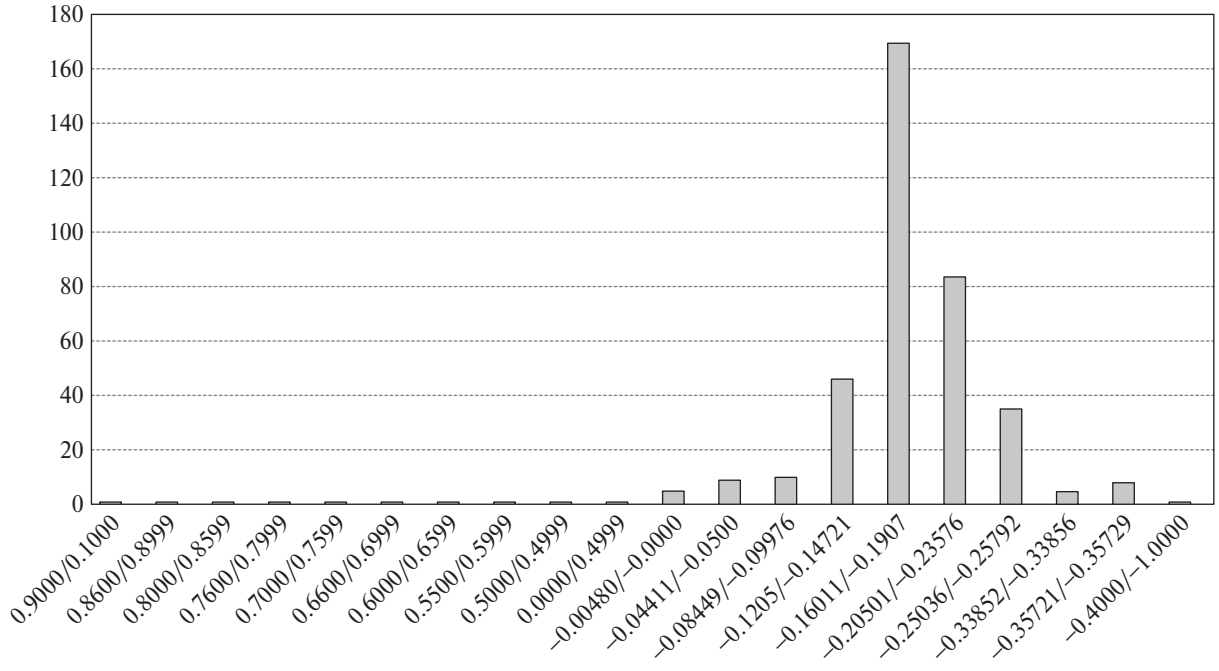


Рис. 3. Распределение эмоционального фона сообщений пользователей, май-июнь 2021 г. (тыс.)

что в переживаниях пользователей экономические проблемы занимают ведущие позиции. Высок и уровень рассуждений, связанных с безработицей как социальным явлением (его факторами, формами и видами).

Неподдельное сожаление и непонимание вызывает у пользователей факт высокого уровня образования многих безработных при наличии у них искреннего желания найти работу. *Наиболее эмоционально насыщенной* позицией, т.е. наиболее болезненно переживаемой, становится осознание низкого уровня жизни безработных, который многими пользователями лаконично определяется как “нищета”.

Частотный и смысловой анализ сообщений пользователей показали солидарные оценки в выделении факторов, обусловливающих безработицу, которые они связывают с внешними по отношению к человеку *условиями социальной среды*. Возложение ответственности за возможный негативный опыт поиска работы на самого человека свойственно для менее чем 1% респондентов.

Выявлено, что эмоциональный фон отношения россиян к безработице оказался в целом *негативным*: позитивных или даже нейтральных оценок в высказываниях пользователей не обнаружено. Уровень интенсивности такого отношения к безработице достигает практически крайних позиций, заполняя все возможные негативные диапазоны 20-балльной шкалы для анализа эмоционального фона высказываний.

Высокая эмоциональная выраженность оценок безработицы и ее последствий позволяет говорить о том, что экономическое и социальное неблагополучие, связанное с сохранением и (или) поиском работы в условиях пандемии коронавируса, вызвало выраженное *снижение психологического самочувствия* пользователей и легла в основу негативных оценок, которые интерпретируются на уровне государства и политической власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологические особенности отношения интернет-пользователей к безработице связаны с ее восприятием как *негативного социального феномена*, который находит отражение в оценках экономических проблем, уровня образования безработных и условий социальной среды, а также оказывает негативное воздействие на *эмоциональное самочувствие* пользователей.

Изучение “цифровых следов” через обращение к программным информационным продуктам представляется перспективным направлением психологических исследований, особенно ориентированных на изучение макропсихологических процессов в обществе [5; 8; 11; 14]. Негативные оценки безработицы с психологической точки зрения указывают на восприятие населением этого феномена как неизбежного экономического явления, с которым придется всегда считаться. Такое понимание ситуации указывает на сдержанное

отношение общества к текущим социально-экономическим проблемам и обстоятельствам, связанным с распространением безработицы, даже в сложных эпидемиологических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алдашева А.А.* Психологическая адаптация специалистов ВМФ к условиям деятельности: Дисс. ... докт. психол. наук. Бишкек, 1995. 381 с.
2. *Виноградов Ю.Е.* Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.,1972. 14 с.
3. *Герсон Е., Чебоненко М.* Скрытые жертвы коронавируса: как мир борется с “карантинным” домашним насилием. URL: https://www.ntv.ru/video/1849520/ (дата обращения 29.05.2020).
4. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18. DOI: 10.31857/S020595920010383-7.
5. *Журавлев А.Л.*, *Китова Д.А.* Психологические особенности отношения к детям пользователей социальной сети Twitter // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 1(17). С. 33–72. URL: http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-1/n20-01-02.html (дата обращения 12.04.2019).
6. *Каплин М.* 6 самых масштабных пандемий в новой истории. URL: https://zen.yandex.ru/media/srokgodnosti/6-samyh-masshtabnyh-pandemii-v-novoi-istorii-5e37da8505c95d27190515ca (дата обращения 25.05.2020).
7. *Китова Д.А.* Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131. DOI: 10.31857/S020595920004062-4.
8. Коронавирус. URL: https://coronavirusstat.ru/#world (дата обращения 22.05.2020).
9. *Ламерти Ж.О.* Человек-машина. М.: Мысль, 1976. 509 с.
10. *Макаров Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250005477-7.
11. *Павлов Н.* Преступность в эпоху эпидемии. URL: https://www.golosameriki.com/a/usa-crime-virus-pandemics/5441588.html (дата обращения 22.05.2020).
12. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: коллективная монография / А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2018. 448 с.
13. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / А.А. Алдашева, Н.Р. Апреликова, Е.Е. Гаврина [и др.]. Москва: Институт психологии РАН, 2020. 503 с.
14. Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции / А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, Д.А. Китова [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2020. 383 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2019.
16. *Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110 (15). P. 5802–5805.
17. *Krishnamurthy B., Gill P., Arlitt M.* A few chirps about twitter// WOSN ’08: Proceedings of the first workshop on Online social networks. 2008. P. 19–24.
18. *Newman M.L., Pennebaker J.W., Berry D.S., Richards J.M.* Lying words: predicting deception from linguistic styles // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. V. 29 (5). P. 665–675.
19. *Ordonez J.* Almost 25 million jobs could be lost worldwide as a result of COVID-19, says ILO. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_738742/lang — en/index.htm (date of the application 12.09.2020).
20. *Pennebaker J.W., King L.A.* Linguistic styles: language use as an individual difference // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77 (6). P. 1296–1312.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ATTITUDES TOWARDS UNEMPLOYMENT AS A SOCIAL PHENOMENON: TRENDS AND PERSPECTIVES OF STUDY[3]

F. O. Semenova[1,*], D. A. Kitova[2,], O. V. Runets[2,***]**

[1]Federal State-financed Establishment Educational Institution of Higher Education Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev; 369202, Republic of Karachay-Cherkess, Karachaevsk, Lenin str., 29, Russia.
[2]Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia;
[*]Doctor of Psychology, Professor, Dean of the Faculty of Psychology. E-mail: faizura66@mail.ru.
[**]Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology. E-mail: j-kitova@yandex.ru.
[***]Candidate of Sciences in Psychology, Research of the Laboratory of Labor Psychology, Ergonomics, Engineering and Organizational Psychology. E-mail: RunecOV@ipran.ru

Received 15.09.2021

Abstract. The article notes that the current spread of coronavirus infection creates difficult conditions for the life of society, having a negative impact on many social spheres. It is shown that the labor crisis caused by the COVID-19 pandemic can increase global unemployment, and as a result, have a negative impact on the development of the economy as a whole, which increases the relevance of the research problem. The authors analyzed publications devoted to studies of unemployment in various branches of science, which made it possible to identify different social levels of its negative impact (global, national and regional). A separate group includes works on the socio-psychological problems of unemployment. It was revealed that the socio-economic or personal characteristics of the experience of unemployment in the context of the coronavirus pandemic have not yet become a significant subject of fundamental research. In particular, the scientific literature does not present facts that reflect the structure of user experiences. Analysis of messages from forums of the unemployed and from social networks allowed the authors to state a high level of reasoning related to unemployment as a social phenomenon, genuine regret about the high level of education of many of them and painful feelings about the low standard of living. Frequency and semantic analysis of messages also made it possible to demonstrate ideas about the factors causing unemployment, which are most often associated with the conditions of the social environment. The analysis of the emotional background of the messages carried out in the work showed the absence of neutral or positive assessments of unemployment (all assessments are negative). High emotional tension in assessing unemployment and its consequences indicates a pronounced decrease in the psychological well-being of users, which becomes the basis for negative judgments, including political content. In conclusion, it is noted that the study of "digital traces" seems to be a very promising direction in the study of macropsychological processes.

Keywords: pandemic, unemployment, psychological factors, content-semantic categories, emotional background.

REFERENCES

1. *Aldasheva A.A.* Psihologicheskaja adaptacija specialistov VMF k uslovijam dejatel'nosti: Diss. ... dokt. psihol. nauk. Bishkek, 1995. 381 p. (In Russian)
2. *Vinogradov Ju.E.* Jemocional'naja aktivacija v strukture myslitel'noj dejatel'nosti cheloveka. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow,1972. 14 p. (In Russian)
3. *Gerson E., Chebonenko M.* Skrytye zhertvy koronavirusa: kak mir boretsja s "karantinnym" domashnim nasiliem. URL: https://www.ntv.ru/video/1849520/ (data obrashhenija 29.05.2020). (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Analiz interesa naselenija k informacii o pandemii koronavirusa (na primere pol'zovatelej poiskovyh sistem interneta).

[3] The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 21-18-00541.

Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 4. P. 5–18. (In Russian)

5. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Psihologicheskie osobennosti otnosheniya k detyam pol'zovatelej social'noj seti Twitter. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. Tom 5. № 1(17). S. 33–72. URL: http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-1/n20-01-02.html (data obrashcheniya 12.04.2019).
6. *Kaplin M.* 6 samyh masshtabnyh pandemij v novoj istorii. URL: https://zen.yandex.ru/media/srokgodnosti/6-samyh-masshtabnyh-pandemii-v-novoi-istorii-5e37da8505c95d27190515ca (data obrashhenija 25.05.2020). (In Russian)
7. *Kitova D.A.* Otechestvennaja psihologija v uslovijah razvitija global'nyh processov. Psihologicheskij zhurnal. 2019. V. 40. № 2. P. 128–131. (In Russian)
8. Koronavirus. URL: https://coronavirusstat.ru/#world (data obrashhenija 22.05.2020). (In Russian)
9. *Lamerti Zh.O.* Chelovek-mashina. Moscow: Mysl', 1976. 509 p. (In Russian)
10. *Makarov T.* Obshhestvo travmy: mezhdu jevoljuciej i revoljuciej (kruglyj stol). Sociologicheskie issledovanija. 2019. № 6. P. 3–14. (In Russian)
11. *Pavlov N.* Prestupnost' v jepohu jepidemii. URL: https://www.golosameriki.com/a/usa-crime-virus-pandemics/5441588.html (data obrashhenija 22.05.2020). (In Russian)
12. Psihologicheskie issledovanija global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy: kollektivnaja monografija. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova, V.A. Sosnin [i dr.]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2018. 448 p. (In Russian)
13. Psihologicheskie issledovanija v internet-prostranstve: poiskovye sistemy, social'nye seti, jelektronnye bazy. A.A. Aldasheva, N.R. Aprelikova, E.E. Gavrina [i dr.]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2020. 503 p. (In Russian)
14. Psihologicheskie faktory razvitija geopoliticheskih otnoshenij: sub#ekty, mehanizmy, tendencii. A.L. Zhuravlev, V.A. Sosnin, D.A. Kitova [i dr.]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2020. 383 p. (In Russian)
15. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii. Sankt-Peterburg: Piter, 2019. (In Russian)
16. *Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110 (15). P. 5802–5805.
17. *Krishnamurthy B., Gill P., Arlitt M.* A few chirps about twitter. WOSN '08: Proceedings of the first workshop on Online social networks. 2008. P. 19–24.
18. *Newman M.L., Pennebaker J.W., Berry D.S., Richards J.M.* Lying words: predicting deception from linguistic styles. Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. V. 29 (5). P. 665–675.
19. *Ordonez J.* Almost 25 million jobs could be lost worldwide as a result of COVID-19, says ILO. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS _738742/lang — en/index.htm (date of the application 12.09.2020).
20. *Pennebaker J.W., King L.A.* Linguistic styles: language use as an individual difference. Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77 (6). P. 1296–1312.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 121–124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 159.9:061.2/.3

32-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ПСИХОЛОГИИ[1]

© 2021 г. И. М. Созинова

Институт экспериментальной психологии ФГБУ ВО МГППУ;
123290, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, стр. 3, Россия.
Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории нейрокогнитивных исследований индивидуального опыта

Поступила 12.08.2021

Аннотация. Представлены результаты работы 32-го Международного конгресса по психологии (The 32-th International Congress of Psychology 2020+), который состоялся 18–23 июля 2021 года в Праге (Чехия). В конгрессе приняли участие более чем 9000 докладчиков из 87 стран. Были представлены доклады по разным направлениям психологии и смежным специальностям (медицина, педагогика и др.). Описывается краткое содержание ключевых интервью и лекций Д. Канемана, Ф. Зимбардо, К. Маслак, Р. Птацека, Э. Лофтус, Ю. Мойцы, С. МакФарлэнда, а также отдельных симпозиумов и кратких докладов.

Ключевые слова: международный конгресс по психологии, интуиция и рациональность в принятии решений, тюремный эксперимент, героизм, глобальная идентификация, ложные воспоминания, психофизиология страха.

DOI: 10.31857/S020595920017747-7

Тридцать второй международный конгресс по психологии (The 32-th International congress of psychology 2020+) состоялся 18–23 июля 2021 года в Праге. Конгресс проходит с 1889 года раз в четыре года и является одним из наиболее значимых международных психологических событий. В этом году конгресс впервые прошел полностью в онлайн формате на платформе Whova, который позволил расширить количество докладов, особенно ключевых лекций. Всего приняло участие более 9000 докладчиков из 87 стран, представляющих университеты, школы, медицинские научно-исследовательские институты, государственные и коммерческие органы, промышленные организации и консультационные агентства. Программа конгресса включала воркшопы, устные и постерные доклады, симпозиумы, ключевые лекции.

В рамках конгресса было организовано интервью с Даниэлем Канеманом (*Daniel Kahneman*, Университет Принстона) о его научной деятельности. Д. Канеман описывал свои первые наблюдения несоответствия поведения и самоотчетов людей в стрессовой ситуации, обсуждал роль интуиции и рациональности в принятии решений. Исследователь подверг критике термин иррациональность, утверждая, что всякое поведение рационально. Отдельно обсуждались исследования по утилитарности решения, которая подвержена предубеждениям; эвристиках в мышлении человека. Д. Канеман отметил, что хотя у исследований с праймингом низкий уровень повторяемости, он не исключает значения прайминга в процессе принятия решений.

В рамках лекции Филипа Зимбардо (*Philip Zimbardo*, Стэнфордский университет) *“Психологическое путешествие в область Зла, Исцеления и Героизма”* обсуждались представления о зле, застенчивости, героизме. Автор рассказал про Стенфордский эксперимент с заключеными и надзирателями, суть которого состояла в том, что добровольцев разделили на две группы, поместили их в соответствующие ролям условия и следили за поведением. Обсуждались причины жестокости надзирателей по отношению к заключеным. Кроме того, Ф. Зимбардо высказал свои представления о героизме, основных характеристиках этого явления и о проектируемой образовательной программе по формированию героизма.

В ходе ключевой лекции *“Выгорание в 21-м веке: Прошлое и Будущее”* Кристина Маслак (*Christina Maslach*, Университет Калифорнии, Беркли)

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО МГППУ в рамках научного проекта “Социальные аспекты формирования индивидуального опыта в онтогенетическом развитии”

описала историю исследования феномена выгорания, выделила его три ключевые характеристики при хронической стрессовой ситуации на работе: истощение (негативный ответ на стресс), цинизм (негативное восприятие работы и других) и неэффективность (негативное восприятие себя). На основании проведенных исследований автор делает вывод, что эти характеристики проявляются не столько из-за личности человека, сколько из-за рабочего окружения, поэтому профилактические работы, нацеленные на изменение отношения человека к рабочему процессу неэффективны при отсутствии изменений в условиях работы.

В рамках ключевой лекции Радека Птацека (*Radec Pacek*, первый медицинский факультет Чарльзского университета в Праге) *“СДВГ — диагноз 21-го века”* рассматривались история изучения синдрома, его уточнение с точки зрения современных данных. Обсуждалась гендерная разница в проявлении симптомов СДВГ. Так, у мальчиков чаще наблюдаются проявления агрессии и импульсивности, тогда как у девочек чаще проявляется дефицит внимания, что так же мешает им адаптироваться в социальной среде, в том числе и в образовательной. Автор ставит под сомнение критерии диагностики, представляет аргументы для их пересмотра. Отмечается, что основные симптомы СДВГ импульсивность, гиперактивность, дефицит внимания и коморбидность имеют разную динамику в онтогенезе. Дефицит внимания повышается в течение жизни, а импульсивность и гиперактивность снижаются. Однако Р. Птацек предполагает, что такая динамика характеризует высокий уровень ранней смертности людей с симптомами импульсивности и гиперактивности, а не снижение этих симптомов с возрастом. В завершении лекции автор затронул этические проблемы, связанные с диагностированием СДВГ.

В рамках ключевых лекций был представлен доклад Элизабет Лофтус (*Elizabeth Loftus*, *Калифорнийский университет в Ирвайне*) *“Фикция памяти”*. Были описаны исследования о богатых ложных воспоминаниях (rich false memory) — воспоминаниях о каком-то событии, которого не было. Существует много способов формировать такие воспоминания: мечты, гипноз, сфабрикованные фото- и видеоматериалы и др. Э. Лофтус представила данные, свидетельствующие об отсутствии различий поведения, эмоциональной окраски и нейронного обеспечения истинных и богатых ложных воспоминаний. В дискуссии обсуждались этические вопросы, положительные и отрицательные стороны использования богатых ложных воспоминаний как метода лечения людей после травматических событий.

Ключевая лекции Юрисевиц Мойцы (*Jurisevic Mojca*, Университет Любляны) *“Мотивация учиться*: *взаимодействие настоящих и будущих исследований и практики”* была посвящена разрыву между мотивацией к обучению в рамках школьного образования и личной мотивацией к обучению. Проведены исследования мотивации в рамках дистанционного обучения. Выявлено, что мотивация к обучению снижается у всех учеников, однако, чем старше ребенок, тем динамика снижения меньше. В конце доклада обсуждались способы повышения мотивации к обучению в условиях образовательной среды.

В рамках ключевой лекции Сэма МакФарлэнда (*Sam McFarland*, Университет западного Кентуки) *“Все человечество едино*: *исследование глобальной идентификации человека и гражданства”* было представлено исследование идентификации человека со всем человечеством. Описаны экспериментальные данные, свидетельствующие об отрицательной корреляции между идентификацией человека с человечеством и предубеждениями к членам разных групп, и положительной корреляции с эмпатией и принятием точек зрения других (perspective taking). Людям, идентифицирующим себя с человечеством, характерна большая озабоченность экологией и глобальными проблемами. Показано, что уровень “глобальной” идентификации достоверно повышался, если человека просили представить себя самым высоконравственным. С. МакФарлэнд представил возможные способы увеличения количества людей с “глобальной” идентификацией, среди которых отдельно выделил образование и путешествия.

Симпозиум “Взаимосвязь сенсомоторики с познанием при нормальном и патологическом старении” был посвящен набирающей популярность проблеме воплощенного познания (embodied cognition). Ян Куэлло (Yan Coello) в рамках доклада “Репрезентация периферического пространства в мозге здорового и больного человека” обосновал, в том числе и с помощью нейрофизиологических данных, что периферическое пространство является мультисенсорным. Был проведен эксперимент, в котором взрослые и дети оценивали близость объекта. Взрослые люди значимо переоценивали расстояние, когда объект находился в периферической зоне. Аналогичный эксперимент был проведен при участии взрослых и пожилых людей (31–82 года) с инсультом в разных полушариях мозга. Были получены данные о дефиците связи моторики и сенсорики при инсультах, преимущественно

правого полушария, которые никак не отражались на способности выполнять простые моторные задания. Таким образом, люди неадекватно оценивали расстояния в периферической зоне ни при воображаемой оценке, ни при реальном физическом действии. В рамках доклада Лео Дутруа (Leo Dutriax) "Старение и положение манипулируемых объектов в памяти" была представлена концепция моторного аффорданса. Продемонстрированы данные о мозговой активации в моторной системе при предъявлении изображений объектов, которыми можно манипулировать. Представлены данные эксперимента, в ходе которого людям предъявляли изображения объектов, с которыми можно и нельзя манипулировать, затем предъявляли отвлекающую задачу, после чего просили вспомнить и произнести название объекта. Во время выполнения этой процедуры у одной группы людей руки были за спиной, у другой – лежали перед ними на столе. Люди, у которых руки были расположены на столе, значимо чаще воспроизводили названия объектов, с которыми можно манипулировать, в отличие от объектов, с которыми нельзя манипулировать и в отличие от людей, державших руки за спиной. Такой же эффект наблюдался и у пожилых людей, при этом количество правильных ответов было значимо ниже во всех заданиях у обеих групп. Таким образом, сделан вывод о том, что моторная память у взрослых и пожилых людей имеет одинаковые механизмы. Гуилам Валле (Guillaume Vallet) в докладе "Воплощенное познание при старении: сенсорный ключ к познанию" высказал предположение о здоровом старении при взаимодействии восприятия и познания. Были приведены экспериментальные данные по восприятию различных объектов при участии пожилых людей с разными заболеваниями. Сделаны выводы о том, что при нормальном старении репрезентация происходит в более "низком разрешении" (предположительно из-за визуальной модальности), болезнь Альцгеймера характеризуется дефицитом мультимодальной интеграции, семантическая деменция — дефицитом визуальной/сенсорной интеграции, а болезнь Паркинсона — дефицитом моторной интеграции.

В основном, в рамках конгресса устные доклады не были организованы по тематическим секциям и симпозиумам, а были представлены отдельно. В рамках доклада Вен Фангфанг (*Wen Fangfang*) *"Изучение неявных гендерных стереотипов у детей с помощью парадигмы стереотипных объяснительных предубеждений"* было представлено исследование детей 3–6 лет. Детям предъявляли ситуации с другими детьми, которые вели себя соответственно и несоответственно стереотипному гендерному поведению, и просили объяснить, почему они ведут себя предложенным образом. В ходе оценки стереотипных объяснений было выявлено, что имплицитные гендерные предубеждения появляются в возрасте 3–4 лет.

В рамках доклада Хироми Цуджи (*Hiromi Tsuji*) *"Эгалитаризм у дошкольников: можно ли объяснить просоциальное поведение с помощью познавательных процессов?"* представлено исследование, в ходе которого показано, что дети с возрастом все чаще применяют стратегию "уравнивания" в диктаторской игре. Это поведение не было связано с самоконтролем ребенка. С помощью анализа дополнительных переменных, в том числе отчетов родителей и учителей, сделан вывод о том, что развитие просоциального поведения связано с прошлым опытом ребенка и воспитанием. Например, одним из факторов развития просоциального поведения является наличие братьев и сестер.

В начале доклада Лианг Кенг-Чена (*Liang Keng-Chen*) *"Рассказ о двух энграммах — роль миндалины и гиппокампа в изучении страха"* представил противоречивые данные литературы о вкладе гиппокампа и миндалины в процесс формирования страха. С одной стороны, выявлен больший вклад активности гиппокампа при формировании контекстного страха, а миндалины – в ответ на стимул. С другой стороны, представлены данные о влиянии активности гиппокампа и в контекстных, и в стимульных условиях. В рамках исследования при участии мышей было показано, что при формировании контекстного и шокового (стимульного) страха участвуют разные нейротрансмиттеры. Получены экспериментальные данные, свидетельствующие в пользу предположения о том, что шоковый стимул может являться частью контекста, а в разных условиях формирования страха, актуализируются разные мозговые механизмы.

В целом, конгресс охватил более, чем 30 различных тем, связанных с психологическими науками и смежными темами, среди которых психология личности, клиническая психология, патопсихология, психология развития, социальная психология, эволюционная психология, нейропсихология, методология, психология труда, сравнительная психология, психология искусства, психология спорта, коучинг, религия, образование и др.

THE 32-TH INTERNATIONAL CONGRESS OF PSYCHOLOGY (ICP 2020+)[2]

I. M. Sozinova

Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; 123290, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, bldn. 3, Russia.
PhD in Psychology, Research Fellow, Laboratory for Neurocognitive Research of Individual Experience

Received 08.12.2021

Abstract. The results of the work of The 32-th International Congress of Psychology (ICP 2020+), which took place on July 18–23, 2021 in Prague (Czech Republic), are presented. More than 9000 speakers from 87 countries took part in the congress. Reports were presented on various areas of psychology and related specialties (medicine, pedagogy, etc.). A brief summary of key interviews and lectures by D. Kahneman, F. Zimbardo, K. Maslak, R. Ptacek, E. Loftus, Y. Moytsa, S. McFarland, as well as individual symposia and short reports is described.

Keywords: international congress on psychology, intuition and rationality in decision making, prison experiment, heroism, global identification, false memories, psychophysiology of fear.

[2] The work was prepared with the financial support of the Moscow State University of Psychology and Education within the framework of the scientific project “Social aspects of the formation of individual experience in ontogenetic development”

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 125–126

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВИКТОРУ ИСАЕВИЧУ БЕЛОПОЛЬСКОМУ — 75 ЛЕТ

25 декабря 2021 года исполняется 75 лет Виктору Исаевичу Белопольскому — известному специалисту в области психологии восприятия, когнитивной психологии, психометрики, доктору психологических наук, главному научному сотруднику Института психологии РАН, главному редактору издательства “Институт психологии РАН” и психологического издательства “Когито-Центр”.

Виктор Исаевич родился и вырос в Москве. После окончания средней школы в 1964 г. поступил в Московский электротехнический институтсвязи, однако затем увлекся психологией и поступил в МГУна факультета психологии.

Годы учебы (1967–1972) стали определяющими в становлении Виктора Исаевича как психолога. Именно в годы учебы была сформирована познавательная установка Виктора Исаевича на экспериментальное исследование динамических характеристик деятельности человека, которая последовательно реализовалась в его дипломной работе “Опыт исследования эмоциональной регуляция сложной практической деятельности, протекающей в трудных для субъекта условиях” (руководитель О.И. Овчинникова, 1972), кандидатской диссертации “Исследование динамики функционального поля зрения методом варьирования величины оптической обратной связи” (научный руквводитель Н.Ю. Вергилес, 1977) и докторской диссертации “Функциональная структура и динамика взора человека” (2007).

В 1972 году Виктор Исаевич Белопольский в числе небольшой группы выпускников факультета психологии МГУ был распределен на работу в только что организованный Институт психологии АН СССР. Лабораторий зрительного восприятия, в которую был зачислен Виктор Исаевич, руководил директор Института Б.Ф. Ломов, позднее ее возглавил Н.Ю. Вергилес. Совместно с ним и В.А. Барабанщиковым Виктор Исаевич является автором нового подхода к исследованию тонких зрительно-моторных взаимодействий, в основу которого лег метод трансформации оптической обратной связи. В отличие от традиционной точки зрения, что движения глаз выполняют гностические функции и что разным типам движений глаз соответствуют разные системы регуляции, была выдвинута гипотеза о едином следящем механизме регуляции движений глаз, выполняющих важную, но вспомогательную роль в организации процесса зрительного восприятия. Цикл этих исследований частично был опубликован в коллективной монографии “Движение глаз и зрительное восприятие” (1978), а также в многочисленных статьях в отечественных и зарубежных журналах.

1990–2000-е годы исследовательские интересы Белопольского В.И. были сосредоточены на изучении перцептивно-моторных механизмов процесса чтения, их развития у детей, а также их функционирования при использовании динамических режимов предъявления текстов с помощью видеотерминалов. Кроме того, был выполнен цикл

исследований по пространственной ориентации человека в условиях гравитационных возмущений. Важным результатом этих исследований стало создание нового фотоэлектрического метода регистрации торзионных движений глаз (совместно с Н.Ю. Вергилесом).

В 2007 году Белопольский В.И. опубликовал монографию “Взор человека: механизмы, модели, функции”, где обобщил свои исследования в этой области и сформулировал представление о взоре человека как функциональном органе восприятия. Новый подход к механизмам пространственной ориентации человека был изложен в монографии “Стабильность видимого мира” (2008), написанной совместно В.А. Барабанщиковым.

В 1995 году Виктор Исаевич организовал и возглавил психологическое издательство “Когито-Центр”, книги которого по актуальным вопросам психологической науки и практики широко известно и в России, и за рубежом. Еще одним направлением деятельности “Когито-Центра” и Виктора Исаевича как его научного руководителя является адаптация, стандартизация и издание лицензионного психологического инструментария, как отечественного, так и зарубежного.

С 2002 года Виктор Исаевич возглавляет редакционно-издательскую работу в Институте психологии РАН. За это время увидело свет уже более 400 книг сотрудников Института, и каждая из них прошла через его руки, впитала кусочек его души.

Виктор Исаевич неоднократно участвовал в международных и отечественных конференциях, где руководил секциями и выступал с докладами. Работал в качестве приглашенного профессора в США и Германии.

В последние годы фокус научно-исследовательской работы Виктора Исаевича сместился на проблемы истории психологии, в частности, истории создания и развития Института психологии РАН, пятидесятилетие которого отмечается в этом году.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 127–128

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОБОЗНОВУ — 75 ЛЕТ

27 декабря 2021 года исполнилось 75 лет известному отечественному специалисту в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики, доктору психологических наук, профессору, главному научному сотруднику Института психологии РАН А.А. Обознову.

Александр Александрович родился в Москве, в семье служащих. В 1965 году окончил 11-летнею среднюю школу, В этот же год поступил на факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, по окончанию которого в 1970 году был направлен в филиал авиационной медицины Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации, где работал младшим научным сотрудником, затем начальником сектора психофизиологических исследований и рационализации труда диспетчерского и технического состава. В 1973 году поступил в аспирантуру Института психологии Академии Наук СССР. Начиная с 1975 по 1994 год включительно — младший, затем старший научный сотрудник Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины Министерства Обороны СССР. С 23 января 1995 Александр Александрович — старший научный сотрудник, заведующий лабораторией инженерной психологии и эргономики, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

В 1978 году защитил кандидатскую диссертацию “Исследований условий выявления летчиками критических ситуаций полета” (научный руководитель академик РАО В.А. Пономаренко), в 2003 году — докторскую диссертацию “Психическая регуляция операторской деятельности в особых условиях”. Центральными в научных исследованиях А.А. Обознова являются фундаментальные и прикладные психологические проблемы профессиональной деятельности человека. В разработанной им ситуационно-динамической концепции с позиций системного подход раскрыты закономерности функционирования структурно полноценной системы психической регуляции деятельности в обычных и экстремальных условиях рабочей среды. Введено понятие ситуативных предпосылок функционирования системы психической регуляции, которые складываются по ходу деятельности и поразному проявляют себя в зависимости от конкретных условий рабочей среды и текущих требований профессиональных задач, функционального состояния человека, его отношения к выполняемой деятельности. Выделено три вида таких предпосылок — своевременное поступление к человеку сигналов, необходимых для осуществления деятельности; актуальные возможности человека по приёму и преобразованию информации; сохранение для человека побудительной силы профессиональных целей. Под воздействием экстремальных факторов внешней среды и требований выполняемой деятельности уровень проявления ситуативных предпосылок снижается, что закономерно приводит к нарушениям функционирования психической регуляции и снижению надёжности выполняемой деятельности. Показано, что эти нарушения

не могут преодолеваться только за счёт собственных ресурсов человека. В этой связи, обосновано понятие единого пространства ресурсов психической регуляции — внутренних, принадлежащих человеку, и внешних, которыми специально наделяются используемые им инструментальные средства, а также рабочая среда, включая организационное окружение. К единому пространству применим принцип дополнительности, согласно которому снижение внутренних ресурсов может быть компенсировано за счет применения внешних ресурсов и наоборот. В итоге экспериментальных исследований, доказана конструктивность положений ситуационно-динамической концепции, что позволило обосновать инженерно-психологические требования к средствам оперативной поддержки функционирования психической регуляции деятельности человека-оператора в экстремальных условиях. В последние два десятилетия под научным руководством А.А. Обознова проводятся исследования по широкому кругу актуальных и перспективных проблем психологии труда, инженерной психологии и эргономики, в т.ч., проблем культуры безопасности на предприятиях повышенного техногенного риска, надежности операторской деятельности, доверия технике, формирования концептуальных моделей крупномасштабных человеко-машинных комплексов у операторов, личности профессионала, профессионального выгорания, профессионального благополучия и др.

А.А. Обознов уделяет большое внимание научно-организационной и педагогической работе. Начиная с 2012 года, он является научным соруководителем получившего известность и признание научно-практического семинара “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики”, организатором и первым научным руководителем которого был профессор В.А. Бодров. Работа семинара не прерывается и в годы пандемии, проходя в режиме он-лайн. С 2012 года по материалам докладов на заседаниях семинара изданы 5 сборников научных трудов, одним их ответственных редакторов которых является А.А. Обознов. Много сил и времени он отдаёт подготовке научных специалистов высшей квалификации. Под его научным руководством успешно защищены 13 кандидатских диссертаций. Им были разработаны авторские учебные курсы по психологии труда, инженерной психологии и эргономике для бакалавров и магистров. в нескольких московских университетах и институтах. А.А. Обознов является членом авторского коллектива университетского учебника “Психология труда, инженерная психология и эргономика” для академического бакалавриата. Он член диссертационных советов, избран член-корреспондентом Международной академии человека в аэрокосмических системах.

Отметим человеческие качества А.А. Обознова — чуткость, внимательность, тактичность, готовность выслушать и оказать помощь собеседнику. Эти качества помогли ему долгие годы успешно проводить авторские профориентационные консультации, в т.ч., с взрослыми людьми.

Александр Александрович полон творческих замыслов, продолжает руководить перспективными научными исследованиями, активный участник научных конференций и съездов, работает над новыми проблемами психологии труда, инженерной психологии и эргономики.

Редакция “Психологического журнала” присоединяется к поздравлениям А.А. Обознова. Желаем Александру Александровичу крепкого здоровья и новых творческих достижений!.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 129–129

* * *

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

7 октября не стало Владимира Петровича Морозова — доктора биологических наук, профессора, главного научного сотрудника Института психологии РАН, виднейшего специалиста в области психофизиологии и психоакустики речи и голоса, невербальной коммуникации, научных основ вокального искусства.

Владимир Петрович родился 1 апреля 1929 года на берегах Валдайского озера. Как и многих в этом поколении, его коснулась война. Погиб отец. Возвращаясь из эвакуации, попали под обстрел, и мальчик чудом остался жив. Полученные ранения до конца лет не давали забыть пережитое. Возможно, эти воспоминания определили становление личности Владимира Петровича, деликатного, отзывчивого и доброго человека, покорявшего своими душевными качествами, каждого, кто его знал.

В.П. Морозов с отличием окончил Ленинградский государственный университет. В 1960 году защитил кандидатскую диссертацию по теме “Исследование роли вибрационной чувствительности в регулировании голосовой функции человека”, а в 1970 докторскую — “Биофизические характеристики вокальной речи”.

Поражает многогранность научной деятельности Владимира Петровича. В Институте эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР он прошел плодотворный путь от научного сотрудника до заведующего лабораторией биоакустики. Вместе с тем он стал организатором и заведующим лабораторией по изучению певческого голоса Ленинградской государственной консерватории. Переехав в 1987 году в Москву, В.П. Морозов по приглашению Б.Ф. Ломова возглавил вновь организованную лабораторию невербальной коммуникации Института психологии АН СССР. Одновременно он стал руководителем Межведомственного центра “Искусство и наука” Академии наук и Министерства культуры РФ, занялся изучением певческого голоса и эмоционального слуха студентов-вокалистов и мастеров вокального искусства в Научно-исследовательском центре Московской консерватории.

Новаторство, сочетание оригинальных теоретических идей с решением практических задач, искусство писать просто и интересно отличают все научное творчество В.П. Морозова. Им опубликовано свыше 500 научных и научно-популярных трудов, в том числе 15 монографий, три из которых — “Невербальная коммуникация”, “Экспериментально-психологические исследования” (2011), “Резонансная техника пения и речи. Методики мастеров” (2013), “Язык эмоций и эмоциональный слух” (2017), подытожили основные направления творчества ученого.

Среди учеников профессора Морозова не только подготовленные им кандидаты психологических наук, но также кандидаты и доктора биологических и медицинских наук, искусствоведения, что является еще одним свидетельством широты его научных интересов.

Многогранность дарований, творческое долголетие, доброжелательность, благородство Владимира Петровича по праву могут выступать примером для новых поколений ученых. Коллеги и ученики навсегда сохранят память о нем — замечательном ученом и человеке.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 6, с. 130–133

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В “ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ” В 2021 Г. ТОМ 42

Аванесян Г.М., Акопов Г.В., Акопян Л.С., Ермолаева М.В., Лубовский Д.В., Солотарев С. Инновационное сознание управленческих кадров: возможности психологической оценки. № 4, 97–105.

Айрапетян З.В. См. Веракса Н.Е. № 4.

Акиньшина А.Д. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Акопов Г.В. См. Аванесян Г.М. № 4.

Акопян Л.С. См. Аванесян Г.М. № 4.

Александров И.О. См. Максимова Н.Е. № 1.

Александров Ю.И. См. Апанович В.В. № 2.

Аллахвердов В.М., Карпинская В.Ю. Порог осознания как эмпирическая данность и как логическая неизбежность. № 6, 14–24.

Алмазова О.В. См. Веракса Н.Е. № 4.

Ананьева К.И. См. Мезенцева А.А. № 2.

Аникеева Т.Я. См. Матвеева Л.В. № 6.

Аношкин И.В. См. Сычев О.А. № 3.

Апанович В.В., Арамян Э.А., Дольникова М.С., Александров Ю.И. Различия мозгового обеспечения решения аналитических и холистических задач. № 2, 45–60.

Арамян Э.А. См. Апанович В.В. № 2.

Артемцева Н.Г., Самойленко Е.С. Ориентированность на социальное сравнение и субъективное отношение к моде. № 3, 16–26.

Артемьева О.А. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии. № 1, 122–131.

Батраков С.Ю. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. № 1, 36–45.

Белоусов К.И. См. Сычев О.А. № 3.

Бессонова Ю.В. . Журавлёв А.Л. № 6.

Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов. № 1, 66–79.

Бороховский Е.Ф. См. Сидоренков А.В. № 1.

Бочаров А.В. См. Князев Г.Г. № 2.

Бусел-Кучинская Е.Н. См. Гриценко В.В. № 5.

Бутовская М.Л. См. Мезенцева А.А. № 2.

Быховец Ю.В. Интенсивность информационного воздействия как психотравмирующий фактор ситуации вирусной угрозы. № 5, 37–48.

Веракса Н.Е., Алмазова О.В., Айрапетян З.В., Тарасова К.С. Гетерохронность развития диалектического мышления у детей старшего дошкольного возраста. № 4, 59–73.

Виленская Г.А. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Воронцов Д.В. См. Сидоренков А.В. № 1.

Гайдай А.С. Факторы эффекта Барнума: анализ и перспективы. № 2, 61–70.

Горбунова Е.С. См. Рубцова О.С. № 2.

Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Бусел-Кучинская Е. Н., Михайлова Е.Л., Фофанова Г.А. Тематические онлайн-форумы как пространство для принятия решения об эмиграции и преодоления пре-аккультурационного стресса. № 5, 69–79.

Гришина Н.В., Костромина С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности. № 3, 39–51.

Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов. № 1, 46–55.

Дан И.М. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Дан М.В. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Демидов А.А. См. Мезенцева А.А. № 2.

Десфонтейнес Л.Г., Корчагина Е.В. Потенциал “серебряного” поколения современной России. № 3, 137–146.

Долгова Е.А. Институт социальной психологии: проект и дискуссия о докладной записке Г.И. Челпанова (1926 г.). № 3, 117–127.

Дольникова М.С. См. Апанович В.В. № 2.

Дорфман Л.Я. Представления Я.А. Пономарева о психофизической проблеме. № 1, 16–25.

Дробышева Т.В. Экономико-психологическая зрелость личности в разных условиях вторичной экономической социализации: разработка проблемы и результаты исследований. № 4, 40–49.

Ермолаева М.В. См. Аванесян Г.М. № 4.

Еськин Н.А. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Ефременкова М.Н. См. Гриценко В.В. № 5.

Жалагина Т.А. Технологические инновации в процессе развития социума: от плюсов и минусов к консенсусу. № 2, 122–126.

Журавлев А.Л. См. Китова Д.А. № 4.

Журавлев А.Л. См. Исурина Г.Л. № 2.

Журавлев А.Л. См. Мироненко И.А. № 6.

Журавлев А.Л. См. Моргун А.Н. № 1.

Журавлев А.Л. См. Позняков В.П. № 3.

Журавлёв А.Л., Обознов А.А., Бессонова Ю.В. Психология профессиональной деятельности: психофизиологическое и психолого-педагогическое направления

исследований (к 90-летию со дня рождения В.А. Бодрова). № 6, 92–98.

Журавлев А.Л., Почебут Л.Г. Направления и проблемы развития отечественной психологии в послевоенные годы (по материалам конференции в Ленинградском университете 1947 г.). № 2, 88–97.

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными института психологии РАН. № 4, 5–15.

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий. № 3, 5–15.

Журавлев А.Л. См. Белопольский В.И. № 1.

Зайцев О.С. См. Харламенкова Н.Е. № 6.

Зелянская Н.Л. См. Сычев О.А. № 3.

Золотарева А.А. Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). № 5, 80–88.

Иваницкая Е.Д. См. Куфтяк Е.В. № 5.

Исурина Г.Л., Карпова Э.Б., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия. № 2, 36–44.

Кандыбович С.Л., Лысаков Н.Д., Лысакова Е.Н. Отечественная космическая психология: история становления и особенности развития. № 3, 97–106.

Карпинская В.Ю. См. Аллахвердов В.М., № 6.

Карпова Э.Б. См. Исурина Г.Л. № 2.

Китова Д.А. См. Семенова Ф.О. № 6.

Китова Д.А., Журавлев А.Л. Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян. № 4. 106–117.

Князев Г.Г., Бочаров А.В., Савостьянов А.Н., Левин Е.А. Связь черт личности, культурных ценностей и коннективности дефолт-системы мозга с оценкой себя и других людей. № 2, 5–14.

Козлов М.Ю. См. Куфтяк Е.В. № 5.

Копосова А.Н. См. Харламенкова Н.Е. № 6.

Коржова Е.Ю. Типология личности в творчестве Ф.М. Достоевского. № 3, 64–74.

Корниенко Д.С. См. Шевелева М.С. № 1.

Корнилов С.А. См. Корнилова Т.В. № 3.

Корнилова Т.В., Корнилов С.А. Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок). № 3, 27–38.

Корчагина Е.В. См. Десфонтейнес Л.Г. № 3.

Костригин А.А. См. Белопольский В.И. № 1.

Красник В.С. См. Михайлова С.В. № 6.

Куфтяк Е.В., Слюсарев А.С., Козлов М.Ю., Иваницкая Е.Д. Небезопасная привязанность и депрессия у взрослых. № 5, 17–23.

Левин Е.А. См. Князев Г.Г. № 2.

Лето И.В., Логинова С.В. Времяпрепровождение детей и подростков как показатель их благополучия. № 4. 74–85.

Лисенкова В.П., Шпагонова Н.Г. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени взрослыми людьми. № 5, 5–16.

Логинова Н.А. Августа Викторовна Ярмоленко — видная представительница петербургской психологической школы. № 2, 82–87.

Логинова С.В. См. Лето И.В. № 4.

Логинова С.В., Слободская Е.Р. Индивидуальные особенности и благополучие детей: модерирующая роль семейной среды. № 1, 80–91.

Лубовский Д.В. См. Аванесян Г.М. № 4.

Лысаков Н.Д. См. Кандыбович С.Л. № 3.

Лысакова Е.Н. См. Кандыбович С.Л. № 3.

Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Социальное прогнозирование: от Форсайта к методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий. № 2, 115–121.

Максимова Н.Е., Александров И.О. Проект творения предмета психологии в методологической концепции Я.А. Пономарева. № 1, 5–15.

Марков Ю.А. См. Рубцова О.С. № 2.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Степанова О.Б. Образ России в сознании российской молодежи: особенности ценностно-смыслового кода культурных представлений. № 6, 99–110.

Матвейчук Н.Н. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Горьковая И.А., Микляева А.В., Сараева Н.М., Суханов А.А., Терон Л., Унгар М. Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями жизни. № 4, 16–27.

Машкова А.С. См. Толочек В.А. № 4.

Медведева Д.С. См. Хотинец В.Ю. № 2.

Мезенцева А.А., Бутовская М.Л., Ананьева К.И., Демидов А.А. Маскулинность лица: морфология и восприятие. № 2, 71–81.

Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Культурная психология Яана Вальсинера. Часть I. В дискурсе глобальной науки. № 6, 5–13.

Михайлова Е.Л. См. Гриценко В.В. № 5.

Михайлова С.В., Красник В.С. Субъектно-личностные характеристики офицеров военного вуза как предикторы эмоционального выгорания. № 6, 60–69.

Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ). № 1, 111–121.

Мочалова Ю.В. См. Матвеева Л.В. № 6.

Мураценкова Н.В. См. Гриценко В.В. № 5.

Непомелуева М.И., Рикель А.М. Представления молодого поколения россиян об измене в романтических отношениях. № 1, 56–65.

Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования. № 4, 28–39.

Никитина Д.А. См. Харламенкова Н.Е. № 6.

Никитина Е.А. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Никитина Е.А. Современные исследования мудрости: состояние и перспективы. № 2, 15–24.

Носкова О.Г. Педология и прикладная психология в России первой трети XX века. № 6, 83–91.

Обознов А.А. См. Журавлёв А.Л. № 6.

Олейник Ю.Н. См. Моргун А.Н. № 1.

Пермякова Т.М. См. Шевелева М.С. № 1.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Влияние системы референции на конструирование образа мира в психологии и физике. № 4, 50–58.

Пищик В.И. Нарциссизм и уровень тревожности азербайджанских и российских студентов с различными оценками аутостереотипов поведения. № 5, 24–36.

Погожина И.Н., Сергеева М.В. Логический компонент мышления как предиктор принятия решений о наличии коррупционного риска в ситуациях делового взаимодействия. № 6, 25–34

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Вклад К.К. Платонова в разработку проблем социальной психологии. № 3, 107–116.

Попов Л.М., Устин П.Н. Когнитивно-поведенческая концепция и возможности ее реализации в жизненной активности студентов. № 1, 26–35.

Почебут Л.Г. См. Журавлев А.Л. № 2.

Рассказова Е.И. См. Солдатова Г.У. № 3.

Рикель А.М. См. Непомелуева М.И. № 1.

Рубцова О.С., Феоктистова А.А., Марков Ю.А., Горбунова Е.С. Связь эмоционально значимой информации и особенностей пространственного восприятия городских объектов на карте. № 2, 98–105.

Рунец О.В. См. Семенова Ф.О. № 6.

Савостьянов А.Н. См. Князев Г.Г. № 2.

Самойленко Е.С. См. Артемцева Н.Г. № 3.

Семенова Ф.О., Китова Д.А., Рунец О.В. Психологические особенности отношения к безработице как социальному явлению. № 6, 111–120.

Сергеева М.В. См. Погожина И.Н. № 6.

Сергиенко Е.А. См. Журавлев А.Л. № 3.

Сергиенко Е.А. См. Журавлев А.Л. № 4.

Сидоренков А.В., Бороховский Е.Ф., Воронцов Д.В. Связь идентификации и гражданского поведения работников в организации: обзор эмпирических исследований. № 1, 92–101.

Слепко Ю.Н. См. Мазилов В.А. № 2.

Слободская Е.Р. См. Логинова С.В. № 1.

Слюсарев А.С. См. Куфтяк Е.В. № 5.

Смирнова Я.К. Айтрекинг-исследование дефицита совместного внимания в дошкольном возрасте. № 6, 46–59.

Снетков А.И. См. Харламенкова Н.Е. № 3.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности. № 3, 87–96.

Солотарев С. См. Аванесян Г.М. № 4.

Степанова О.Б. См. Матвеева Л.В. № 6.

Стоюхина Н.Ю., Журавлев А.Л. “Павловская” сессия: новое прочтение. № 5, 49–58.

Супрун А.П. См. Петренко В.Ф. № 4.

Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Аношкин И.В. Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями. № 3, 52–63.

Тарасова К.С. См. Веракса Н.Е. № 4.

Тихомирова Т.Н. Когнитивные функции и успешность освоения чтения в школьном возрасте при типичном развитии и умственной отсталости легкой степени. № 6, 35–45.

Толочек В.А., Машкова А.С. Компетенции как симптомокомплексы: биологическая и социальная детерминация. № 4. 86–96.

Устин П.Н. См. Попов Л.М. № 1

Ушаков Д.В. См. Юревич А.В.№ 3.

Феоктистова А.А. См. Рубцова О.С. № 2.

Фофанова Г.А. См. Гриценко В.В. № 5.

Фролова С.В. Проблема вариативности социально-психологических последствий внедрения новых технологий. № 4, 118–122.

Харламенкова Н.Е., Еськин Н.А., Снетков А.И., Акиньшина А.Д., Батраков С.Ю., Виленская Г.А., Дан И.М., Дан М.В., Матвейчук Н.Н., Никитина Е.А. Анестезия в детской и подростковой хирургической ортопедии: медицинские и психологические аспекты. № 3, 75–86.

Харламенкова Н.Е., Зайцев О.С., Никитина Д.А., Копосова А.Н. Тяжелая болезнь как экзистенциальная проблема. № 6, 70–82.

Хотинец В.Ю., Медведева Д.С. Особенности речемыслительной деятельности детей монолингвов и естественных билингвов. № 2, 25–35.

Цзыхань Л., Сяо Ган В. Психологические факторы посттравматического стресса, вызванного пандемией COVID-19. № 1, 102–110.

Чигарькова С.В. См. Солдатова Г.У. № 3.

Шевелева М.С., Корниенко Д.С., Пермякова Т.М. Шкала феномена самозванца: психометрические характеристики русскоязычной версии. № 1, 132–142.

Шпагонова Н.Г. См. Лисенкова В.П. № 5.

Юревич А.В., Ушаков Д.В., Юревич М.А. COVID-19: результаты третьего экспертного опроса. № 3, 128–136.

Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип. № 5, 59–68.

Юревич М.А. См. Юревич А.В.№ 3.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Елизаров С.Г. См. Сарычев С.В. № 5.

Журавлев А.Л., Почебут Л.Г., Чикер В.А. Е.С. Кузьмин как историк и методолог социальной психологии (к 100-летию со дня рождения). № 5, 89–99.

Ларина Г.Н. См. Сарычев С.В. № 5.

Мазилов В.А. Михаил Семенович Роговин — философ психологии (к 100-летию со дня рождения). № 5, 100–108.

Носкова О.Г. Проблемы психологии деятельности и ее субъекта в творчестве Е.А. Климова (к 90-летию со дня рождения). № 2, 106–114.

Почебут Л.Г. См. Журавлев А.Л. № 5.

Сарычев С.В., Ларина Г.Н., Елизаров С.Г. Проблемы малой группы и личности в научном творчестве А.С. Чернышева (к 85-летию со дня рождения). № 5, 109–118.

Чикер В.А. См. Журавлев А.Л. № 5.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абитов И.Р., Попов Л.М. VI Всероссийская научно-практическая конференция “В.М. Бехтерев и современная психология личности”. № 2, 134–138.

Карягина Т.Д., Кисельникова Н.В., Молостова А.Н., Шерягина Е.В. II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии памяти Ф.Е. Василюка. № 2, 127–130.

Кисельникова Н.В. См. Карягина Т.Д. № 2.

Кожевникова О.В., Хотинец В.Ю. Субъект деятельности в условиях перехода к цифровому миру (по материалам Международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации”). № 2, 131–134.

Константинов В.В., Хащенко Н.Н. VI международная научно-практическая конференция “Актуальные проблемы исследования массового сознания”. № 5, 119–125.

Молостова А.Н. См. Карягина Т.Д. № 2.

Попов Л.М. См. Абитов И.Р. № 2.

Созинова И.М. 32-й Международный конгресс по психологии. № 6, 121–124.

Хащенко Н.Н. См. Константинов В.В. № 5.

Хотинец В.Ю. См. Кожевникова О.В. № 2.

Шерягина Е.В. См. Карягина Т.Д. № 2.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РАН

О присуждении премии имени С.Л. Рубинштейна 2020 г., № 2, 139.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Александру Александровичу Обознову — 75 лет, № 6, 127–128.

Борису Алексеевичу Сосновскому — 80 лет. № 3, 147–148.

Виктору Исаевичу Белопольскому — 75 лет, № 6, 125–126.

Мухану Атеновичу Перленбетову — 60 лет. № 4, 123–126.

Наталья Евграфовна Максимова. № 5, 126–127.

Татьяна Петровна Емельянова. № 2, 140–141.

Юрию Михайловичу Забродину — 80 лет. № 1, 143–144.

* * *

Безденежных Борис Николаевич. № 5, 129–130.

Воловикова Маргарита Иосифовна. № 4. 127–128.

Гринченко Юрий Васильевич. № 2, 144.

Морозов Владимир Петрович. № 6, 129.

Ратанова Тамара Анатольевна. № 5, 128.

Чернышев Алексей Сергеевич. № 2, 142–143.

Указатель статьей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2021 г. Том 42. № 6, 130–133

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Психология

МАГИСТРАТУРА

Психология личности

Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА

Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).